

Монах Варлаам (Карабашев)

**МЕРА И ПОДОБИЕ,
или
о разном и по-разному**

Предисловие

Книга иеромонаха Варлаама (Карабашева) «Мера и Подобие» оставляет очень живой и светлый след в душе, от нее веет чем-то подлинным. Посвящена она одновременно весьма различным жизненным и богословским темам, и может показаться, на первый взгляд, что это просто собрание отрывочных впечатлений автора. Но, при внимательном рассмотрении, становится явной идеиная связь этих отрывков. Отец Варлам увлекает читателя за собой в повествование, а по ходу постепенно проясняется та духовная подоплётка мировосприятия автора, которая и является связующим разнообразных описываемых событий и впечатлений.

Сквозной авторской идеей, на наш взгляд, является прежде всего тайна Образа Божия в человеке, динамичная и весьма нелегко улавливаемая, металогичная степень сообразности человека своему небесному Прототипу. И совсем не случайно, что больные аутизмом детки, в которых обыденный взор склонен видеть скорее лишь устрашающее отклонение от и без того шаткой гармонии человеческого бытия, вдруг, благодаря интуиции отца Варлаама, предстают в очах читателя более светлыми и духовно здоровыми личностями, нежели обыкновенные, так сказать, «нормальные» люди. Больные дети оказываются некими духовными светлячками, посланными в мир для напоминания совсем затерявшимся в тумане повседневной суеты людям об утраченном ими Небесном Отечестве. Недаром и столь противоречивый «еврейский вопрос» как-то удивительно незаметно переводится автором из плоскости запутанной историософии в сферу неповторимости человеческой личности при несомненной поддержке прекрасного и порой

просто трогательного художественного слога. Хотя все-таки преимущество здесь стоит отдать не столько литературному слогу, сколько прекрасной духовной интуиции отца Варлаама. Ибо он победоносно выводит нас из безличной обобщенной риторики в жизненно-личную область, неразрывно связанную с подлинной темой сообразности неповторимых личностей – человека и Его уникального Создателя.

Духовная подоплётка или «субстанция», которой дышит авторская мысль, раскрывается более очевидным образом в его богословском осмыслении христианского пастырства как самоотверженного служения человечеству, созданному по образу Творца для живого и теплого общения в Любви. Отцу Варлааму удается излагать хрестоматийные истины так, что они предстают нашему взору как-то неожиданно по-новому, так, что катехизические основы оказываются актуально-близкими и жизненно важными. И вновь ключевая тема автора – степень сообразности человека Христу, нашему Прототипу, степень согласованности души нашей с душой этого Великого и Неповторимого Пастыря, дарованного истории человечества.

Неслучаен в свете основной темы автора и его вопрос о зачастую недооцениваемых нами выдающихся предках наших: «Как достичь духовного уровня своих предков тысячу лет спустя? Как умудриться снова не считать себя более просвещённым, чем они?» Действительно, если человек может быть похож на своего Создателя и Спасителя, то что есть прогресс, в нашем современном его понимании? Не ведет ли он порой более к надменению над прошлым, при одновременном измельчании мыслей, слов и дел человеческих? Такие мысли навевает авторский анализ малоизвестных современному читателю, но по-настоящему прекрасных строк древнего русского митрополита Илариона. И отец Варлаам помогает нам сегодня и почувствовать эту нетленную красоту древнего русского мыслителя-богослова Илариона, и призадуматься о

наших представлениях о цивилизационных «росте» и «развитии» человечества.

И еще одна тема, связующая практически все авторские размышления и переживания и вытекающая из предыдущей, – это благородство человека, которое особенно ярко возможно прочувствовать в его умении сострадать другим, участвовать любовно в их жизненных проблемах и светло переносить собственные страдания. Здесь в один ряд встают и авторские образы жертвенных пастырей душ человеческих, не щадящих себя ради слабых овечек – душ людских, матери-инвалида, души и сердца большой семьи, отнюдь не зацикленной на своей инвалидности, волонтеров и защитников Донбасса, вовсе не теоретически убежденных, что «милосердие, большие пользы приносит, тем, кто оказывает его», хотя порой душе просто «физическими больно» видеть страдания простых мирных жителей, особенно детей, женщин, стариков.

Вместе с отцом Варлаамом читателю становится легче верить и надеяться, что если Богом нам и посланы жизненные испытания, то «уж наверно, для того, чтобы мы их достойно преодолели, стали выше зла! Проживая земные трудности, перелистывая страницы нашей жизни и этой книги, сопереживая другим людям физически или даже просто сердечно и молитвенно, будем просить Господа сделать нас «сильнее ада», вернуть нас к Себе, «чтобы мы все... осознали – мы Образ и Подобие Божие».

Иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зинковские),
доктора богословия, кандидаты технических наук

*Моей сестре Наталии и в её лице
всем моим сёстрам посвящается...*

Вместо предисловия

Мера и Подобие

Однажды, когда я служил дьяконский сорокоуст в Александро-Свирском монастыре, то, заходя в алтарь преподобного Александра и прикладываясь к Валаамской иконе Божией Матери, впервые внимательно взгляделся в надписание внизу образа – «МЕРА и ПОДОБИЕ». Ничего себе название! Оно мгновенно и глубоко запало в душу: в самом деле, это фраза, вмещающая в себя целое понятие, которое вызвало в сознании просто каскад образов. На иконе изображена Матерь Божия в полный рост, а в центре ЕЁ образа в грудной области изображение Христа в младенческом возрасте, с протянутыми к нам ручками.

На иконе Матерь Божия и Христос – не вполне различные изображения, но представляются частями единой фигуры, где Матерь Божия как бы износит из Себя Младенца Спасителя. При этом динамика движения, начавшись от износящих Младенца рук Пресвятой Девы, получает развитие в ручках Младенца Христа и простирается в мир. И какая всё вмещающая фраза под иконой – МЕРА и ПОДОБИЕ, удивительно красиво сочетание этого образа с этими словами, которые, как мне показалось, буквально характеризуют изображение на иконе.

Впервые я увидел на этой иконе такое необычное название, а вернее, конечно же, просто не обращал внимания на эту

надпись. Что за удивительный художник так надписал Образ? Я был положительно «заворожен» этим и каждый день, заходя в маленький алтарь преподобного Александра, прикладываясь к Валаамской иконе Матери Божией, невольно шептал – «МЕРА и ПОДОБИЕ». Как верно, передо мной воистину Мера и Подобие. Наверное, неделю я ходил под этим впечатлением, пока однажды по своему обыкновению не начал размышлять вслух в окружении братьев монастыря. Мы были в помещении при большом алтаре, где переоблачиваются, могут присесть, передохнуть и переговорить все присутствующие на службе. Так вот, один из иеродиаконов, помогающий и заботившийся обо мне, очень светлый человек, услышав мои умозаключения, говорит:

– Да нет, отче, «Валаамская» – и есть название этой иконы Богородицы, а «Мера и подобие» – это просто означает, что перед нами есть точная копия оригинала. То есть образ, имеется в виду, – то же изображение, что и на Валаамской иконе, а мера – означает тот же размер образа, как на оригинале.

– Проще говоря, в древности словосочетание «Мера и подобие» имело то же значение, что сейчас значит «точная копия», не более того? Что название иконы просто «Валаамская» – известно всем, однако, мне представилось, что «Мера и подобие» – тоже надписание к этому образу, бывает же двойное название у икон. Тем не менее, что ж, понятно. Всё просто, Спаси Господи.

Это было неожиданно. Однако, на удивление, подобное откровение хоть и казалось каким-то предательским по отношению к моим чаяниям и изменяло ставшее уже дорогим мнение, однако, не смогло вытравить из моего сознания заветных слов. Просто художественная красота словосочетания «мера и подобие» вызывала некую музыку, что ли, в душе, понимаете, неизъяснимую песнь о всевечном стремлении и желании человека достигнуть возможной меры совершенства, и мера

эта возможна в единственном устремлении и движении к Подобию Христа.

Ведь, в самом деле, духовное устремление каждого христианина – быть подобными Христу, по Его же слову: «Будьте подобны Мне, как Я подобен Отцу...», при этом мера Бога не достижима ни для кого, зато Матерь Божия – человек и, родившись среди людей, вполне может являться Мерой чистоты и непорочности, возможной для человека. Да, это одновременно призыв к святости и удостоверение в возможности достигнуть цели этого призыва. Как бы говорилось: «Будьте подобны Мне и сможете приблизиться к мере Одной из людей, ставшей Материю Божией».

В общем, как бы ни было сложно объяснить самому себе происходящее в душе, тем не менее совершенно ясно было одно – расстаться просто так с этой фразой невозможно.

Хорошо, если это не название иконы, тогда это должно стать названием книги, хотя бы по одной единственной причине, что не может такое название оставаться только просто синонимом понятия «точная копия», ну не допускает этого душа – и всё тут. С душой спорить безблагодатно, это знают все. Однако органически следовал вопрос – а о чём будет книга с таким названием? В самом деле, ну что можно написать в книге под названием «Мера и Подобие»? При внимательном, но чуть более широком взгляде тот смысл, который нами вкладывался в эти слова, вмещает в себя собственно, сам смысл человеческого бытия.

Нет, правда, ведь как угодно можно размышлять, однако мир создан Богом для нашего совершенства, позволяющего пройти в вечность. В Царство Небесное, куда «ничто нечистое войти не сможет», куда войти возможно, только достигнув той Меры и того Подобия, о котором мы говорили выше. И достижение это возможно.

Хочет кто-то или нет, но жизнь всего нашего мира – это сознательный, ну, возможно, у человека неверующего подсо-

знательный, в реальности часто даже бессознательный поиск такой меры и подобия. И пусть по-разному у разных людей, в разных странах и в различных эпохах это выражается. Кто имел счастье узнать Христа, те идут прямо, по Его заповедям; у других могло не быть такой возможности, однако сама природа человеческая толкает и их всех на поиск пути в Царство Небесное.

При этом у одних это проявляется пока в осмыслиении религии, другие назовут это неким общим поиском истины, иные будут объяснять свои духовные искания достижением личного совершенства, кто-то обретением высшей гармонии, всеобщего счастья и т. д. и т. п. и многажды, многажды. Всё в зависимости от местонахождения и развития, от уровня как духовного, так и интеллектуального каждого из людей. Да, путь этот начинается как у отдельного человека, так и у целых народов порой с совершенно разных точек отсчёта, а протекает иногда по самым немыслимым, казалось бы, траекториям, но это всегда оно, вложенное в нас Творцом и Создателем всего, – стремление человека в вечность.

Это в общем, а в частности даже у нас, христиан, путь этот далеко не одинаков и далеко не прост. Но при всей различности нашей, разности образа жизни и взглядов, это тот же самый поиск пути в Царство Небесное. А раз это так, то может и написать надо в такой книге, о разном и по-разному? Возможно, тогда это будет отражением очень различного, однако, если взглянуться, то постоянного и именно этого, единственного, вечного человеческого устремления? Возможно ли так написать? И как это сделать? Не знаю.

Но обязательно попытаюсь. Итак...

О разном и по-разному

Раздел 1

По-разному об истории и богословии

Часть 1

Парафраз на тему: «Слово о законе и благодати» — произведение Илариона, митрополита Киевского (XI век)

Господи, благослови!

**О законе, данном Монсаем, и о благодати и истине,
явленной Иисусом Христом, и как закон миновал, а благо-
дать и истина наполнила всю землю, и вера распростра-
нилась во всех народах вплоть до нашего народа русского;
и похвала великому князю нашему Владимиру, коим мы
были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей.¹**

Это заглавие удивительного произведения, о котором нам следует далее рассуждать. Само заглавие ёмко, лаконично, каждая фраза весома и исчерпывающа, при этом автор придаёт слову течение, слово течёт спокойно и мощно. Такое за-

¹ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII века.

главие заставляет на миг замереть и задуматься о глубине и значимости обсуждаемой темы.

Митрополит Иларион – наш первый русский митрополит. Невозможно не сказать о нём несколько слов. Он – автор «Слова о законе и благодати». В нашем случае не имеет смысла приводить весь текст, но скажем, что это тот случай, когда само произведение в немалой степени характеризует автора. Представим, идёт год 1051-й – время Ярослава Мудрого, во многом его заботами впервые на Руси поставлен митрополит из русских. Но задумаемся: крещение Руси произошло в 988 году, то есть всего 63 года прошло, как на Руси установилось христианство. Менее века только осваивается кириллица; при такой исторической обстановке уровень грамотности, казалось бы, не мог быть высоким; и вдруг сразу такое серьезное, просто монументальное произведение, канонически бесспорно точное, изящное и богословски глубокое. Аналогов в мире нет, но если взять во внимание только богословие – и то это будет уровень зрелой Византии, «дивлению сие подобно». В этом есть тайна.

На поверхности две причины: первая, меньшая – это наше незнание и по незнанию умаление своей собственной истории, что можно заключить из слов самого митрополита. Он обращается к слушателям с такими словами: «Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах написано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия. Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сыном Его, не чуждым, но наследникам Царства Небесного...»²

Бесспорно и очевидно, что обращается митрополит к людям грамотным, знающим Священное Писание и богословски вполне образованным. При этом круг слушателей и читателей

² Там же. С. 29.

был самый широкий. В «Слове» похвала и обращение к князю Владимиру, соответственно читаться оно могло уж в первой редакции – так точно только перед его мощами в кафедральном соборе. Такое всегда сопровождается наибольшим скоплением народа. Кроме того, подобная речь первоиерарха должна была прочитываться во всех храмах страны, также как это происходит и сейчас. (Это мы как раз соблюдаем древнюю традицию.)

Спокойно, как само собой разумеющееся, кратко, но красивейшей вязью, выкладывает блаженный владыка Иларион всю христианскую доктрину. Тонко и уверенно освещает сложнейший вопрос, раскрывает Предвечный Замысел Творца. Вне всякого сомнения – обращение к людям, прекрасно понимающим, о чем речь. «Слово» не оставило равнодушными и современных нам ученых. Вот слова, может быть, самого маститого академика в этой сфере, Д. С. Лихачева: «Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания, и по той блестящей форме, в которую оно облачено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это – не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему»³.

После такого отзыва мы имеем право повториться: произведение написал наш русский человек, и это всего немногим более полувека после крещения Руси. Да... не вполне мы знаем свою историю и, не зная, умаляем, что странно.

Вторая же из причин – основная, она очевидна. Это прикосновение самой благодати Божьей к блаженному митропо-

³ Там же. С. 20.

литу. Другими словами, исполненный благодатью, писал о благодати, писал не как рассуждающий, но как в полноте владеющий вопросом. Перед этим должно склонить голову, и все выше написанное является не столько вступлением, сколько минимальным выражением благоговения перед величием и автора, и произведения.

Теперь с осторожностью приступим к предмету. Слава Богу, нам не нужно обсуждать отношение закона и благодати в общем смысле, так как тема эта неисчерпаема и может иметь множество частных богословских мнений. В сущности это теологumen, а значит, есть место для рассуждения.

Для нас показалось особенно интересно, что автор основное внимание уделяет сложному и одновременно волнующему вопросу, а именно – отношению закона и благодати. Как бы говоря: коль скоро всем понятно, что такое закон, и знакомо понятие благодати, то поговорим об отношении этих понятий. А нам, собственно, и не нужно рассуждать здесь самим, необходимо просто прислушаться к рассуждению первоиерарха тысячу лет назад и попытаться выделить интересующую нас тему в контексте «Слова». Вначале это слитное произведение мы разделим на три условные части, просто для удобства исследования.

Итак, погружаемся в само произведение. Сразу же после благословения митрополит Иларион приступает к освещению именно интересующей нас темы – отношения закона и благодати, укореняя это отношение в Начале Начал – предвечном замысле спасения человечества: «Бог христианский... не попустил творению Своему... погибнуть... но прежде скрижалями и законом оправдал род Аврамов, затем же Сыном Своим спас все народы»⁴. После этих слов, восхвалив Творца, Его милосердие и крестные страдания за нас, снова направляет внимание на главное: «И кто столь велик, как Бог наш? Он, един творя-

⁴

Там же. С. 27.

иций чудеса, уставил закон в преуготовление истины и благодати, чтобы <пестуемое> в нем человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обыкло веровать в единого Бога, чтобы, подобно оскверненному сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять молоко благодати и крещения⁵. Здесь, еще более укоренив, обозначает автор основное древо рассуждений.

Далее в продолжение всего произведения в прекрасных образах и аллегориях (впрочем, богословски прекрасно обоснованных), пред нами раскрывается и как бы все более и более доводится до сознания глубина и непостижимость Божьего творческого замысла, тем не менее могущего проникнуть в душу и быть принятим ею. Такая возможность открывается как раз через осмысление отношения закона и благодати, с помощью последней и на основании того, что мы, христиане, – чада благодати. Автор же наш поясняет: «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служитель будущего века, жизни нетленной. Ибо закон приводил подзаконных к благодатному крещению, а крещение провождает сынов своих в жизнь вечную. Моисей ведь и пророки проповедали о пришествии Христовом, Христос же и апостолы – о воскресении и жизни будущего века»⁶.

Сосредоточив наше внимание на основных полосах: закон – временная необходимость, Христос же – Сам Истина и Благодать, только через Него путь в вечность, автор начинает более внимательное рассмотрение отношения закона и благодати. Совершается оно на прообразах, избираются Агарь и Сарра: «Вначале рабыня, – говорит автор, – потом свободная», и добавляет: «да разумеет читающий»⁷. Интересно, почему автор здесь особо призывает к разумению? Основная причи-

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 29.

на будет раскрываться на протяжении всего произведения, но была и та, что на Руси это место могли толковать неуверенно.

Учёные говорят, что Русь из общинно-родового строя сразу перешла в фазу раннего феодализма, избежала рабовладения, переступив, не задевая его, – уникальный случай в истории. Соответственно, сравнение с рабыней, как незнакомое, могло вызвать разные толкования. А наш владыка считал необходимым довести до сознания своего народа любые сложнопонимаемые места Писания. Такое стремление бывает только тогда, когда ты уверен, что сознание готово воспринять сказанное.

На самом деле ранний феодализм в Европе и то устроение жизни на Руси, которое историки называют тем же строем, различны совершенно, Русь всегда имела особое устроение, никак не согласующееся с Западом, либо Востоком. Рабовладельческий же строй пережила, пребывая Скифией, за многие века до образования такого бы то ни было, кроме первобытного, строя в самой Европе. Соответственно, в начале XI века была страной с гораздо более чем тысячелетней, историей, что обязательно подразумевает общее развитие самого населения, наличие древних культурных корней, и как результат – неизбежно в веках возрастающего от поколения в поколение интеллекта самого населения страны. На многое хорошее уникальна моя Родина, на многое хорошее.

И вот, митрополит Иларион разъясняет этот вопрос, древо рассуждения возрастает, протягиваясь к основным образам. Авраам изначально имел женой своей свободную – Сарру, но не дано было ей родить до старости, и родила рабыня. В сопоставлении этому ставится вот что – было предвечное произволение явиться Сыну Божьему – Благодати и Истине, но не готовы были люди, и дан был закон – тень, а не истина. Далее, следуя выбранным прообразам, сын рабыни Исмаил уподобляется закону с Синая, а вот рождение Исаака предваряет

явление Святой Троицы. Это становится связью с будущим Богооплощением. Там Бог Святой Троицей сошел на землю у дуба Мамврийского, и здесь Бог сходит, облекшись в плоть во чреве Пресвятой Девы, и являет Себя всему миру. Митрополит делает заключение: «И родилась Благодать – Истина, а не закон, Сын, а не раб»⁸. Красиво, правда! Вполне законное соотношение. Сошествие Бога возможно соотнести только со следующим Его же сошествием. А чтобы не пытались по-человечески понять это, наш митрополит предваряет такую попытку исчерпывающим изречением: «Неведомое и тайное премудрости Божией скрыто было от ангелов и от людей не как бы неявляемое нечто, но утаенное и должно открыться в кончину века»⁹. Автору здесь не возразишь.

Между тем «Слово» набирает силу, основное древо рассуждения, всё более укрепляясь, выпускает свежие ветви. Органично и плавно переходит автор от образа к образу, посредством их сопоставления еще более раскрывая и глубже очерчивая тему, при неизменной сути, освещая новые стороны, движение мысли то же. На Синае закон был дан иудеям в помощь, чтобы они смогли подготовиться к принятию истины и благодати и своим примером подвигли бы на это и другие народы, но не пошли иудеи к свету. Закон – земное, по сути – просто тень, а благодать – истина – небесное, вечное.

К земному приковались иудеи своим собственным произволением, сами не пошли к небу и другим решили помешать. Посчитали, что это сам закон дает им власть и силу, забывая при этом, либо помрачившись, уже по сути перестали считаться и с Давшим закон, представляя Бога частью закона.

И верный Богу, следя начатому исследованию, блаженный наш владыка видит следующее подобие. Как только Исмаил – сын рабыни – стал обижать Исаака – сына свободной,

⁸ Там же. С.29.

⁹ Там же. С. 29.

сразу за то был изгнан в пустыню вместе с матерью. Так и иудеи были изгнаны и рассеяны по земле вместе с законом.

Не закон стал враждебным истине и благодати, но подзаконные, используя закон, искали земной власти и благоденствия только для себя одних, как для обладателей закона. Считая себя первородными по закону, решили, что это само по себе дает им право на владычество, автоматически делая их наследниками благодати. И митрополит блестяще показывает это, используя для примера благословение Иаковом детей Иосифа: Манассию первородного и Ефрема – младшего. Здесь уместнее привести цитату прямо из Библии: *И сказал Иосиф отцу своему: не так отец мой; ибо это – первенец, положи на его голову правую руку твою. Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын мой, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его.* (Быт. 48, 18–19).

По закону иудейскому первородный сын благословлялся правой рукой, а меньший – левой, так и подвел их Иосиф к отцу под благословение. Но через Иакова в тот момент совершилась воля Божия, а она от закона не зависит, и большим будет тот, кому уготовано свыше, а не тот, кто подходит по закону. И слушаем владыку Илариона: «Закон ведь и прежде был и несколько возвысился, но миновал. А вера христианская, явившаяся последней, стала большей первого и распространилась во множестве народов. И благодать Христова, объяя всю землю, ее покрыла, подобно водам моря»¹⁰.

Но подзаконные, усердствуя в злобе, принять Христа уже не смогли, превратившись, таким образом, из подзаконных в беззаконных. И теперь наш автор уподобляет их руну Гедеонову, а благодать – росе, посланной Богом. Справедливо такое сравнение, ведь после первого прошения Гедеона роса была послана Богом на руну, а вокруг было сухо, а после второ-

¹⁰ Там же. С.33.

го – роса была по всей земле, а руно высохло. Подобно тому и христианство, как роса Божия, распространилось среди многих народов, а иудеи из плена попадают в плена, давно отнят ковчег и скрижали завета, давно жертвы их неугодны, мерзки пред Богом, храм Божий превратили в центр беззакония, и звучат слова Спасителя к самарянке: *…не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу… Настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет себе.* (Ин. 4, 21–23)

И, конечно, нашел себе Отец Небесный таких истинных, родившихся во Святом крещении от Святого Духа. А что же закон и чада закона? Тени уподобил вначале автор закон, тенью он и остался. За тенью пошли иудеи и по сию пору за тенью ходят. Христиане же пошли за истиной и благодатью, ведомые Духом Святым в вечную жизнь с Новым Заветом любви и с заповедями блаженства. Там свет вечный, это нетварный свет, от такого света тени не бывает.

Так кратко можно сформулировать окончание первой части произведения, что вполне согласуется со вложенным в него смыслом.

На этом, казалось бы, тема отношения закона и благодати исчерпывается просто по причине того, что закон миновал. Но мы, увлеченные течением слова и буквально захваченные потоком самого рассуждения, теперь просто не можем не следовать за автором. Митрополит же уверенно ведет нас далее.

С новой силой восхвалив Бога за Его милость к человечеству, владыка Иларион начинает кратко и точно излагать догмат Боговоплощения: «Один из <Святой> Троицы, Он – в двух естествах: Божестве и человечестве, совершенный, а не призрачный человек – по вочеловечению, но и совершенный Бог – по Божеству»¹¹.

¹¹ Там же. С. 35.

И далее ровный ряд четких и кратких формулировок, в которых пред нами, как вспышками, в ясных образах показывается вся земная жизнь Спасителя. Но это не просто некие тезисы, это в каждом случае сопоставления человеческой и Божественной природы Христа. Мысль митрополита по-прежнему светла и точна. Только сейчас не на прообразах, а на первообразе с новой стороны освещается земное и небесное – это, в сущности, то же самое отношение закона и благодати, ведь на землю сошел давший закон, и *пришел не нарушить закон, но исполнить*. Далее возможно только привести слова автора, приведем лишь несколько его сопоставлений, и любые пояснения станут излишними:

«Явивший на земле свойственное Божеству и свойственное человечеству, как человек, он, возрастая, ширял материнское лоно, – но как Бог исшел <из него>, не повредив девства...

Как человек Он был повит пеленами – но как Бог звездою путеводил волхвов...

Как человек Он бежал в Египет – но как Богу поклонялись <Ему> рукотворения египетские...

Как человек, обнажившись, Он вошел в воду – но как Бог принял свидетельство от Отца: *Сей есть Сын мой возлюбленный...*

Как человек Он прослезился, <восскорбев> о Лазаре, – но как Бог воскресил его из мертвых...

Как человек Он был распят – но как Бог своей властью распятого с ним <благоразумного разбойника> ввел в рай...

Как человека тщились иудеи утаить воскресение <Его>, мздовоздавая страже, – но как Бога познанием и ведением <Его> исполнились все концы земли»¹².

Удивительный митрополит наш здесь и от себя ничего не добавил, и в то же время, будто отодвинув штору, показал но-

¹² Там же. С. 35.

вую сторону отношения закона и благодати, земного, человеческого и небесного, Божьего.

Затем автор начинает рассмотрение отношения детей закона и детей благодати, что верно логически. Для наглядности сопоставляются дела тех и других; вначале тех, кто пригвоздил Господа. Болью отдаются слова автора о том, как иудеи, превратившись целиком в злобу, вознесли на крест истину и благодать, как Господь, долготерпя три года до распятия, исцелял больных, глухих, хромых, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, учил добру, милосердию и кротости, взамен слыша оскорблений, насмешки, ложные обвинения, беззаконный и, казалось, бесконечный поток злобы и предательства.

Среди этого скорбного перечисления автор приводит не только некоторые притчи, сказанные Спасителем, но также и Его слова, сказанные ученикам, когда те просили Его об исцелении сирофиникиянки: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24). Ведь не сказал больным или заблудшим, но погибшим. И от погибших Господь не отрекся, и силен был их воскресить, только они пожелай. Высота долготерпения Божия! В ответ казнь на кресте. Но еще до креста громом звучат слова Спасителя, сказанные иудеям: *Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего* (Ин. 8, 44). Горькая, но правда. И еще сказал: *Се оставляется, дом ваши пуст* (Мф. 23, 38). Это уже звучит страшным, но заслуженным приговором. Такова вкратце суть этой части произведения.

Показав отношение иудеев ко Христу, наш митрополит неуклонно ведет далее «красной нитью» основную мысль: «И подобало благодати и истине воссиять над новым народом. Ибо не вливают, по словам Господним, вина нового, учения благодатного, в мехи ветхие, обеташвавшие в иудействе, – а иначе прорываются мехи, и вино вытекает. Не сумев никак удержать закона – тени, но не единожды поклонившись идолам, как

удержат учение благодати – истины? Но новое учение – новые мехи, новые народы! «И сберегается то и другое»»¹³.

Невозможно налюбоваться блаженным митрополитом Иларионом. Перед нами легко и точно, как в красивой мозаике мастером, достраивается заключительная часть этого соотношения. Следуя логике и как бы подводя итог, теперь делам иудеев противопоставляются дела принявших Христа. Против произвольного падения иудеев – также произвольное возвышение и взлет народов христианских: «Тогда как слепы были мы и не видели света истины, но блуждали во лжи идолъской, к тому же глухи были к спасительному учению, помиловал нас Бог – и воссиял в нас свет разума к познанию его, по пророчеству: *Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат*»¹⁴.

Далее новая череда чудеснейших сопоставлений. Но слушаем владыку, лучше него не скажешь, да и незачем. Достаточно будет также нескольких высказываний:

«И не по-иудейски <потому Его> злословим, но похристиански благословляем...

Не совет держим, как распять <Его>, но как Распятому поклоняться...

Не тридцать сребреников взимаем за <предание> Его, но «друг друга и весь живот наш» предаем Ему...

Не неверуем, но, как и Петр, к Нему взыываем: «Ты – Христос, Сын Бога живого» – <и восклищаем вместе> с Фомой: <Ты – Господь наш и Бог> – и с разбойником <благоразумным>: «Помяни нас, Господи, во царствии Твоем!...

Сбылось на нас предреченное о язычниках: *Обнажил Господь святую мышцу Свою пред глазами всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего* (Ис. 52, 10)»¹⁵.

¹³ Там же. С. 35-37.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 41-43.

Как завершение этой части из глубины веков доносится голос закона в словах древних пророчеств о Спасителе и о спасении человечества. Радостны и утверждающи голоса пророков. Вот они были не только истинными детьми закона, но и стражами его.

Следующая, третья часть произведения – это похвала святому великому князю Владимиру, крестителю Руси и его ближайшим потомкам, современникам митрополита Илариона. Но если взглянемся, то увидим, что хвалит владыка Русь-матушку и народ свой русский. Говоря о князьях, митрополит заостряет внимание на том, что: «Ведь владычество они не в безвестной и худой земле, но в русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли»¹⁶. Древней, заслуженной гордостью за Родину дышат слова автора.

Не одних князей дела, но всех людей русских не просто хвалит, но любуется своим народом, любуется по-русски, не возвышая его над другими, но радуясь за него. Говоря о красавце Киеве, хвалит все города русские, их церкви и соборы. Говорит: «Пастыри словесных овец Христовых – епископы – представили святому алтарю, принося бескровную жертву; пресвитеры и диаконы и весь клир благоукрасили и в благолепие облекли святые церкви. Труба апостольская и гром евангельский отгласили все грады. Встали на горах монастыри, явились черноризцы. Мужи и жены, малые и великие, люди все, наполнивши святые церкви, восславили <Господа>, взывая: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь!»¹⁷.

Давно усопшего князя Владимира по-детски зовет подняться и посмотреть на Русь, истинную дочь Христову, чадо истины и благодати. Если «Слово» мы вначале уподобили древу, на котором (в продолжение всего этого удивительного произведения) на наших глазах вырастали прекрасные ветви, а одна из

¹⁶ Там же. С. 43-45.

¹⁷ Там же. С. 45-47.

них (скажу – самая красивая) – это Русь православная, то райскому цветку будет подобна молитва: «От всей земли нашей». Молитва первонерарха за свою Родину и свой народ. Молитва серьезная, вдумчивая, глубокая, искренняя. Молитва святого. Такая молитва напрямую восходит к Престолу Божьему.

И сразу из сего цветка появляется самый настоящий небесный плод – Символ веры. Древний символ, мощный, любимый всяким монахом, полное исповедование, которое выражает собой торжество Православия, небесную лестницу. Основанием эта лестница упирается в древний закон и столпом света уходит в Небесное Царство – обитель истины и благодати. Символ веры есть логическое и прекрасное завершение произведения.

И это XI век, просто 1051 год от Рождества Христова, почти тысячу лет назад. Чтение подобных произведений как-то оглушает, безжалостно отрезвляет нас, возомнивших о себе, как о людях более просвещённых, нежели они – наши предки, тысячу лет назад. Что же тогда есть этот самый прогресс? Как вернуть безвозвратно потерянное? Как достичь духовного уровня своих предков тысячу лет спустя? Как умудриться снова не считать себя более просвещённым, чем они? Надо не изучать, а учиться у них, но как?!...

Святителю отче Иларионе, моли Бога о нас грешных!

Тула. Лето 2010 г.
Монах Варлаам

Используемая литература:

1. Библия
2. Евангелие
3. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под редакцией Д. С. Лихачева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII века.

Часть 2

Размышления о пастырстве, или ночь перед хиротонией

Проклят, кто дело Господне делает небрежно
(Иер. 48, 10).

I

Прочёл очередной раз слова пророка Иеремии – *Проклят всяк делающий дело Божие с небрежением*, и очередной раз задумался. Ведь не сказано пророком «наказан», сказано «проклят», и не «не делающий», даже не «мешающий делать», а кто делает, но небрежно. И как регент настраивает звуком камертона хор, так и эта фраза выстраивает духовное наше устроение соответственно словам пророка, стоит лишь вдуматься. При такой внутренней «настройке» наши богослужебные и духовные небрежности становятся видны во всём, причём требуют немедленного исправления. Путь же к устраниению этой уже вьевшейся в само наше существо и, кажется, даже повредившей это существо небрежности, остался, по причине такого повреждения, один – самоотвержение. Может показаться, что в наше время такое понятие как «самоотвержение» стало часто в дело и не в дело употребляемым, ну, как бы избитым. Однако...

Пастырское самоотвержение – это понятие, касающееся и, собственно, открывающее (правильнее будет приоткрывающее) саму суть и основу церковного богослужения. Правильное понимание этого вопроса разъясняет смысл существования Церкви Божией как таковой. Мы здесь имеем в виду ту часть Церкви, которую принято называть земной (при рассуж-

дении, однако, ни на секунду не забудем, что Церковь земная есть органическая и неотъемлемая часть Церкви Небесной) и безусловно является устроением Божиим.

Вначале надо тщательно раскрыть смысл слов «пастырское самоотвержение», то есть раскрыть по возможности ясно, однозначно, полно и категорично. Как известно мышление считается верным тогда, когда оно следует законам логики.¹⁸ Во всяком случае, воспринимается однозначно всеми только логически верное рассуждение, то есть соответствующее давно принятым законам логики.

В таком случае логически «пастырское самоотвержение» это понятие общее, абстрактное, не пустое. Любое не пустое понятие делится на два признака – содержание и объем¹⁹. Объемом в данном случае будет слово «самоотвержение», то есть «что», а содержанием слово «пастырское», то есть «какое». Приступим к раскрытию содержания и объема этого понятия.

Для начала раскроем словари. В церковнославянском словаре слово «пастырь» означает «пастух». Руководитель в духовной жизни, попечитель, промыслитель²⁰. Так, посмотрим еще у Даля: «пастырь – пастух духовный, священник, архипастырь, архиерей»²¹. Для начала вполне достаточно.

Теперь посмотрим, что такое самоотвержение, в первом источнике нет, но у Даля обозначено ясно, причем в одном контексте стоят слова «самоотвержение» и «самоотречение»: «состояние человека, который жертвует всеми суетными благами и даже жизнью свою на пользу ближних, для частного или общего блага; самоотречение также заглушение в себе всяких личных побуждений, с преданием самого себя на пол-

¹⁸ Дружинин В. И. Конспект по предмету «Логика». Тула: Тульский полиграфист, 2009. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Полный церковнославянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2005. С. 409.

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык–Медиа, 2007. Т. 3. С. 23.

ную волю Провидения»²². Даль есть Даль, здесь всё предельно ясно.

А чтобы разобраться с понятием в целом, необходимо вернуться в начало начал. Обращаемся к Святому Писанию: *И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал* (Быт. 2, 2). Из этого места Священного Писания может показаться, что дело творения закончено, раз Творец «почил». Почиваю – значит покоюсь, отдаю духа²³. Однако далее в этой же главе Библия повествует: *И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку ... и далее* (Быт. 2, 15-16).

Что это, как не первообраз пастырства, вспомним «попечитель, промыслитель». Творец буквально пасет Свое творение, назидая и воспитывая его, давая ему заповеди, беседуя со Своим творением. А ведь это Творец, Создатель всего видимого и невидимого с высоты Своего величия сходит к творению, хотя сам акт творения закончен, и Бог, собственно, почнет. В этом уже виден пример самоотречения, и далее Он сходит в рай после нарушения людьми заповеди, давая праотцам возможность покаяться, что тоже признак явной заботы. И только после полного грехопадения первых людей, то есть обмана ими Бога, следует вразумление и должное наказание. Когда изрекается мера наказания, сквозь гнев Божий явно ощутима скорбь Творца о Своем творении.

Тем не менее далее: *И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их.* (Быт. 3, 21). Не оставил, уже проклятых и справедливо наказанных, но одел, продолжая промышлять и печься о людях, создавая отчетливый образ Первопастыря. Бог самодостаточен, бесконечен и всесилен, Ему, ка-

²² Там же. Т. 4. С. 134.

²³ Полный церковнославянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2005. С. 471.

залось бы, создать новое творение проще. Но также и всеялаг Творец, и в прямом смысле являя образ самоотречения, снисходит к бесконечно малому и при этом предавшему Его творению. Продолжает Господь попечение о нем и промышление, промышление же это продолжается по сию пору, как о судьбах всей вселенной, так и о каждой душе человеческой.

А человечество будет множество раз бросаться в бездну греха, и часто из самой глубины этой бездны его будут подхватывать и заново выводить к свету пастыри, которых Господь воздвигнет, и движимы будут пастыри эти именно духом самоотвержения.

Таков был Ной – пастырь оставшихся после потопа людей. Удивительный строитель и капитан первого «корабля спасения». Ведь представить невозможно силу молитвы этого человека, когда везде прошла гибель и смерть, уничтожив всё живое, когда многомилионные тонны чёрной, бушующей воды гигантскими тисками сдавливают скрипящий по всем швам и оказавшийся таким маленьким корпус ковчега. А глазами какой-нибудь рыбы из глубины кажущийся незначительной, маленькой щепочкой, то и дело теряющейся в пене бушующего и уже не имеющего берегов океана. И в этой едва различимой с высоты птичьего полёта песчинке – все живое и все человечество (одна семья). Доигрались. Как же так?! Каким ужасом должны быть объяты добровольные пленники ковчега? Как должен был хохотать ад? Однако пастырь ни на секунду не усомнился в милосердии Божием и молился так, что бездна, как ни лготовала, не по зубам ей оказался ковчег, не оставил Творец.

Человечество размножилось, разбрелось после смешения языков в разные стороны земли, снова погружаясь во мглу язычества, но Господь воздвигает нового пастыря – Авраама, ему должно быть родоначальником народа, который обязан сохранить и укрепить живую связь Бога и человека до пришествия Спасителя.

Девять раз являлся Бог Аврааму, поддерживая и укрепляя его, и был Авраам пастырем примерным, а по повелению Божию, не раздумывая, понёс на жертвенник единственного, любимого сына, показав тем высоту самоотречения, дотоле между людьми не встречаемую. На востоке очень любят легенду, о которой у нас как-то не слышно²⁴. Говорят, Авраам никогда не вкушал трапезы, если у него не было гостей, то есть если не прислал Господь никого, кого он мог бы угостить, то и ему не надо. Нет гостей день, Авраам день без пищи, нет неделью – неделью не вкушает и он, а однажды сорок дней не было гостей, и сорок дней без пищи обходился патриарх. На сороковой день его посетила Святая Троица. Легенда, но очень красивая и правдоподобная.

Трижды являлся Первопастырь и Иакову «Израилю», родоначальнику двенадцати колен Израилевых. Опекал Господь патриархов. Но человечество пошло путем боли и скорбей. И в самый безысходный момент возносится пастырский жезл в руках величайшего из пророков, а за его самоотвержение пред ним расступается само море. В руках Моисея сходят с Синай Скрижали Завета, законно несомые руками пастыря. Пока Моисей предстоял перед Всевышним, евреи успели предать и его, и Бога. Как должно было быть Моисею больно! Но его путь – это путь самоотречения: *И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, народ сей сделал великий грех; сделал себе золотого бога. Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32, 31-32). Вся жизнь великого пророка – олицетворение пастырского самоотвержения, и явилась безусловным примером для всех пастырей. Однако он перед смертью спел иудеям гимн «Вонми, небо, и возглашю...», который, казалось бы, должен вразумить любого, но не вразумились те, за которых он просил Бога и готов был умереть, не задумываясь.

²⁴ Мне рассказывали её на Афоне.

II

Теперь, следуя инерции нашего рассуждения, для более тщательного рассмотрения темы, можем преобразовать понятие «пастырское самоотвержение» в высказывание: «Пастырство есть путь самоотвержения и самоотречения». Логика называет такое высказывание общеутвердительным суждением, имеющим прочную логическую связь (которую мы обосновали выше приведенными примерами). Далее говорит логика, что любое высказывание только тогда истинно, когда описываемое в нем положение дел имеет место в действительности²⁵. На самом деле вышеприведённые примеры уже служат обоснованием этого, однако, в таких вопросах, как известно, неполезно ограничиваться только ветхозаветными примерами. То есть надо представить события, однозначно доказывающие, что пастырство – это во все времена есть путь самоотвержения. Соответственно лучше это сделать тем же способом, он, кстати, называется – демонстрация. Сделать это приятно, а для монаха – так просто почетно.

На всем протяжении Священное Писание показывает нам различные образы пастырей. После эпохи Судей харизма пастыря как духовного руководителя начинает постепенно переходить к первосвященству. Как прямым слугам Божиим, им приличнее быть примером и образом величайшего Первопастыря. Это и вообще не просто, а если без самоотречения, то губительно.

Что Библия и показывает на примере первосвященника Илия. Сам, будучи благочестив, но не в силах отречься от своих привязанностей, он не может призвать к благочестию собственных детей. Должно было отринуть их от служения за их нечестие, на их же местах утвердить людей, достойных

²⁵ Дружинина В. И. Конспект по предмету «Логика». Тула: Тульский полиграфист, 2009. С. 35.

священства. Однако не смог перебороть себя первосвященник, став поруганием собственного чина. Всем известна их трагическая и безысходная смерть, но наказаны не одни они, слишком за многое отвечает пастырь; кроме военного поражения израильской армии, гибели Илия и его детей, у народа отнимается Ковчег Завета – залог Божией помощи.

Были и праведники в Израиле, не могло не быть, Господь в очередной раз прощает, и в этот раз Ковчег Завета возвращается к евреям, но нам хорошо известна дальнейшая история этого народа. Пастырство, в конечном счете, совершенно утверждилось среди священного чина, только сами первосвященники забыли, что такое самоотречение, и стали некими церковными правителями, отчасти политическими деятелями, отчасти финансовыми распорядителями. Все служение было поставлено в соответствии с их личными и корыстными интересами, что, впрочем, грамотно обосновывалось законами (закон – во все времена закон). В результате те, кто призваны были к пастырству и должны вести народ в Царство Небесное, поставили свой народ на краю гибели. И услышали: *Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали.* (Лк. 11, 52).

Василий Великий так поясняет подобные действия: «Если тот, кому вверено слово учения Господня, умолчит что-нибудь из необходимо нужного для угодления Богу, то он виновен в крови подвергающихся опасности или сделать что запрещенное, или недостаточно выполнить свои обязанности»²⁶. И вина эта легла на иудейских первосвященников. Многажды обличенные словами пророков, прекрасно понимая, что те говорят по велению Божию, первосвященники не вразумлялись. Вначале пренебрегая словами пророков (зная, что Сам Бог говорит их языком), затем стали гнать и убивать самих пророков. В

²⁶ Святитель Василий Великий. Избранные творения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 462.

таком безумии иудейские первосвященники почти уничтожили истинное пастырство.

Однако примером последнего был никто иной как Сам Творец и Создатель. Словом Своим Господь облекается в плоть человеческую, а явившись в мире людей, Он навсегда изменил этот мир. Именно тем изменен был мир, что основой и смыслом пришествия Иисусова явилось самопожертвование Спасителя – наивысшая степень самоотвержения. На этом фундаменте Господь и воздвиг Церковь Христову.

III

Предсказанный Святым Писанием, обещанный Богом и ожидаемый всем миром, Мессия стал заново примером и начальником всех пастырей. Не богатых и ожиревших в довольстве звал Он к Себе, но сказал: *Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 28-29).

Подобная проповедь была сокрушительна для всего устройства ветхозаветной Церкви. Все иудейское начальство должно было либо сломать себя и следовать за Спасителем, либо отказаться от Мессии. Сломать себя иудеи не то что не смогли, но просто даже не попытались. Понять, было, пытались, но изменить себя – тут уж нет. Христова проповедь пронзила своей любовью сердца простых людей, как двери от ветра, распахнулись души ищущих Царствия Небесного, и ничто не могло их остановить.

Они вошли в дверь, а дверь – Христос: *Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...* (Ин. 10, 9). Перед этим разъясняет и предупреждает Господь, кто такие иудейские начальники: ...*Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их* (Ин.

10, 7, 8). *Все*, говорит Спаситель, не многие, но все, однако неложны Слова Творца. Казалось бы, как так все, были же и истинные служители, не могло не быть? Были. Однако, даже не делая, но просто покрывая общее нечестие ветхозаветного первосвященства, уже невольно ставили себя на одну с ними ступень. Строг Господь и бескомпромиссен, а пастырство сразу ставит на должную степень; в самом деле, любовь должна берегать и быть оберегаемой любовью. Господь утверждает сердца и мысли людей в том, что такое пастырь: *Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Ин. 10, 11). И ниже разъясняет смысл сказанного, как бы открывает основную причину: *Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее* (Ин. 10, 17).

И двинулись следом за Христом и апостолами к Царствуию Небесному, не очень заметные вначале, общины последователей Христовых. Однако стадо этих овец Христовых быстро умножалось, удивляя всех своей кротостью, делами любви и милосердия, а когда этих тихих, кротких и милых христиан принуждали отречься от Христа, они мгновенно превращались в мужественных и бесстрашных воинов Христовых. Воины эти поражали всех окружающих, а более всего самих мучителей, своей честностью, бескомпромиссностью, преданностью делу Христову, смелостью, силой веры и духа, прежде не виданной. Жертвовали жизнью за Имя Иисусово, с радостью и готовностью, ни на какие компромиссы не поддаваясь.

Мир до того не знал такой бескорыстной отваги, такого решительного самопожертвования, прекрасна была их жизнь, еще удивительнее была их смерть. Мир не мог после такого оставаться прежним. Первыми в этой великой когорте шли пастыри, шли на крест, на костер, на эшафот, каждый на свою голгофу. Шли в одиночку, шли со всеми, просто оставались, чтобы погибнуть со своей паствой, часто имея возможность избежать гибели. После себя оставляли они множество уч-

ников, те в свою очередь становились пастырями, своим примером и духом самоотречения возвращая, умножая и выводя на путь к Царству Небесному новых и новых людей. Все силы зла ополчились на христиан, но Евангельская проповедь звучит из ссылок, тюрем, с креста. Звучит устами мучеников, устами святых старцев, устами простых людей, устами воинов, устами раскаявшегося разбойника.

Откуда такая сила? У отдельных людей она возникнуть не может, и только рассматривая христианство как единое тело Церкви Христовой, одной частью уходящей вверх, в Церковь Небесную, другой неизменно поднимаясь с земли – Церкви воинствующей. С такой точки зрения каждый христианин видится как часть одного великого целого, и как любая часть тела пользуется силой всего тела, так и христианин бывает поддерживаем всей Церковью Небесной, во главе которой, стоит Христос.

Все силы были отдаваемы на проповедь Евангельскую: *...как веровать в Того, о Кому не слышали? Как слышать без проповедующего?* (Рим. 10, 14), – говорил святой апостол Павел и ниже заключал: *Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия* (Рим. 10, 17). Вожди духовные не просто и не сами начали проповедовать, но поставлены были Господом в однозначное положение: *Итак, всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю и Я перед Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32-33).

Святитель Игнатий говорит: «Это сказал всевидящий Господь, взирающий на отдаленное будущее, как на настоящее, сказал всем без исключения ученикам Своим, всех времен и стран; сказал это Господь и нам, стоявшим здесь в храме Его, вписавшим себя в число учеников Его Святым крещением»²⁷. Лучше нам хорошенько вслушаться в слова святителя, ведь

²⁷ Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь // Собр. соч. Т. 4. С. 221.

и мы вписали себя Святым крещением, это и про нас: «Исповедание должно быть совершаено умом, сердцем, словом, делом, всею жизнью. Стыд, робость, колебание – не терпимы при исповедании, Исповедание требует решительного самоотвержения. Оно должно быть торжественное. Оно должно быть исполнено как бы на открытом позорище, пред всем человечеством, пред Ангелами святыми и ангелами падшими, пред взорами земли и неба»²⁸. Любой из живущих преклонит голову перед сказанным.

«...невидимым мученичеством и постоянным самоотвержением в течение всей жизни были преподобные иноки, они служили союзом земли с небом... Исповедание Господа сопровожданое решительным и полным отречением от мира и от себя, было знанием всех святых»²⁹.

Самоотвержение выражалось не только в подвигах, самоотречение было необходимо также и в повседневной жизни. Христианин должен быть таковым в продолжение всех 24 часов, кто знает дело, тот знает, как это трудно. Для этого необходим постоянный пример перед глазами, просто слова здесь не сработают, и с первых веков этим примером обязан быть пастырь. Обязан Самим Господом и не кому-то, но Петру сказано: *Симон Ионин! Любишь ли ты меня... и пр.* И после того, как Петр от всего сердца это подтвердил трижды, Господь каждый раз ему говорил в ответ: *Паси овец Моих* (Ин. 21, 15-17). То есть сам паси, ни на кого не перекладывай. И сказано было трижды, и сказал Сам Христос.

Святой апостол Петр себя называет сопастырем, Спасителя же Пастыреначальником, а другим пастырям не приказывает, но умоляет: *Пастырец ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас,*

²⁸ Там же. С. 222.

²⁹ Там же. С. 222.

надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, И не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы (1 Пет. 5, 1-4). И не убавишь ни слова.

Иоанн Богослов, апостол любви, более строг: *Всякий, преступающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца, и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его; ибо приветствующий его участвует в злых делах его (2 Ин. 9-11).* И здесь не больше и не меньше.

Святой апостол Павел научал, просил, укорял, в болезнях, труде, в тюрьме и наготе. Но не из-за слов одних была так действенна их проповедь, а потому что слова эти сияли их делами и осветились мученической кончиной. За ними шли сотни и тысячи их учеников, вопреки всей вражеской злобе, и враг притих. И так двинулось всё воинство Христово, образ жизни первых пастырей принял строгую каноническую форму, и уже в IV веке в правилах у Василия Великого написано: «Председатель слова должен быть для других образцом всего доброго, сам прежде исполняя, чему учит». Здесь же в более строгом тоне: «Непозволительно вменять в необходимость другим, чего сам не исполняешь»³⁰.

А вот рубеж VI-VII веков – слушаем голос синайского игумена: «Великий стыд для наставника молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам еще не стяжал»³¹. И еще говорит: «Врач духовный тот, кто стяжал и тело, и душу, свободные от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевства

³⁰ Святитель Василий Великий. Избранные творения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. Гл. 9-10.

³¹ Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Артос-Медиа, 2007. С. 476.

от других»³²; в другом месте: «Добрый воевода должен ясно знать состояние и устроение каждого из подчиненных...»³³. Бесконечно прав преподобный игумен.

Пастырь, если он пастырь, не ищет того, кто бы навел порядок у него в обители, но сам непреклонно является центром, средоточием и блестителем порядка, непреложным примером благочестия. Пастырь, если он пастырь, не ищет, на кого бы опереться, но сам становится опорой всему богоугодному. Такое трудно, но при самоотвержении пастырском, безусловно, исполнимо, за самоотвержение помогает Сам Христос. И это верный указатель: если есть самоотвержение, то он пастырь, если самоотвержения нет, то пастырство мертвое и ложно. Быть каждый день примером благочестия – это необходимый, но естественный, хотя и самый незаметный подвиг пастыря.

При этом нужно было учение Христово сохранять в чистоте. Так как пастырство трудно и бескорыстно, соответственно, как и в древности, начали использовать пастырский жезл как источник власти мирской, часто политической, превращая этот пост в высокую и почётную должность, удобное решение личных материальных вопросов, пытаясь, как в ветхозаветное время, сделать его источником материальных благ.

Подобное положение, конечно, с другой стороны, утверждать стало неких в личной непогрешимости и особом знании, достигнутом ими благодаря их особой одарённости и непогрешимости. Ну а враг, как известно, не дремлет никогда. И желание вести христиан ко спасению стало у них поглощаться желанием учить и в таком превозношении создавать новое, своё, уже не особо считаясь с общим церковным учением, считая, что согрешения и нарушения других дают им право переиначивать хоть и само Священное Писание. О причинах подобных перекосов трудно вполне судить, не зашорив себе самому

³² Там же. С. 472.

³³ Там же. С. 482.

глаза осуждением. На деле причин было неизмеримо больше, и причины эти были глубже – сеял враг свои семена.

Однако так появились лжепастыри, ну а с ними и лжеучения. Мутная волна различных ересей обрушилась и вдребезги разбилась о столб архиерейского единства. Монолитом и опорой всем стали решения Вселенских Соборов. Первоверховниками христианской Церкви отстроилась цитадель церковных доктринальных догматов, защита чистоты учения Христова. Все, что не от Христа, было отвергнуто, и эпиграфом к решениям апостольских соборов можно поставить слова апостола Павла к галатам: *Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8).

Такого силы зла стерпеть не могли, нападения на Церковь христианскую не прекращались никогда, просто в разные века менялись форма и тактика этой битвы. В тот раз злоба их была особенно сильна, а Церковь христианская претерпевала ослабление. Раскалывается Церковь, погибает великая Византия, и тем не менее все эти события, как чёрный небосвод звездами, пронизаны подвигами духовных вождей Церкви, достигших высочайшей меры самоотречения.

IV

Центр православия, волею Божию, перемещается на Русь, и наши пастыри теперь становятся гордостью России. Эти пастыри в храмах в непрестанном служении, они же пашут и сеют на полях, у одних семьи и приходы, у других монастыри и скиты. Но все они со своей паствой вместе в радости, вместе в беде. В пыли походов, во времена эпидемий и ненастий, вместе в битвах, вместе в братских могилах. Патриархи и митрополиты, игумены и иереи. Пастыри России, как мало о вас сказано, подвиг ваш вами же и сокрыт. Вечная вам память.

Только начни перечислять подвиги русского священства, и невозможно будет остановиться. Это и погибший безвестно при разгроме монголами Киева митрополит Иосиф, это и епископ Митрофан, сгоревший со своей паствой во Владимирском соборе в 1239 году при разгроме Владимира монголами. Князь ушел, а епископ остался с его семьей и множеством народа, и со своей паствой принял смерть в огне. Нескончаема череда таких примеров, и очень характерно подобное самоотречение для русских первоиерархов; но и другие пастыри следовали их примеру, они были неотделимы от Родины, а Россия была неотделима от Церкви.

Из самых разных мест и обстоятельств воздвигает Господь Своих преподобных. Это Антоний Римлянин и Варлаам Хутынский, это Сергий Радонежский, Соловецкие святые, это Богоавдец Александр Свирский и бывший разбойник Киприан Стороженский, это тихий Серафим Саровский, всё множество русских святых, каждый из которых – особая свеча, зажжённая Христом. А вся Русь покрывается монастырями. Каких вершин достигло самоотвержение духовных пастырей на Руси, можно предположить только по тем коротким моментам в истории, которые открывались священством невольно.

Так, в Отечественную войну 1812 года встал на молитвенное предстояние на камне смиренный иеромонах Серафим. Простоял на коленях на камне в Саровских лесах великий инок тысячу дней и ночей. Не постичь и не разуметь человеческим умом подобного подвига, не будем и дерзать на это.

Простой недельку в тёплой комнате на тёплом полу на коврике – одну недельку, и остальное время плачь о своей немощи, неготовности, несоответствию делам святых. Зато станет ясно одно: тысячу дней и ночей простоять на коленях на камне – это превышает возможности любого мыслимого земного естества. Преподобный Серафим поднялся на такую

духовную высоту, где силы природы над ним были уже не властны. Однако подвиг этот был открыт, явленный пред всеми людьми, показывал Господь, какой меры может достичь пастырское самоотречение.

А пока бурлила и шумела жизнь в мире, руководители наши церковные были в центре этой жизни, радуясь и страдая со своим народом. Жизнь империи, повторяя ошибки Византии, духовно ослабевала и начала давать крен. Но сквозь шум мира колокольным набатом звучал голос пастыря Кронштадтского: «Священник, живя на земле, должен быть небесным, горняя мудрствуя, а не земная (Кол. 3, 2). И весь предан Богу и спасению человеков... Спасемся и мы сами, и других спасем, если будем ревнительны³⁴. А начинает свои наставления так: «Священник преимущественно пред всеми другими должен помнить и исполнять следующую заповедь Христову: *аще кто хочет по Мне идти, да отвергнется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Ибо от священника много требует самоотвержения его служба...»³⁵.

Жил свято отец Иоанн вопреки всему, говорил: «Обличай в доме и в церкви нещадно: *Иже восходит друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4, 4), поэтому надо вести брань с миром прелюбодейным и грешным, надо быть резким и правдивым в обществе мира». Непоколебимым столпом стоял великий пастырь, проповедуя, призывая, обличая, предупреждая, уже слыша и провидя беду.

На этот раз враг собрал сокрушительную силу и столкнул Россию к самому краю бездны. Помраченный народ стал подвластен началам зла. Основным и естественным их врагом стала Церковь. Теперь пошли пастыри России в сталинские лагеря. В страшных застенках их казнили, расстреливали,

³⁴ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Практические наставления пастырям, заимствованные с опыта. М.: Отчий дом, 2009. С. 11.

³⁵ Там же. С. 16.

пытали до смерти, и власти поощряли террор, а палачи безумствовали в жестокости. Убивали церковных служителей десятками тысяч, по всей стране, оставляя на приходах единицы старых, немощных, запуганных, да и то лишь для того только, чтобы потом надругаться и над ними.

Что было с тобой, моя Родина? Ох-хо-хо. *Грехопадения, кто разумеет...* (Пс. 18, 13-14).

Мы здесь не можем входить в рассуждение о причинах трагедии, подобное может поддаться осмыслению лет, может быть, через сотню-другую. По ужасу наказания можно предполагать о глубинах падения, нам не открытых. Однако пали не все. Да, огромна бездна, но велика Россия, и бездна поперхнулась кровью мучеников.

А те, оставшиеся в миру, батюшки по ночам, спрятав епитрахиль и оглядываясь, как преступники, по просьбам людей шли кого-то крестить, кого-то отпевать, кого-то исповедовать и причащать. Шли, запечатлев в памяти вид полуголодных и запуганных детей, полные горя, но все понимающие глаза матушки, шли, зная, что могут не вернуться никогда. По закону за это им полагались долгие годы сталинских лагерей, что обычно заканчивалось мучительной смертью.

В это же время в самих сталинских лагерях такие же «дедушки» (многие из этих дедушек раньше носили панагии), скроив из арестантской робы епитрахиль и достав из сокровенных тайников маленький самодельный крест, выходили под покров ночи. Пригнувшись, перебегали из барака в барак, либо их проталкивали братья-арестанты в окна лазарета, где они напутствовали уходящих из этого мира, тоже исповедовали и отпевали, крестили, поддерживали духовно и укрепляли, как могли. Об этом узнавали, за это их ловили, бросали в карцеры и убивали, не просто убивали, но всегда мучили и надругались. И они знали, что их ждёт, и шли на это. Русские священники... Сколько их лежит в братских могилах, Бог весть.

Изумляешься высоте их духа. Столпами света шли наши пастыри по лобным местам, своим самоотверженным исповеданием вызывая восхищение даже у врагов, укрепляя людей, вселяя в них уверенность. Когда, например, видели в лагерях святителя Илариона Троицкого, то все понимали, что Церковь Христова непобедима.

И как подтверждение, Господь снова открыл всем, какой высоты может достичь самоотречение монашеское. На камень становится на коленопреклонное молитвенное стояние другой старец Серафим, теперь в маленькой Вырице под Питером. Он, как и его небесный покровитель, тысячу дней и ночей простоял на камне. Никто, никогда не повторял такого подвига, а этот смог – дал Господь сил, и это не пророк Илия или Самуил, это не Иоанн Креститель, это опять смиренный русский старец обнажал пред всеми Силу Божию. И это наше время. Стоял с 1941 по 1943 год, и это тоже Отечественная война, враг лютует нещадно. В 1942 году расстреляли сына Серафима Вырицкого Николая, но злоба была бессильна и изменить ничего не смогла. Сам факт такого подвига, намного превышающего возможности человека, указывал, что Господь рядом, и достигшим высоты самоотречения Он дает немыслимую силу.

Примером и воспитателем многих пастырей был и есть Серафим Вырицкий. Много было разных подвигов, множество было и других старцев всех церковных чинов, и они остались учеников. И сейчас живет, здравствует и служит 88-летний старец Иоанн (Миронов), с раннего детства духовное чадо Серафима Вырицкого. В свои годы он – опора и часто единственная помощь множеству людей. Батюшка – образ добра и чистоты, ежедневно является живой пример самоотречения и истинного пастырства. И у него есть ученики, и их множество. Есть и другие старцы, и были: это и Павел Груздев, и Иоанн Крестьянкин, отец Николай с о. Залит, и множество других. И еще будут, пока стоит мир.

Это все вышеперечисленное есть то, чем каждый пастырь оправдается, и то, за что может осудиться. Для пастыря пропуск в Царствие Небесное – только его личное самоотвержение.

В конце позволю себе последнюю аллегорию. Пастырское самоотвержение – это огромный и самый драгоценный бриллиант (подарок от Господа), камень этот покрыт прекрасными гранями, которые сверкают Фаворским светом. Каждая грань – это жизнь, данная пастырскому самоотвержению. Количество граней неизвестно, огранка будет закончена тогда, когда закроется мир. И вот тогда, может быть, именно за этот камень будет выкуплено у греха все человечество.

Быть может ...

Сторожно. Крещение. 2016 г.
Монах Варлаам

Используемая литература

1. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и указанием церковных чтений; печатается с Синодального издания. М.: Новая жизнь, 1991.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык-Медиа, 2007. Т. 3, 4.
3. Дружинин В. И. Конспект по предмету «Логика». Тула: Тульский полиграфист, 2009.
4. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Артос-Медиа, 2007.
5. Полный церковнославянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2005.
6. Святитель Василий Великий. Избранные творения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006.
7. Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь // Собр. соч. Т. 4.
8. Святой праведный Иоан Кронштадтский. Практические наставления пастырям, заимствованные с опыта. М.: Отчий дом, 2009.

Раздел 2 **По-разному о современности**

Часть 1 **Начало 80-х. Мир**

«Я не люблю евреев», или: «Где ты, Юрка?»

В наше время, особенно в монастырях, мы часто говорим что-то вроде: «я не люблю евреев», всегда имея в виду не людей или нацию, даже не иудейство, как религию, но более того – антихристианство вообще как таковое. Однако почти никогда не говорим иудеев, но евреев. Так повелось издревле, такому отождествлению огульно всех евреев с иудейством предшествовали различные, часто очень скорбные, события в истории народов и прежде всего старания самих апологетов иудейства, может, ими и было изобретено само понятие национальности как особенного признака различия.

Нужно принять во внимание, что изначально в древности, например, не было такого понятия как национальность. Безусловно, было кардинальное внешнее различие, скажем, общие характерные видовые особенности, такое разделение будут называть расовым. Однако понятие «раса» – это другое, это отличие по расовому признаку как неизбежной изначальной видовой данности, данности свыше, осуждению или просто принадлежности к какой бы то ни было религии либо идеологии заведомо не подлежащей.

Все разделения самих людей изначально были родовыми, соответственно и самоназвание «народы», что подразумева-

ло собственно родство. Однако род строился по железному принципу совместности, то есть: понравился роду – живи и становись родственником, не понравился – иди далее, ищи подобных себе. Позже или раньше начали довлесть причины, впоследствии названные этническими, неизвестно, здесь мы не расставляем временных категорий, однако родовой механизм работал непременно. По мере увеличения греховности во всех нас, всё стало катиться к большему и большему различию народов. Причина в том, что греховность, по сути своей, не отделима от властолюбия и сребролюбия, ну, неотделима и всё тут. Соответственно финансовые вопросы стали поглощать остальные стремления людей, и чем большие финансовые интересы завладевали людьми, тем более личными становились сами различия между людьми.

Соответственно главы рода, как залог безопасности и благосостояния рода (а равно и личного), вынуждены были всё большее внимание уделять финансовой стороне. В подобном положении особенно остро становится вопрос о сохранении казны, что возможно только с соблюдением соответствующей конспирации. И родом уже руководят хранители финансов, а богатство тем временем повсеместно становится основным фундаментом власти, всё – круг замкнулся. Соответственно безопасность в таком случае, требует всё большей закрытости рода, и чем больше род, тем большая закрытость требовалась. От этого зависели власть и богатство, которые становятся единственным средством к следующей ступени, превосходству над другими народами. Ну, а остальные вопросы постепенно отходят на второй план и преподносятся народу как несущественные, любое же общение с инородцами – как вредное.

Это были не просто различия по родству, но по отношениям, по интересам и множеству подобного. Говоря по существу, эти различия, конечно, искусственно и неважно кем, однако, упорно и постоянно возвращаемые, стали превращаться

в жёсткую, закрытую структуру, которая приобрела форму касты, так же понятия позднего. Кстати, слова «каста» нет в Полном церковно-славянском словаре, не очень взятое толкуется значение этого слова в словаре русского языка издания Академии наук СССР 1986 года и как-то расплывчато у Даля. Наиболее, по нашему мнению, ясное определение нашли только в Толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой: «Каста – узкая общественная группа, которая отстаивает свои привилегии и интересы, и доступ в неё для посторонних затруднителен или невозможен». А «кастовость – это замкнутость, обособленность. Сектовая, либо сословная»³⁶. Однако в данном случае обособленность была и религиозной, и сословной, что требовало особой защиты, гарантированной безусловным и подавляющим финансовым обеспечением. Причём последнее, соответственно, требовало ещё большей закрытости и уже полной отчуждённости от остальных народов.

В конечном итоге иудеев приучили противопоставлять себя всем остальным народам, обосновывая это своей исключительностью, Богоизбранием³⁷, то есть, единственным и самым надёжным способом. В таком случае исключительность принадлежать должна всему народу, что, в свою очередь, должно было гарантировать окончательную замкнутость. Однако – «должно, да не обязано».

Как бы ни хотелось каким бы то ни было апологетам, люди – это прежде всего люди, каждый из которых изначально образ и подобие Божие, чувствуя и понимая это напрямую душой и сердцем. Они любили и ненавидели, причём ненавидели, чаще считаясь со своей кастовостью, а вот если любили,

³⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 268.

³⁷ Мы не рассматриваем здесь идею Богоизбрания: во-первых, речь пойдёт о другом, а во-вторых – множество раз иудеи нарушили все возможные заповеди Божии, кому интересно, пусть посчитают, сколько раз израильский народ отрекался от Бога именно на уровне правителей, и станет понятно, что идея Богоизбрания была внедряема и поддерживалась всеми силами, однако, самим правительством, как и народом, сбывающейся далеко не всегда.

то с кастовостью этой не считались совершенно, часто предпочтая быть отвергнутыми кастой, чем любимой. Любовь от Бога, любят душой, а душа, знаете ли, принадлежит Небу, и никакая каста ей не указ.

А потом – превратить в касту большой народ, рассеянный по всему миру, невозможно практически. Даже при помощи громадных финансов и собственной «исключительности» ни первое, по своим свойствам, ни второе, в силу надуманности, в Царство Небесное войти не позволит. Это трагедия, но ни в коем случае не трагедия народа, а только тех их апологетов, которые с огромным количеством денег шагнули прямо «мимо лодки». Тем не менее, евреи как национальность уже не воспринимались отдельно от иудейства, а форма навязанной обособленности и отчуждённости от других превратилась в категорию характерную, в то, что стало возможным осуждать.

Соответственно, вызывая взаимное осуждение. Одни, например, говорят: «я не люблю русских», а мы говорим: «я не люблю евреев». Это просто как пример, а на самом деле, за тысячелетия, враг добился гораздо большего, часто евреи говорят, что не любят всех неевреев, а все остальные говорят: «мы не любим евреев».

То есть, следуя навязанному издревле навыку, все, в том числе и мы, осуждаем поступки каких-то людей, неважно, религиозные, политические, финансовые ли это поступки, либо просто поведение фанатиков, принадлежащих какому-то ни было народу. Осуждая же при этом, однако, весь народ, невзирая на состав, интересы и настоящий образ жизни самих людей, которые на самом деле не очень-то отличаются друг от друга по всей земле, невзирая на речь, место жительства и цвет кожи. Это всегда люди – люди, созданные по образу и подобию Божию. Таким образом, если чуть перефразируем Псалтирь – осуждаем осуждающих, осуждаемы бывая сами. Как-то бы разорвать этот известный круг, правда?

Тем не менее, иудейство, подчиняясь инстинкту самосохранения, понятие «национальность» помещает внутри понятия «каста». Что вполне удаётся и пределом не является. В нашем случае разбираться в этом вопросе совершенно бесполезно, не об этом речь, уже давно не это болит. Давайте оставим всё это совершенно, как заведомо безблагодатное и часто муссируемое всеми, кому не лень. Господь Судья. Да, пусть всё это есть, но вот послушайте...

2

Шли первые годы 80-х, времена моей бесшабашной (мягче невозможна выразить) молодости, я тогда жил в Питере недавно, и мне многое было интересно, дружил я тогда с самыми разными людьми, поводом к дружбе служило, конечно, только личное расположение. Мне всегда нравятся люди, имеющие какой-то дар, будь то виртуозное владение каким бы то ни было ремеслом, талант художника, музыканта или, скажем, дар рассуждения. А в молодости к тому же мы часто не обращаем внимания, на что человек тратит свой талант, привлекало просто наличие одарённости.

И вот одна из моих друзей-художников (может быть лучшая из всех них) как-то познакомила меня с Юркой. Там была какая-то проблема с дворовой шпаной, у Юрки что-то стащили, по-моему с подоконника магнитофон, который в те времена был вещью почти культовой, в общем надо было как-то «убедить» похитителей вернуть бедному художнику этот аппарат. Похитители были известны и не прятались, тогда у людей ещё не было привычки мгновенно обращаться в милицию, а Макса (так зовут ту девушку-художника) знала по опыту, что у меня получится убедить этих дворовых предводителей расстаться с добычей и больше Юрку не трогать.

Таких историй было много, однако тогда, по моему, до конфликта не дошло, они как-то сами, что ли, не помню, вернули,

не дожидаясь «разговора». Юрка ростом два метра, широченный в плечах, африканской наружности, со свирепым выражением лица, однако, добреийший и совершенно сентиментальный человек, не способный никого обидеть. Это выяснялось после первого же сказанного им слова, и этим пользовались. При нашей первой встрече едва ли не первое, что он сообщил о себе:

– Ты знаешь, Васька, я страшный трус, – притом, что трусом он не был никогда, и я это хорошо видел. Интересно, что сразу с первой встречи он свободно, как само собой разумеется, стал звать меня Васькой, призывая к полной взаимности в этом отношении. А точно, второе что он сказал, причём с предупредительной интонацией, это:

– Ты знаешь? Мы евреи.

Тогда не придавалось какого-то особенного значения национальности знакомых, часто через годы выяснялось, что твой друг, скажем, татарин, или, там, мордвин, или прибалт, при этом даже на ярко выраженные национальные признаки внимания не обращали, ну, не было как-то принято такого. И, может быть, это единственное по-настоящему хорошее, что, против воли, принесла советская власть. Если ты был хорошим и честным человеком, то только это и имело значение.

– Кто «мы»?

– Ну, конечно, моя семья, – причём продолжает с серьёзным видом. – Но мы – космополиты в религиозном отношении.

– Так. А мы, вот, русские, христиане, и если тебе теперь паспортные данные нужны будут, тут, прости, заминочка.

Мы легко рассмеялись и никогда больше к этой теме не возвращались, он был весёлый и бесшабашный, соответственно, мы сдружились.

Юрка был талантливый художник, а значит, дружил с какими-то хиппи, был почти бродягой и полным разгульдяем.

Писал прекрасные картины, частенько вёл себя, как ненормальный, и дружил с очень хорошенькой девушки художником, которой всё это нравилось и которая станет, впоследствии, его женой. Дружками на свадьбе будем я и моя приятельница, художник (не та, которая познакомила нас с Юркой), а в качестве гостей – моя сестра и моя четырёхлетняя дочь; надо, наверное, сказать, что это, собственно, были все лица, присутствующие на свадьбе, за исключением самих «молодых».

Свадьба была в середине дня в ресторане «Белые ночи», и никто, кроме нас шестерых, похоже, не подозревал, что это бракосочетание (наверное, всё же, пятерых, ребёнок мог так же не подозревать, хотя в случае конкретно этого ребёнка – не факт). Мы были молоды, радостны, честны в отношениях друг с другом и бескорыстны в своих чувствах. Очень хочется с головой окунуться во времена нашей молодости, но речь будет совершенно о другом.

Их семья жила в Риге, мне нравился этот город, и мы то и дело находили повод смотреться в Прибалтику. То по каким-нибудь, обязательно сомнительным, делам, то просто в гости, либо отдохнуть в Юрмалу. Летом их семья переезжала на дачу, и родители Юрки совершенно свободно пускали нас (в молодости мы всегда передвигались компанией) жить в своей квартире в центре города. А когда мы останавливались в Юрмале, то всё равно встречались, постоянно пересекаясь и ведя очень похожий, в смысле разгульдейства, образ жизни.

Семья эта состояла из его сестры – фантастически красивой школьницы, его отца дяди Фимы и его мамы, инвалида, прикованного 12 лет к постели, в совершенной неподвижности и без какой-либо надежды когда-нибудь подняться. У неё функционировала только одна правая рука, однако, она сохранила чистый ум, свободно говорила, и могла двигать головой. При этом все в семье постоянно о ней говорили: «а вот мама», «нужно спросить у мамы», «мама сказала», «а ты у мамы спра-

шивал?», или например: «надо тебя обязательно познакомить с мамой»; всё это само по себе удивляло, а последнее откровенно пугало.

Честно говоря, мне приходилось бывать в семьях, где жили инвалиды, прикованные к постели, – это всегда были вынужденные, краткие и очень тягостные посещения. Кроме того, у одного моего друга детства мама была много лет прикована к постели, я знал её, когда она была здоровой и красивой женщиной, а потом множество раз приходилось бывать в гостях у друга, оказываясь невольным очевидцем этой трагедии. Очень устойчив был в памяти этот скорбный дух, царящий в таком доме. Запах лекарств, некоторой затхлости от постоянной стирки простыней, полумрак, шёпот обитателей, тихий стон или слабый зов из комнаты больного, печальные вздохи и указательный палец, судорожно прижатый к губам при каком-то неосторожном движении или шорохе.

Нет, я точно не хотел знакомиться ни с его мамой, ни с каким бы то ни было другим, пусть самым распрекрасным, инвалидом. В последнем он был со мной солидарен, а вот первое, (отказ от встречи именно с их мамой), его искренне удивляло; надо сказать, что такая его реакция вызывала во мне ответное удивление. Однако, уважая его чувства к матери, я не отказывался откровенно, но всегда увиливал, если же не получалось, то просто сбегал, потом, конечно, отчаянно врал, но Юрка не обижался, он вообще был добрый, понимающий друг и искренно надеялся на последующее наше знакомство: «Васька, я уже рассказывал про тебя маме».

Зато с его отцом, дядей Фимой, мы очень сдружились, он был тихий, спокойный и очень, я бы сказал, умиротворённый, если бы не знал о их маме. Они все, включая отца, говорили: «наша мама». Дорого стоили лекарства, облегчающие страдания, дорого стоил уход за больной, к этому добавить – на содержании подросток дочь, ну, Юрка, слава Богу как-то сам

крутился, тем не менее, дядя Фима всё время с утра до ночи был занят заработком денег. Это были годы советской власти, когда заработать деньги, обеспечивающие прекрасный уход за тяжёлым инвалидом, было более чем сложно и обязательно опасно.

Только компартийные руководители имели право на достойную жизнь, открыто воруя, деньги простых людей, и молчи всякий. Одно это, кстати, толкало множество молодёжи на преступный образ жизни, просто из чувства справедливости. Однако Фима мог позволить только прекрасный уход за своей женой, о другом не могло быть и речи. За ней всегда ухаживали две женщины, её родственницы (мама Юрки рижанка), и Фима хорошо платил им за это. Обязательно хорошее питание всем, притом что сам он ел всегда на ходу, всухомятку, и ходил в одном и том же старом, потрёпанном пиджаке, всё время, сколько я его видел.

Мы встречались почти всегда спонтанно, например, он приезжал домой, брал какую-то автозапчасть и увозил, либо наоборот, привозил и оставлял дома. Но всегда находилось время нам сесть и поговорить, мы как-то оба рады были этим коротким встречам. Он любил поговорить о жизни, при этом в личную жизнь не вмешиваясь, не любопытствуя, а просто общаясь, как-то естественно находя общие интересные темы, которые можно обсудить, при этом открыть какую-то новую, пусть узенькую, грань жизни, увидеть новое в человеке. С ним было интересно, спокойно и уютно, от него веяло добром, он умел и любил рассказывать и равно умел слушать. Далеко не с каждым человеком возникает подобное взаимное расположение. Поверьте, что это тоже дар.

О их маме он говорил очень редко и скучно, только по необходимости, но, безусловно, как о главной фигуре в семье, и никогда в контексте с болезнью. Никогда я не слышал, что за трагедия с ней произошла, а то, что она 12 лет была прикова-

на к постели на момент нашего знакомства с Юркой, я узнал от него же, но и только. Однако это означало, что дочку свою этот отец вырастил с младенчества, причём там были наименее серьезные проблемы со здоровьем, и тогда невообразимо дорогостоящие, однако и они были преодолены этим отцом. А самому Юрке в момент трагедии с матерью было лет тринадцать, возраст, прямо скажем, не самый лёгкий. Никто никогда при мне не хвалил отца за это и не благодарили его, это было для всех естественно, в случае с дядей Фимой иначе никто и не представлял себе. Нет, это был удивительный человек.

Безусловно я дорожил встречами с ним, а когда пытался разговорить Юрку, на тему: «как удалось их отцу всё это преодолеть», тот даже не понимал, о чём я говорю, отвечая в лучшем случае: «Ну… это же папа», и тут же начинал нести что-то несусветное, про какого-нибудь Сальвадора Дали. Многое мне казалось странным в устроении их семьи, дома или дачи. На эту дачу Юрка как-то позвал меня в гости, и мы поехали, конечно, не раньше, чем я убедился, что там точно не будет его мамы. Мы приехали, повеселились и уехали, в целом хорошая дача, с камином на втором этаже, только какие-то странные лестницы, несуразные двери, в общем, не очень осталось впечатление, одна радость, что с дядей Фимой поговорили, тот заезжал, но недолго – «Надо ехать, мама была в больнице, сейчас дома». Это было воскресенье, в другие дни он с утра до ночи «крутился», зарабатывая деньги и решая все текущие проблемы своей семьи.

Прошёл год, другой, начались политические перемены в стране, СССР перестал существовать, впереди маячило что-то неизвестное. За это время я видел дядю Фиму всего несколько раз, однажды он по каким-то делам приехал в Питер и в этот же день поехал домой, не оставаясь даже ночевать у Юрки, последний позвонил мне, и я примчался на вокзал проводить дядю Фиму:

– Дядь Фим, ну, может побудешь, хоть денёк, ну…

Тот как раз что-то рассказывал мне и никак не отреагировал на мои слова, он был очень грустный, в самом деле тогда начались трудные времена. Потом, закончив рассказ, он посоветовал, что поезд прибудет в Ригу только утром, после чего его лицо стало впервые строгим, а тон голоса огорчённым:

– Ты знаешь, сегодня, я впервые за четырнадцать лет не буду ночевать дома.

Через какое-то время я снова оказался в Риге одновременно с Юркой. Конечно, первый вопрос был: «Как там твой папа», Юрка рассказал, что они продали квартиру и теперь живут в другом районе, в стороне от центра Риги, но зато квартира светлая, и «там маме удобно». Мы шли, радуясь встрече, что-то там рассказывая друг другу. Я заговорил, что давно не видел дядю Фиму, Юрка предложил встретиться с ним прямо сейчас, чем вызвал мою искреннюю радость, подвёл к какому-то подъезду, направляя в незапертую дверь на первом этаже:

– Пойдём, папа здесь, это наша новая квартира, как раз и с мамой познакомишься.

Последние слова были сказаны после того, как за мной захлопнулась входная дверь, путь к отступлению был отрезан. И всё равно я бы выскоцил, но прямо передо мной были открытые двери кухни, где сидел дядя Фима и улыбался, глядя на меня. Ситуация была неуправляема, внутренне я поклялся самой страшной клятвой, что как только мы отсюда выйдем, я убью Юрку, и убью «с особой жестокостью»; получив малое внутреннее утешение в надежде на такую расплату, я с радостью направился к дяде Фиме.

На кухне, судя по запаху, к обеду намечалось что-то невообразимо вкусное, готовила одна из женщин, родственниц Юркиной мамы, женщина весело разговаривала с Ритой (сестрой Юрки), поочерёдно то помешивая в кастрюле, то переворачивая нечто вкусно шипящее на сковороде. Меня немного

смутило подобное поведение, никогда раньше не приходилось видеть улыбок в домах с тяжелобольными людьми. При этом дядя Фима вел себя как ни в чём не бывало, закусывая бутербродом с колбасой и запивая это чаем. Он уже обедал, никак не реагируя и не ожидая той вкуснятины, что вот-вот будет готова, ему как всегда было некогда.

Мы тепло поприветствовали друг друга, очень радостно было просто посмотреть на доброго друга:

– Ну, идите к маме, познакомитесь, я сейчас закончу обедать и тоже подойду.

Положение было безвыходным, совершенно точно я не мог обидеть дядю Фиму, и мы с Юркой вышли в прихожую, где за двумя дверьми были другие комнаты. И только мы вступили в прихожую, как за одной из дверей раздался откровенный хохот, это было уж чересчур. В доме инвалид, 14 лет прикованный к постели, а в соседней комнате ржут, как ни в чём ни бывало. Я был очень неприятно удивлён и, не зная, что думать, с удивлённо-осуждающим лицом посмотрел на Юрку. Тот однако, спокойно и уверенно открыл дверь именно той комнаты, где был смех, даже не заметив моей испуганной реакции, при этом бесцеремонно за руку втянул туда и меня.

Раньше, чем что-то разглядеть, я услышал чистый, здоровый голос человека, который минуту назад что-то смешное рассказывал и смеялся вместе со всеми, остатки смеха ещё чувствовались в интонациях голоса, обращённого к нам с Юркой:

– А! Наконец-то ты его привёл, ну, здравствуй, проходи и садись.

Перед мной была большая светлая комната, в которой находилось несколько женщин, они только что-то оживлённо и со смехом обсуждали, в комнате было очень чисто и свежо, хорошая добротная мебель. В самом центре большая кровать, на которой крупная женщина укрыта одеялом, из-под которого

видна жестикулирующая рука и весело улыбающееся приятное, симпатичное, с крупными чертами лицо Юркиной мамы. Это не было лицо инвалида, измученного многими годами болезни. Как выражение её лица, так и поведение окружающих людей – всё вокруг, сам дух, царящий в этой комнате, не оставляли ни малейшего сомнения, что именно она хозяйка этого дома и именно она источник этого духа бодрости, царившего здесь.

Я был просто оглушён. Юрка подтолкнул меня к прикроватному табурету, на который указывала её рука, и я, как парализованный, безвольно уселся, не в силах оторвать взгляд от лица этой женщины. Тем не менее, общая беседа продолжалась, Юрка тут же, по своему обыкновению, совершенно бесцеремонно, но как-то органично влился в общее русло разговора. То есть, не обращая внимания на говорящих, начал расспрашивать у матери нечто совершенно не относящееся к разговору, помню, это было что-то касающееся грамматики латышского языка. Она, тем не менее, спокойно отвечала ему, поддерживая общую беседу, при этом с добрым выражением лица и хитринкой в глазах взяла меня за руку своей единственной рукой и умудрилась при этом невероятным образом, но без спешки и с интересом расспрашивать о чём-то и меня.

Рука была крупная, тёплая и приятно сухая, равномерно плотно укрывающая всю мою ладонь, как рука большого друга. Нет, я не пришёл в себя, но мне стало спокойно рядом с ней, я что-то отвечал на её вопросы, прислушивался к общему разговору и радовался, что она держит меня за руку. Она была безусловным средоточием жизни в этом доме, и для всех это было естественно и привычно, здесь всё шло своим чередом. Однако для меня, да, думается, и для многих людей, это был совершенный «космос», что, конечно же, ярко отражало мое лицо, я это понял, когда она, глядя на меня, весело рассмеялась на мой очередной, совершенно не смешной, ответ.

В какой-то момент женщины спокойно, при этом по-дружески бесцеремонно выдвинули нас за дверь.

— У мамы надо прибраться, — сказал Юрка на мой недоумённый взгляд.

Мы снова оказались на кухне, окутаны запахом чего-то вкусного, бурляще-шипящего. Дядя Фима давно пообедал своими бутербродами и только окончил говорить с кем-то по телефону. Он очень тепло начал что-то рассказывать мне о какой-то необычной статье в газете, однако, через несколько минут указал глазами за мою спину, нас звали обратно в комнату. Ничего там не изменилось, разве что воздух посвежел, было лето, и окна были открыты. Общение продолжилось в том же духе и ко всеобщему же удовольствию. В какой-то момент по движению шторы на окне я понял, что дверь за моей спиной отворилась.

3

Фима тихо зашёл в комнату и сел за её изголовьем позади спинки кровати, чуть склонив голову, будто прислушиваясь, тихо вздохнул и замер. Я в это время разговаривал с ней, точнее она о чём-то мне оживлённо рассказывала, по-дружески внимательно разглядывая моё лицо, а я смотрел в глаза этой удивительной женщине. В тот момент, когда дядя Фима беззвучно проник в комнату и немой тенью проследовал на стул за спинкой её кровати, её сознание, большей частью света в глазах, сдвинулось назад в его сторону.

И это отчётливо отразилось в её глазах, я чуть не вздрогнул, однако она спокойно продолжала говорить, совершенно очевидно понимая, что я вижу, единственное интонация голоса стала чуть рассеянной, послышалась едва заметная приглушенность. А когда Фима беззвучно и как бы стараясь никому не мешать, окончательно «устроился» в изголовье своей любимой, тихонько прислонив голову к спинке кровати напротив её головы, всё её внимание, опять же как-то светом глаз, од-

нако одним общим движением этого света, почти полностью ушло назад. Всё, она вся была там, продолжая рассказывать мне начатое (что-то там про оболгуса Юрку в детстве), она духом переместилась туда, к нему, это было явственно; её лицо как-то разгладилось, на нём появилась печать покоя, какая появляется, когда рядом самый близкий и надёжный человек.

При этом в глазах появились еле уловимые, чуть хитроватые искорки радости, это были только отблески того света, который из центра переместился в глубину глаз, назад, и жил там каким-то таинственным общением с ним. Нет, взор не потух, она продолжала говорить, чуть улыбаясь моей реакции, уж не знаю, что за выражение могло иметь моё лицо в тот момент, однако мы поддерживали беседу. Выражение же её лица было спокойно, радостно и сокровенно. Всё в комнате продолжало жить прежней жизнью, все участвовали в каком-то взаимном общении, и только эти двое были здесь одной своей оболочкой, самим же духом как-то переместившись в знакомую только им двоим нишу.

В один момент я точно понял, что они взялись за руки, но как?! По-юношески бесцеремонно мои глаза впились сначала в её руку, которой она жестикулировала, потом в другую, безжизненно лежащую под одеялом руку, потом наткнулись на её понимающий и очень добрый взгляд. Она не осуждала меня, всё понимая, но сейчас она была с ним и даже то, что я это вижу, было радостно для неё. Ничего в комнате не изменилось, никто не прервал своего занятия или разговора, было оживлённо и весело. Только дядя Фима сидел, сцепив на коленях узловатые руки, сторчившиесь, в задумчивости прислонившись головой к спинке кровати своей жены. А та лежала неподвижно под одеялом, продолжая разговаривать с новым знакомым, жестикулируя единственной функционирующей рукой.

Однако в это же время была другая, совершенно отчётиливая картина. Все и всё в комнате стало чуть туманным, переместив-

ились на второстепенный план. А эти двое сидели рядышком, взявшись за руки, и беззвучно для окружающих что-то говорили друг другу, и не то что бы окружающего для них вообще не существовало, просто то, что они сейчас рядом, было для них единственным настоящим. Они могли бы говорить вечность.

Но это длилось недолго, «её рука выскользнула из его руки...». То есть внешне дядя Фима тихо вздохнул, буквально что-то беззвучно ей сказал, та, так же неподвижно, колебанием в глубине глаз, понимающе кивнула ему. Он, поднявшись и чуть кивнув, прощаясь со всеми, так же тенью переместился за дверь. Её сознание, как и уходило, то есть посредством внутреннего света, вернулось в центр глаз, глаза наполнились вниманием. Она непостижимым образом продолжала свой рассказ, в глазах была радость, что он приходил, и грусть, что ушёл, в голосе были нотки понимания, обращённые ко мне. Она улыбалась.

Я был поражён, можно сказать, что был просто по-детски напуган, никогда в жизни я не подозревал о существовании подобного уровня чувств и отношений, и я был покорён. В это время за моей спиной Юрка отчаянно врал матери о каких-то срочных делах, пытаясь поскорее смыться, чуть ли не силой вытаскивая меня на улицу, а я не хотел уходить. Даже не помню, где мы были в тот вечер и ночь, но помню точно, что несколько дней проходили под впечатлением встречи с этой удивительной женщиной.

Проблема в том, что невозможно точно описать виденное мной, как ни старайся, будут бесконечные: «как бы», «оказалось бы», «как будто» и пр., не описания, а намёки на некую полу-мистику. Но было – то, что было. А кроме всего, может быть самым значимым качеством увиденного мною была чистота и простота этих отношений. Простота в смысле постоянства и обычности такого общения для этих двух людей, естественная искренность и открытость этих отношений.

Они всерьёз и по-настоящему жили только такими мгновениями. И сразу за гранью этого была наполненная до предела душевными и физическими мучениями жизнь тяжелейшего инвалида и работающего день и ночь для облегчения её страданий и обеспечения детей, всегда уставшего, всегда в одном и том же старом, заштопанном пиджаке Фимы. Никогда до этого мне не приходилось встречать такую любовь и преданность. И никогда впечатление об этом не изгладится.

4

Однако, оказалось, через пару недель у дяди Фимы был день рождения; конечно, я был приглашён и с радостью поехал, тем более их мама будет обязательно. Вот мы на даче, её привезли, и она перемещалась по дому на кровати-каталке, её возили, а дом был устроен так, чтобы каталка везде могла проехать, теперь всё встало на свои места. Стало понятным, почему такие необычные двери – просто, чтобы через них могла проехать огромная кровать-каталка, по этой же причине странная конструкция лестниц. Да, всё здесь для неё, всё. Дача, как я говорил, двухэтажная и по тем временам стоила денег немалых, сколько же пришлось Фиме крутиться с утра до ночи, чтобы выстроить эту дачу со всеми этими сложностями.

Вот она «гуляет» по дому, голос её слышится то на первом, то на втором этаже, то там, то там её смех. Наконец собрались все гости, это в основном родственники, накрыли праздничный стол, все расселись – она на кровати-каталке возлежит за столом, Юрка во главе стола, а дядя Фима, где-то с краю. Он как бы вообще без места, то выходит, то заходит, он каким-то особенным образом на сухом вине замариновал мясо и собирается поджарить особенно вкусный шашлык. Каждый раз он готовит для неё такой шашлык.

Мама поздравила первая, как-то по-простому, тихо и немногословно, затем попросила Юрку поздравить папу, однако

сынок начал отнекиваться, но все родственники дружно настаивали, и тот подчинился. Он встал во весь свой огромный рост и какое-то время размышлял о том, как поздравить отца, парень явно напрягся в процессе размышления, как будто хотел стать кем-то, кто может изящно и красиво продекламировать некую поздравительную оду. Брожение мысли по лицу становилось мучительным, наконец, размышление зашло в тупик. Нет, Юрка не хотел быть никем другим и стал снова собой. Оглядел всех и как то невнятно пробормотал: «Ну, у папы сегодня день рождения, ну просто, ну просто... – потом, помолчав секунду, как бы собираясь с мыслями, глубоко вздохнул, затем вдруг раскрыл во всю ширину рот и что было мочи, до дрожи стен, заорал во всю глотку: – У... РРРР...АААААА...» Все на секунду вздрогнули, замерли и радостно расхохотались, это было так неожиданно и так по-Юркиному.

Застолье сразу пришло в праздничный тонус и двинулось своим ходом, дядя Фима выскользнул на улицу жарить шашлык, я за ним. Он насаживал на шампуры мясо, сам поджаривал его на мангале и отправлял на стол, ни от кого не принимая помощи, никому не доверяя процесс приготовления. Мы были на улице, а двери в дом были открыты, было уже темно, и было хорошо видно происходящее в освещённом доме. Сам он, кажется, и не попробовал толком, ему было достаточно наблюдать издалека, как наслаждается этим яством его жена, шашлык, в самом деле, был необыкновенно вкусным.

Так и было весь вечер, шашлык поджаривался небольшими партиями и отправлялся за стол, там его каждый раз встречали радостными возгласами и продолжали застольное общение. А мы с дядей Фимой сидели на улице, тихими волнами вокруг обтекал летний ветер, чуть слышан шелест листвы, над головами безоблачное, сверкающее чистотой и звёздами ночное небо. Он не спеша насаживал мясо, не спеша готовил его

на мангале, а я передавал готовый шашлык в дом и снова присаживался к Фиме, разливал белое сухое, и мы разговаривали о жизни.

Он говорил с людьми обо всём, от политики и экономики до педагогики, от астрономии до истории и микробиологии, поддерживал с интересом любой разговор, от тайн мироздания до личных переживаний человека, и очень бережно относился к общению. Умел, слушая, сочувствовать, сопереживать, проникнуться тем, что хотел донести до него собеседник. Разговор протекал как тихий поток по древнему виадуку, свободным течением переливаясь в открывающиеся русла.

Он любил жизнь, и общение с людьми открывало ему какие-то новые стороны этой жизни, а он умел внимательно к этому отнести как к форме познания бытия, каким бы тенденциозным не было подобное высказывание. Был очень умён, но выражал себя просто и скромно. Мне в свою очередь было интересно слушать его простые и всегда необычные рассказы о жизни разных людей, да и вообще о жизни. Я слушал и буквально научался деликатности, такту и ненавязчивой вежливости ведения диалога, основой при этом всегда была простота и искренность общения. Это были, что называется, задушевные беседы. Однако закончился и этот вечер, мы уехали, я, как обычно, закрутился, как всегда неожиданно уехал в Питер, так и не увидевшись с Юркиной мамой.

Жизнь в нашей стране тем временем принимала самые неожиданные и всегда агрессивные для своих граждан формы, люди как-то сбились с привычных орбит. Все, без исключения, были захвачены общим водоворотом выживаемости, и оглядываться по сторонам особенно не было времени, было не до поездок в Ригу, да и закончилась эпоха подобных поездок, наша страна начала сбрасывать с себя старую кожу, и не было возможности вообразить, чем будет новая. Приближались 90-е годы.

А перед самым началом 90-х мы как-то встретились с Юркой, и он просто сказал:

– Ты знаешь, умерла мама.

– Как умерла? Господи, помилуй, когда? Юрка, ты знаешь, я никогда в своей жизни не встречал человека с такой силой духа.

– Да? Я рад, что ты оценил мою маму, – так же просто ответил он

Что тут скажешь, я не находил слов, которые бы могли выразить мои чувства.

– Как дядя Фима, где он?

Юрка грустно и бесцветно начал рассказ. Оказалось, дядя Фима после её смерти распродал всё имущество и разделил между детьми. А сам уехал в Израиль в Кибуцы (это такие израильские коммуны), но жить там не смог. Уехал к сёстрам, которые жили в Америке, однако, там долго жить так же не смог, но однажды собрался и, никого не слушая, ушёл работать в артель к русским таксистам, где на тот момент и работал.

– Подожди, Юрка, как таксистом, ты что, серьёзно?! Брось всё и езжай за дядей Фимой.

– Я ездил, Васька,

– Как ездил? Когда?

– Да вот так, ездил, недавно.

Тогда поехать за границу, а тем более в Америку, была ещё очень серьёзная, почти нерешаемая проблема. Однако Юрка умудрился, затратив энное количество денег, выехать в Америку к отцу и разыскал его. Уговаривал его вернуться и не смог уговорить, никак ни смог.

– Он не поехал, понимаешь, он ничего не хочет больше, он просто развозит людей и разговаривает с ними, и так целыми днями, и ему так легче. Понимаешь?

Да, я понимал.

Оканчивались 80-е годы, начались и прошли 90-е, мы редко встречались, это были трудные моменты, и Юрка всегда оставался верным и надёжным другом, в те годы – редчайшее качество. Множество всего произошло за это время, однако писать об этом не имеет смысла, единственno потому, что основная часть этого повествования уже стала достоянием исповеди и достоянием бумаги стать не может. Как бы то ни было, но однажды Господь вывел меня из мира, и перевалил за половину второй десяток лет моего пребывания в монашестве. Давно потеряна связь с той семьёй.

Мы теперь живём в другой эпохе, имея богословское образование, много рассуждаем о судьбах мира, в контексте подобных разговоров часто рождаются эмоции, заставляющие говорить то одних, то других людей:

– Это евреи создают те либо иные проблемы, не люблю евреев, за то или за другое.

Конечно, всегда имеют в виду иудейство, как форму антихристианства, а не народ, однако, слушая это, а бывает, что невольно присоединяясь к такому мнению, я тут же и всегда с бесконечным теплом в душе вспоминаю дядю Фиму, их Маму и думаю – где ты, Юрка?

Сторожно. Петров пост. 2015 г.
Монах Варлаам

Часть 2

Середина две тысячи двадцатых. Война

(Путевые заметки по Донбассу, поездка первая. Перемирие)

От нас уже ездил в Новороссию один монах, еле нашли его потом, месяца через три. Не мог человек уехать из зоны военных действий и всё тут. Конечно, он, как монах, не принимал участия в боевых действиях, просто поддерживал духовно своих, втянутых в войну, соотечественников. Это не первая его поездка, там его родные. Так что вначале он разведал обстановку, проехал по военным территориям, ознакомился с ситуацией и вернулся. Во второй раз решили его с пустыми руками не отпускать. Собрали наши духовные родственники, что смогли. Они самые надёжные наши помощники, а больше тогда как-то особо смелых в этом отношении не нашлось. Священник, на которого мы особенно надеялись, как-то особенно наотрез отказался помогать, да Господь не оставил нас Своей Милостию. Нас поддержали, как всегда в таких делах, наши дорогие вырицкие отцы. Они тоже собрали, что смогли, да расходов половину взяли на себя. Дорога не близкая.

Поехали один брат из Вырицы да наш монах. Тот у границы разгрузился и назад: не было у него возможности остаться. А хотелось. Ну, а наш, конечно, за кордон, только его и видели. Вначале гуманитарку провёз да доставил по назначению. Потом помогал раненых вывозить, хватался за оружие в минуты отчаяния, да казачки не позволили: «Монах, молись. Воевать будем мы сами». Он молился, утешал, как мог, помогал, чем

мог, просто был рядом в трудное время, что тоже немало и не просто. А когда военное противостояние пошло на спад, вернулся, наконец, в обитель.

Наступила зима. Звонит мама моей крестницы (она основной представитель тех самых родных, о которых мы сказали выше):

– Ну что, отец, – будем в Новороссию ещё помочь собирать?

– Да надо будет везти, зима же на дворе, но пока не знаю как. Давай помолимся, чтоб Господь вразумил да управил.

Там, на войне, пока было зтишье, то есть можно было без проблем доставить гуманитарку. Через недельку звонит тот брат, что ездил прошлый раз с нашим монахом, говорит:

– Слушай, отче: тут один казак, ты его знаешь, собирает груз на приходы в Новороссию. Сейчас решает, как отвезти. Поехали?

Да, я знал того казака. Было решено – едем. Казак тот был в Новороссии добровольцем в самые трудные времена, спину свою украинским карателям не показывал и в кусты не прятался. Он знал все проблемы и подсобрал всё необходимое, да как следует, то есть на одной машине не увезёшь. Наши близкие уже были наготове, они мгновенно откликаются, когда нужно кому-то помочь. Конечно, вырицкие отцы (мы без них никуда) собрали, что смогли, машину дали – микроавтобус и расходов на себя взяли опять половину. Игumen наш собрал свечей да масла, ну, что смог с подворья забрать. В конечном итоге, поехали вчетвером на трёх машинах. «Газелька» – грузовичок, микроавтобус да «УАЗик». Последние – без задних сидений. Рессоры чуть ли не в обратную сторону выгинуты, так что быстрее 80 км не поедешь, если цель доехать до места. А у нас была такая цель. Началось преддорожное оживление.

Собирались, грузились, перегружались в Вырице, ночь там переночевали. Утром отцы отслужили молебен. Служил, строго говоря, один (другой, значит, за стенкой сидел, молился), но они по своему устроению не бывают по отдельности, мы все к этому единению привыкли, и поодиночке их упоминать как-то язык не поворачивается. Нас накормили, обняли, расцеловали, благословили в путь, и мы тронулись. Сразу же в Тосно первая поломка. Слава Богу, значит – порядок, а то как-то подозрительно гладко всё шло.

Ну а дальше дорога как дорога. Заправки, кофе, виляющая трасса, чётки в руках, леса, поля, мосты, реки с рыбаками на льду, еда урывками, езда по 14 часов, в лобовое стекло – мокрый снег в перемешку со щётками и со всех сторон – слепо-несущиеся многотонные фуры. Обязательные нервотрепки – отстал, не там свернул, потерялся, нашёлся, заправка, двойной эспрессо и дальше трасса, блестящий асфальт и слепящие навстречу фары. Ночные придорожные мотели, неважно какой ужин и падение без сил на толком не рассмотренную кровать, при этом засыпаешь чуть-чуть раньше, чем начал падать. Утром, затемно, еле прорав глаза, – сумасшедший чай по 2-3 пакета, двойной эспрессо на первой же заправке и снова дорога. Красота! Как давно было подобное.

Первый день в Новороссии

В середине третьего дня подъезжаем к Донецку Ростовскому, нас там встречают, пока не знаем кто, с одним вроде бы однажды виделись. Вначале мы договорились с несколькими людьми в отношении благополучного проезда. Все, кто имел подобные возможности, откликались сразу и всегда с ощутимой готовностью, открытым и добрым произволением. Вообще одним из самых радостных впечатлений от всего

этого была твёрдая готовность не просто помочь, но оказать наибольшую помощь у всех, кого нам рекомендовали. Мы совершенно спокойно могли их беспокоить в любое время дня и ночи, всегда получая предельную помощь и полное понимание. Это были и казачьи подразделения, и ополченцы, и просто местные жители. На военных территориях не существует посторонних людей.

Однако за два дня до отъезда, благодаря связям нашего «военного» монаха, появилась возможность воспользоваться помощью официальной народной армии: нас обещали сопровождать, провезти по нужным местам и обеспечить прикрытие на случай возобновления военных действий. На самом деле, особенно импонировало само понятие – законная народная армия. Как-то хотелось пообщаться с такими людьми. Священник, к которому мы ехали, сразу одобрил наш выбор, точнее, убедил его сделать. Короче, мы подъезжали к границе. Вся дорожная весёлость уже заменилась усталостью, однако нервозности не было.

Подъехали к месту встречи. Ждут трое военных на двух микроавтобусах. Да, с одним мы виделись – взрослый с орденом Красной Звезды, и двое незнакомых, крепких, с очень хорошими лицами ребят, тоже не юноши – лет сорока. Познакомились.

– Мы думали, вы с оружием...

– Да провозить через таможню нельзя, оставили с бойцами перед границей.

– Понятно...

Время на исходе, скоро будет темнеть, а ехать далеко. Быстро перегрузили груз из «Газели» в микробусы, с собой могли взять только две машины, грузовик возвращался домой. Наш знакомый с орденом провёл командным голосом короткий инструктаж по поведению на территории военных конфликтов, и все тронулись на границу к таможне.

Въезжаем: первая и последняя машины сопровождения, две наших посередине. Честно говоря, к моменту переезда через границу излишняя весёлость уже прошла, но приветливая встреча бойцов сохранила некое благодушие. Таможня как-то сразу начала расставлять всё по своим местам. За окошком девушка с пистолетом в кобуре, строгий взгляд, говорящий не то, что она строгая, а то, что здесь вообще не шутят, здесь воина. Проверка документов без проволочек, досмотр без пристрастия, всё же вид бородатых людей в монашеской одежде как-то смягчал. И, надо сказать, сопровождающие нас бойцы на протяжении всего времени неизменно пользовались расположением у всего населения – как гражданского, так и военного.

Наш друг с орденом пошёл к какому-то таможенному командиру и взял меня с собой, познакомиться. Входим внутрь здания таможни. Первое, что видим, – это разрушенные комнаты от разорвавшегося снаряда. Все вокруг с оружием, и ощущаешь, что не просто вооружены, потому что военные, а

потому, что в любой момент возможно военное нападение, без оружия здесь нельзя, и это их пост. Поприветствовали какого-то офицера, познакомились, пожали руки, перекинулись парой слов. Да, не знаю, как сказать, но война – это не только стрельба, война видна во всём облике человека и чувствуется сразу. Во всяком случае, при том, что рукопожатие было дружественным и слова приветливые, вся дорожная эйфория улетучилась бесследно. Выехали за границу. Там наших спутников ожидали бойцы с их оружием и разгрузками (это такие жилеты с карманами для гранат и патронов). Вооружившись, они ещё раз повторили нам правила поведения, режим движения, и все в прежнем порядке тронулись дальше. Начинает темнеть.

Совершенно разбитая дорога, не то что разгромленная или недавно повреждена, а просто старая, неремонтированная много лет и пришедшая в негодность задолго до военных действий. Впереди сразу показались бетонные плиты, положенные поперёк дороги, аккуратные баррикады из мешков с песком и небольшая каменная будка сбоку. Всё это блокпост. Подходят молодые ребята в военной форме, строгие, спокойные, но явно, что называется, начеку. Все с автоматами: один впереди, двое сзади по бокам и ещё дальше двое с пулемётом. Проверили документы у сопровождения, сразу успокоились. Показывая на нас:

- Это с вами?
- Конечно. Мы сопровождаем.
- Глянули наши паспорта.
- Проезжайте.

Едем дальше, по Изварино. Совсем стемнело. На несколько метров отдалились от первой машины, и слева догоняет гаишная машина. Наш послушник-водитель говорит тоном человека, увидевшего знакомое в чужой стране:

- О, гаишники – прямо как у нас!

Словно услышав, тут же прерывистым зуммером нас пригласили остановиться. Водитель с документами вышел на встречу. Да, гаишники, в самом деле, как у нас. Единственное, вышли они – один с автоматом, другой с миномётом. Водитель опешил. Те не торопясь:

– Кто? Откуда? Кто в машине? Что за груз?

Но первая машина сопровождения отреагировала – сразу по тормозам, тут же выскочили наши провожатые и бегом к нам. После слова «Август» ГАИ ответило: «Вопросов нет».

Едем по темноте, в посёлках всё затмнено, просто фонари не работают, а дома обитаемы не все. Фарами вырываются из темноты фрагменты разрушенных домов, пустые глазницы окон, перекошенные рты вырванных дверных проёмов. Время от времени куда-то мимо спешат одинокие фигуры местных жителей. Живут, тянут лямку войны и не сдаются. Оглядываются на нас, как на туристов, видя российские номера, однако без осуждения. Это наши русские люди, убиваемые ни за что своей законной властью и ожидающие законной же помощи от России, которая, вне всякого сомнения, должна помочь этим людям и которая толком помочь пока не может.

Проезжаем Антрацит. Состояние города напоминает самые тяжёлые годы наших 90-х. Под редкими уличными фонарями – небольшие кучки бедно одетых людей, кто-то что-то ищет, кто-то предлагает, некоторые, не обращая внимания, молча проходят мимо. Немного в глубине жидкй рядок еле освещённых ларьков с «колониальным товаром», рядом один-два человека. Даже как будто повеяло давним, всем нам знакомым, только без пьяной милиции с бандитами и соответствующих им дам. Вместо этой пикантной категории – озабоченные скорбные люди, выжившие под обстрелами и бомбёжками, теперь выживающие в холода, голоде и ожидании новых бомбёжек. Нет, это далеко не наши 90-е.

Проезжаем город, время от времени впереди включают аварийку. Мы следом, потом – «стоп»: блокпосты, строгие лица, автоматы. Увидят нас – улыбнутся и, выслушав наше сопровождение, пропускают. Дальше опять бедные, местами разрушенные посёлки и много лет неремонтированные – ухаб на ухабе – дороги. Надо сказать, что состояние дорог и домов отчётливо отражает, что проблема с властями возникла не полгода назад. Посёлки шахтёров в откровенной и давней бедноте. Это при том, что шахтёры испокон века – самый зажиточный рабочий класс. У кого есть знакомые или родня шахтёры, те знают, что всегда они жили по справедливости богато. Их труд во все времена тяжёл и опасен. Однако очевидно, что доведены эти люди до такого бедственного положения давно, так что их претензии к властям были более чем справедливы. И после киевского переворота (а это был вооружённый переворот) они были вправе требовать, чтобы с ними, наконец, начали считаться, уже даже не потому, что они шахтёры, но хотя бы потому, что они живые люди со своей жизнью, семьями, детьми, самыми различными проблемами, которые должна решать власть, если эта власть законна. Однако власть в ответ стала их убивать.

Но двигаемся далее. Ещё несколько блокпостов. Где – ополченцы, где – казачки. (Вообще блокпостов много на всех дорогах, и посты эти – места опасные.) Подъезжаем к населённому пункту, в котором расположение «нашей» части. Ещё блокпост, и мы – в военном подразделении. Бойцы (по виду ополченцы, то есть разных возрастов), много взрослых, пожилых людей, но много и молодёжи – все в обмундировании. Здание штаба, казармы, склады, столовая – всё честь по части. Территория, неплохо приспособленная под воинскую часть. Машины рядом. Хоть и бэушные, но бэтээры. Танков несколько (тоже не новые).

– Укроповские что ли?

– Ну да. Они побросали, когда бежали, да и так мы позабирали у них техники не хило, ума бы дать.

В общем, нормальная часть, но расспрашивать пока было неудобно, да и какая разница, ну пусть это ополченцы, дак что? Для нас в принципе нет разницы, эти люди здесь воюют. Подошёл офицер.

– Это зам. комбата. «Бати» нет, он за него.

Это наш знакомый с орденом представляет нас начальству. Сразу ведут в столовую, очень радушно относятся все встреченные там бойцы. Женщины-повара в столовой, видя бородатые лица и замызганные подрясники, улыбаются, но пытаются скормить нам двойные порции:

– Ешьте, вы ж с дороги, или не вкусно?

– Да нет, ну, спаси Господи, мы хоть и монахи, но не безразмерные.

Нормальная солдатская столовая. Стоит парень на мойке, другой убирает, кто-то приходит с наряда или сменился с блокпоста, их в рабочем порядке кормят, всё налажено. Да,

много взрослых солдат, но ведут себя по-военному спокойно, вровень с молодыми – это народная армия, идёт война, тут все те, кто хочет защищать Родину, и возраст здесь не в счёт. Потрапезничали, пошли разгружать машину. Зам. комбата собрал бойцов, те по-быстрому всё разгрузили. Офицер, да и все бойцы благодарят. Даже женщины-повара на кухне – и те благодарят. Знаете, ну привезли мы какие-то продукты, но наша «Газелька» для этой части – как слону горошина. Ну на пару дней от силы хватит этого, а нужда у них во всём, и серьёзная. Нам ну просто стыдно стало.

– Да тут благодарить-то не за что, ребят, прекратите.

– А дело не в количестве, мы рады, что вы приехали, что поддерживаете нас и понимаете.

И они в самом деле нам рады, и уж явно не за эту помощь, а за солидарность, и это шло от сердца, такая благодарность покрывала все наши трудности.

С этим теплом в сердце мы попрощались до завтра и повезли груз на приходы к священникам, в сопровождение поехал один из бойцов, который нас встречал, я прыгнул к нему

в машину. Хороший парень с хорошим русским именем Олег. Если бы не камуфляж, да автомат под рукой, никогда бы не принял за военного, ну совершенно мирный вид у человека. Тронулись.

– Слушай, как это ополченческая часть что ли?

– Нет, отец, это у нас вообще первая кадровая военная часть.

– Что – реальная воинская часть? Это что – у вас теперь своя армия?

– Ну конечно! А мы – первый батальон. Будут и другие формироваться. Наш, например, называется «Август».

– О, а мы когда на постах слышали, думали, пароль такой. Почему «Август»?

– В честь «Августовской» иконы Богородицы.

– Да ладно? Что – серьёзно?

Тот показывает удостоверение. В самом деле – часть номер такой-то и чёрным по белому: «Батальон «Август» в честь иконы Божией Матери «Августовская». Вот это да! Ну что более радостное можно было узнать про этих воинов? Едем,

разговариваем. Он с первых дней на войне, их станицу по сей день бомбят, жена с ребёнком ездит за ним, а её родители дома, и сейчас на той стороне «под укропами» им там тяжко. Повоевал этот парень с первых дней войны, поотбивался на блокпостах, грустно улыбается – 50 тысяч долларов дают за него украинские спецслужбы.

– Нет, – говорит, – никуда мы не уйдём, сколько горя люди вынесли и от кого?! Сколько погибло невинных мирных людей и за что?! Нет. За такое они должны ответить.

Вот такой боец батальона «Август». Да, страшное дело война, но гражданская война страшнее всего, нигде нет такой обиды, таких моральных переживаний, какие несёт эта война.

Но едем дальше. Темно. Та же – ухаб на ухабе – дорога, блокпосты. Поздно. Ребята стоят начеку, часто высвечиваются из темноты, красным с серебром, кубанки. Хотя у пишущего эти строчки предки – сибирские казаки, но и вид кубанки радует. Теперь кубанка – не отличие кубанцев от других, а, наоборот, головной убор, как-бы объединяющий всех казаков. Не сразу находим, но находим дорогу к батюшке. Он встречает нас издалека лучом фонарика. Подъехали, обнялись, познакомились. Молодой, крепкий, открытое лицо – отец Алексей, матушка – ёщё моложе, красавица, очень скромная, заботливая и добродетельная. Где вот люди таких находят?!

На стол накрыто. Хоть мы и обедали, но невозможно отказать. Война во всём: дом небольшой – одна комната, несущая стена еле-еле заделана шлакоблоками, даже не оштукатурена – не успели до зимы. Двое ребятишек: один совсем маленький, бегать начал недавно, другой – школьник, класс 4-5-й. Стол, неспешная беседа. Отец Алексей – полковой священник, бывший шахтёр. Говорит больше хозяин – о том, как живут на войне, как бомбили: например, когда «град», тогда, если спрятаться успели, ничего; вот когда «урган», тогда беда – там в каждом снаряде по сорок мин, раз-

летаются и рвутся, куда деться, не знаешь. Потом многие мины в землю врезаются, оставшись не взорванными. И торчат такие «цветы» по улицам и во дворах, а чуть задел – взрыв. Вот и ходили по дворам и огородам, разминировали.

– А кто разминировал, отче?

– Так я и разминировал с одним афганцем, кто ещё?

– Ну ты даёшь! Страшновато?

– Да так себе. Я в армии был миномётчиком. Там аккуратно надо. Если взрыватель не заденешь – не взорвётся.

– Ну да. Спаси, Господи.

Этот войсковой священник был участником боевых действий в самое тяжёлое время, стрелять, конечно, не стрелял – священник – нельзя, а вот раненых возил, убитых хоронил, мины разминировал, ездил по передовым, не обращая внимания на стрельбу и бомбёжки, служил молебны. Помогал бойцам молитвой, и я уверен, что не один спасся благодаря его молитвенному заступлению. Кто крестился, кто-то исповедывался, бойцы брали у него иконочки, тексты молитв, и это спасало в бою. Многие благодаря ему впервые начали молиться. Но основное – это служил, и сейчас служит Божественную Литургию. Причащал людей Христовых Тайн, находясь в нужде с женой и двумя маленькими ребятишками. Тяжёлое время, тяжёлое для всех, и эти священники из Новороссии делят всю тяжесть гражданской войны со своим народом.

Это здесь могут сказать: «Да какие молебны, иконки, молитвы, когда кругом бомбят?» Там такого не подумают, более того, скажу вам удивительное: знаете, вряд ли где-нибудь люди ощущают большее заступление Божие, чем на войне. Какой страшный парадокс! Как далеко мы отступили от Бога, что по-настоящему видеть Его хотим, только когда близко смерть. Только тогда узнаём, что Он всегда был рядом, и если бы мы, люди, не отступали от Него, то не было бы всего этого ужаса. И вот эти священники пробиваются к душам людей, пытаясь,

во что бы то ни стало, достучаться до них, подготовить людей к переходу в Вечность, когда она так близка, и чтобы вечность эта была Царствием Небесным, была спасением от мук, тоже вечных, для виновников этой трагедии.

Давно была ночь. Матушка (так интересно молоденькую девочку звать матушкой) в кухне за стенкой. От усталости слипаются глаза. Нам троим расстелили на полу в общей комнате длинноющий матрац, там же разложен диван для хозяев и узенькая кровать для школьника. Наверное, не следовало бы писать, но это очень характеризует матушку. (Её зовут Ирина, вот уж точно «мирная».) Так вот, мы с водителем-слушником, не имея сил для продолжения беседы (длинный был день), упали на матрац и мгновенно заснули. А наш третий брат как-то держался и слушал отца Алексея. Очень интересно было послушать, однако и он стал валиться от сна.

– Батюшка, куда мне лечь?

Тот совершенно спокойно:

– Где свободное место – там и ложись.

Свободное было только у нас на полу. Однако матушка находилась на кухне, ожидая, когда мы наговоримся, чтобы убрать со стола, а отец Алексей отправил нашего брата спать и не обратил внимания, куда он пошёл. Тот впопыхах зашёл в комнату и увидел только одно свободное место – это пока не занятый диван хозяев, куда и бухнулся, мгновенно захрапев. Матушка трогать его не стала, уложила батюшку на маленькую кровать, а сама с ребятишками легла в единственном свободном месте – ванной комнате. И утром никак никто не подал вида, что мы причинили какое-то неудобство. Удивительное смижение. Жёны многих наших священников, прочитав подобное, сожгут это в печке, как ересь.

Второй день в Новороссии

Уром, наскоро напившись чая, едем с батюшкой в соседнюю деревню, знакомимся там с местным священником отцом Иоанном (они дружат с отцом Алексеем), и все вместе отправляемся в часть. Беспрепятственно доезжаем. Однако надо сказать, что без наших вчерашних провожатых проверки на блокпостах проходят более тщательно, но доезжаем. «Август» живёт своей военной жизнью, мы стараемся её не нарушать, насколько это возможно. Встречает нас наш старый знакомый с орденом и двое бойцов. Все вооружены. Нас обещали свозить на передовые позиции (туда, где тихо, а где могут стрелять – нас не пустили). Однако в данный момент бойцы ехали на стрельбы. Естественно, мы не могли к ним не прилепиться, правдами и неправдами.

Едем. Нормальное рабочее утро военного времени в момент перемирия, по дорогам передвигается военная техника, где-то с разбитого танка бойцы скручивают нужные для более пригодных машин запчасти, где-то бэтээры сопровождают «КамАЗы» с углём, где-то на машинах ополченцы либо казаки едут по своим постам. Все вооружены, все серьёзны, все заняты делом. Подъезжаем к старому удалённому карьеру – это стрельбище. Бойцы расставили мишени, очень громко и резко зазвучали выстрелы, с непривычки заложило уши. Военные быстро и коротко пристрелялись из АК-72 да бьют, как профессионалы. Война быстро и многому научила этих ребят.

Автомат дают отцу Алексею, тот поясняет:

– Я полковой священник, в боях я участвовать с оружием в руках не могу, но пользоваться оружием нас обучали на курсах военных священников.

Берёт автомат, плавным, точным без промедления движением прижимает его к плечу, направляя дуло на цель, на се-

кунду ствол неподвижно зависает, и сразу – две коротких, по два удара, очереди. Двух мишеней как не бывало.

– Ну ты даёшь, батюшка! Дак, говоришь, на курсах священников обучали? – с совершенно ехидным лицом спрашивает один из нас.

– Нет, ну я и в армии неплохо стрелял, но на курсах нас, в самом деле, учили стрелять из всех видов оружия, и эти стрельбы против наших отдыхают.

– Да ладно, отче? Это на курсах священников-то? Как так?

– Да вот так, отец: война есть война.

Мгновенно каждый из нас, воспользовавшись тем, что мы с солдатами уже сдружились, выпросил разрешение на пару выстрелов. Не смогли нам отказать военные, позволили, под строгим присмотром, справедливо причисля монахов к детям. Ну что можно сказать? Страшная вещь оружие для человека с мужским естеством. Выстрелил несколько раз из АК 7,62 и всё – и руки прилипли к цевью так, что не оторвать, и не хочется больше никуда ехать, а хочется рвануться в бой за правое дело, косить врагов православия либо пасть самому в неравной борьбе, но оружия не выпустить. В общем, целая буря рождается в груди после того, как в твоих руках заговорило оружие. Посему единственное, что я могу с уверенностью сказать после стрельб – монахи, бойтесь оружия!

После такой встряски мы поехали на «передовые», то есть в расположения бойцов, которые находятся максимально близко к украинской границе. Может, это не были окопы самого первого ряда, но это был последний укреплённый бэтээром пост перед границей. Там все участники боевых действий, ведущихся в данное время, тут же стоит, покрытый белыми полосами маскировочного покрытия, бэтээр, все ребята вооружены. Говорят, ещё утром было несколько взрывов в соседней деревне. Отслужили молебен прямо на дороге возле бронетранспортёра. После совместной молитвы отец Алексей

сказал по-военному краткую проповедь, какое-то время пообщались с бойцами и, обнявшись, рас прощались в надежде приехать ещё.

Сложные, но всегда очень тёплые и трогательные чувства оставляют эти встречи с людьми в камуфляже. Там все разного возраста – от пожилых людей, до молодёжи, у которых в руках автоматы, у кого-то СВД (снайперская винтовка дальнего действия), у кого-то миномёты и прочее. Они отчётливо сознают, что совсем рядом – люди с не менее серьёзным оружием и твёрдым намерением их убить, люди, которым они никогда не сделали ничего плохого – те, кто нещадно бомбили неделями деревни с их родными и близкими, те, кто не имеет представления, что такое, когда бомбят твоих родителей, жену и детей. И они ненавидят (почему?! за что?!) всё, что тебе дорого. И это твои соотечественники, и они не останавливаются, и они совсем рядом. Страшное дело – гражданская война.

Такие чувства владели нами, когда мы выехали с передовой и тронулись в сторону следующего такого же поста. Однако машина, на которой мы ехали, неожиданно и непоправимо сломалась. Мы прижались к обочине дороги, и наши сопровождающие вызвали по радио другую машину, которая могла довезти нас только до части. Там нас, естественно, сразу и предельно накормили, после чего повели знакомиться с комбатом. «Батя» был у себя и мог нас принять. В кабинете находились аккуратные взрослые офицеры, кто-то заходил-выходил, какие-то девушки с пистолетами в кобурах под мышкой приносили подписывать документы – параллельно обсуждались различные проблемы, которые можно было безболезненно решать при гражданских. (Это мы-то гражданские? А мы уж себя считали почти что их однополчанами.)

Твёрдое рукопожатие и простое искреннее расположение офицеров как бы удалило излишнюю скованность, а беседа

стала простой и естественной, причём одновременное решение тех или иных вопросов никак не влияло на внимание к нам командиров. Конечно, сразу спросили про «Август», и комбат мало того, что рассказал, как родилось название батальона и участие в этом отца Дмитрия из Бугров, но подробно объяснил тем, кто не знал, что явление Матери Божией было в Августе во время Первой мировой войны, когда большая группировка русских солдат оказалась в окружении. Как они по велению Матери Божией вышли из вражеского кольца и разгромили врагов. О том, как такое же явление в подобной же ситуации было во время Великой Отечественной войны. Причём присутствующий здесь же один из заместителей комбата с большей, чем обычно, но аккуратно подстриженной бородой, сделал в процессе рассказа несколько пояснений, обнаруживающих совершенное знание им православных христианских догматов, чем просто вызвал наше духовное ликование.

Согласитесь, что не каждый раз можно встретить в военной обстановке офицеров мало того что верующих, православных христиан, но и обладающих знанием христианских догматов, хорошо разбирающихся в Священном Писании. Такие у кого угодно вызовут уважение. Обсудили с отцом Алексеем различные наболевшие вопросы, встречая полное единодушие во взглядах на существующее положение. Обменялись данными и расстались до завтра. Был вечер, мы тронулись уже без сопровождения, отцы-священники были провожатыми, а на блокпостах знали не только их, но и мы, грешники, примелькались, сопровождаемые везде добрыми улыбками стоящих в ночном дозоре бойцов.

Мы разведали в храме, где служит отец Алексей, комнатку, где была складирована гуманитарка, и напросились ночевать там, однако без ужина нас не отпускали:

– Матушка приготовила, старалась. Нельзя, отцы, не обсуждается.

Снова тёплый семейный ужин и тихая, спокойная беседа, с темой никак не соответствующей формулировке «тихая, спокойная».

– Первое время их авиация очень доставала, а сбить не могли. Их «Сушки» выбрасывали тепловые ловушки, и ракеты из ПЗРК уходили мимо. Прямо фейерверк такой вокруг самолёта, – улыбнулся отец Алексей, – матушка вон насмотрелась этих сияний.

Молоденькая, внешне просто девочка, матушка, мать двух маленьких ребятишек, по-взрослому, молча без улыбки кивнула головой – да, дескать, насмотрелась, век бы их не видать.

– А потом другие ПЗРК раздобыли, которые на радиосигнал били, и всё – на этом закончилась их авиация. Вы не поверите, по телевизору этого не говорят, но были дни, когда наши по четыре «Сушки» за день сбивали. Вертолётов этих сколько ребята перебили.

Коротко и грустно вздохнул. Знаете, постоянно скорбный взгляд у этого священника.

– Потом стали они бежать кто куда, а наши их долбить со всех сторон. Конечно, русские добровольцы помогли, казаки-герои много. Это сейчас, когда всё стихло, начинаются нестроения между населением и казаками, а тогда все были рядом. «Градов» этих сколько отбили, много полегло народу. Это хорошо, пленные помогали хоронить, а так бы мы не справились. Хоронить надо и тех, и других, лето, жарко, оставь лежать трупы – легко может начаться эпидемия, а люди боятся хоронить. Не столько трупов, сколько мин неразорвавшихся от «Ураганов», растяжек хватало, да и других ловушек, так что одновременно приходилось и хоронить, и разминировать. Да...

Вполне понятно, мало желающих для такого занятия. Беседа могла длиться и длиться, и матушка бы сидела и терпела нас, да мы были без сил. Извинились, поблагодарили и трону-

лись к храму на ночёвку. Наконец, мы в Храме Божиим – дома. Добрались до заветной комнаты с расстеленными матрацами и, наскоро по-дорожному помолившись, провалились в небытие.

Третий день в Новороссии

Ровно одну немыслимо короткую секунду (пусть это звучит абсурдно) длилось это небытие, его просто не было, а первой утренней мыслью стала: «Нет, это людоед какой-то, а не будильник». Однако темнота уже была проницаема, выбор отсутствовал, надо было вычитывать правило, будить спутников и идти в Храм читать утренние молитвы. Наши отцы были в этот день заняты неотложными делами, так что нам предстояло добираться самим. На вопрос, сможем ли мы добраться сами, некто из нас с предельно убедительным видом ответил, что, конечно, сможем, у нас же навигатор. Бесконфликтно возражать не представлялось возможным, и мы, воздержавшись от этого, двинулись в «Август» одни. Конечно, наш навигатор не знал тех дорог, по которым можно было ехать в настоящее время, и вёл нас непонятно куда. Конечно, мы потерялись, конечно, долго не могли с этим смириться и, конечно, смириться были вынуждены.

– Слушай, парень, ты не знаешь, где находится батальон «Август»?

Перед нами первый попавшийся паренёк в немного великоватой военной форме.

– Ну я с батальона «Август», а что?

Паренёк с очень симпатичной девушкой (тут вообще, кстати, очень красивые девушки).

– Да нет, нас там ждут, просто мы потерялись и не поймём, где находимся, подскажи, Христа ради, как проехать?

– А кто интересуется? – тоном гэрэушника спрашивает паренёк.

Так-то вопрос простой, да вот, поди, ответь.

– Ну, мы монахи, приехали из России (как будто он не видит наши номера и наши бородатые физиономии) к ним в гости. Слушай, да они нас знают хорошо, ты нам просто покажи, как доехать, а лучше проводил бы, а?

Паренёк, говорит:

– Хорошо, поехали. Садись.

Это он своей девушке. Вместе садятся в машину и едут с нами.

– Езжайте так-то и так, тут сворачиваем, а вот светофор, здесь вам сразу направо. Поняли? А мы дальше не поедем, уж извините. Понимаете, у меня увольнение только до вечера, тем более, вы уже приехали.

– Ой, спаси тебя Господи, всё понятно. Дак там и расположен «Август»?

– Да нет, там расположен блокпост, вот они вам всё покажут и всё объяснят.

«Красавец!» – эта мысль одновременно возникла у всех нас. В самом деле, буквально в метре впереди за углом оказался блокпост, который нам невозможно было миновать, решив мы даже просто развернуться. Мы уже были в пределах его видимости. Однако мы уже третий день с разной периодичностью проезжаем через эти блокпосты, нас узнают, улыбаются, звонят в «Август» и пропускают.

– Давайте, отцы, вас там ждут, часть сразу за поворотом, вас у проходной встречают.

Ещё минута – и мы оказываемся в кругу наших военных знакомых. Командный голос, красный орден на груди, автоматы, «муха», камуфляж, «разгрузки». «Все по машинам!». И мы уже раскачиваемся в воинском микроавтобусе, перед нами на водительском месте плечи постоянно заботящегося о нас

Анатолия, это его машина вчера была угроблена во время нашей поездки. Толя так же воюет с первых дней, тоже семья, дети, а он постоянно на войне. Слева перекрывал весь обзор обладатель командного голоса, человек, который, собственно, и организовал всё обеспечение наших передвижений по Новороссии и лично сопровождал нас через границу в обе стороны. Очень мы ему за это благодарны. Спаси его, Господи. Но останавливаемся.

– А это, отцы, Саур-Могила.

Перед нами мемориальный комплекс советских времён, памятник погибшим в боях. Невысокая плоская стела с краткой историей и мраморный крест, сбоку старая «памятниковая» техника: две Т-тридцатьчетверки, «Катюша», да пушка-сорокапятка. Памятник побит осколками, крест разбит и лежит на земле, рядом живые цветы, следы от миномётных попаданий, чуть в стороне – два длинных ряда свежих могил, на могилах цветы. Подошли, помолились, отчитали литию. Да... Вокруг везде воронки, место это бомбили серьёзно.

Но идём дальше. Комплекс очень большой по площади, в несколько широких ярусов с рядами разбитых миномётами ступеней, которые поднимают на разные уровни к различным скульптурным группам, изломанным стенам с надписями и отдельным памятникам, посвященным Великой Отечественной войне. Всё это грандиозное сооружение служило укреплённым пунктом для наших ребят. На самой верхней площадке огромная стела. Эта стела лежит разрушенной, растянувшись вниз, напоминая некий каменный поезд после крушения. Здесь наверху везде разрушения просто чудовищные. Разбитые, изуродованные остатки памятников выглядят кощунственным гротеском, вокруг сплошь воронки, осколки от снарядов, на верхнем «пятачке» разбросаны скрученные изуродованные куски металла – это клочки разорванных зениток, из которых бойцы били прямой наводкой по противнику. Господи, как же можно

было сохранять разум среди такого? Здесь же стоит семь свежих могилок. Семь! В этом аду отбивались всего семеро ребят. На первом же кресте стоит 1979 год рождения, есть моложе. Оглушённые, стоим, молимся. Господи, что же это такое?!

В себя приводит вибрация движущейся машины и размежеванный голос Анатолия. Он ведёт машину и рассказывает, как отходили, когда «укропы брали» Саур-Могилу (вот ещё название!), как те ребята остались одни и отбивались до последнего. Про другие бои. Про других героев, тех, которые воевали с ним бок о бок, которые были особенно дороги и которых не вернуть.

– А когда выбивать стали «укропов», впервые увидел добитых раненых, особенно когда «Айдаровцы» бежали. Смотрим, лежат трупы, у кого-то бок прострелен, нога перебита, ну раненый, короче говоря, и горло перерезано. Да...

Тормозит наш микроавтобус.

– Смотрите, как Степановку разбомбили.

Мы стоим посреди разрушенной бомбёжкой деревни.

– Это они «Градами», здесь гражданские гибли.

Господи, помилуй, это деревня с мирными жителями. В центре несколько уцелевших домов, рядом стоят трое престарелых мужчин и две женщины такого же возраста разговаривающих между собой о насущных проблемах. Подходим.

– Как пережили? Да кто в погребах, кто где. Сами не знаем, не думали что выживем.

– Почему не ушли? Не верилось, что они способны на такое. А потом, ну куда пойдёшь из родного дома? Тогда везде бомбили. Да и некуда нам идти, и не на что.

Не поворачивается язык расспрашивать подробно о страданиях этих людей, окружающие разрушения говорят сами за себя. Однако люди эти спокойно с нами разговаривают, они совершенно точно понимают, что это война не с ними, это война с Россией – с нами. Там этого не увидеть может только сле-

пой, но слепых мы там не встречали. Просто сейчас на линии огня – они, потому что они и есть Россия, и они не отступили. Внутри рождался вопрос: «Как насчёт нас?».

К вечеру стало затягивать туманом, быстро темнело, мы тронулись обратно в часть. Там быстро рас прощались, надо было ехать. Отец Алексей с матушкой ждали, задерживаться было неудобно. Командный голос:

– Подождите. Кто-нибудь вас проводит.

Здесь некто из нас авторитетно заявил, что у нас прекрасный навигатор, утренняя задержка была чистейшей воды недоразумением, а сейчас мы, вне всякого сомнения, доедем без проблем. После всего виденного все были захвачены переживанием впечатлений, и совершенно точно не хотелось спорить. Мы смирились, не обращая внимания на слова одного из бойцов, обращенных к майору (человеку с командным голосом):

– Ты что их одних отпускаешь?

Оправдания майора мы слышали отъезжая:

– Дак они же утром доехали сами, тот вон дорогу хорошо знает...

Но мы уже ехали, еле успевая за то и дело исчезающей в темноте машиной с навигатором. Время от времени из тумана проявлялись блокпосты, тут же в тумане и растворяясь. Дуло автомата, серебряный крест на кубанке и снова тёмное молоко. Дорога становилась всё менее похожей на дорогу, блокпосты как-то подозрительно перестали выплывать из тумана. В голове начали всплывать рассказы о том, что кое-где есть небольшие группировки «укропов», окружённые нашими ополченцами, но подъезды к ним на дорогах перекрыты. Однако это на дорогах, а путь нашего следования, совершенно точно, дорогой уже назвать было нельзя. Невольно размышления приняли другой характер: «А интересно, сколько это – «небольшая группировка» или «Вот дураки, надо было хоть оружие попросить с собой». Наконец и, надо сказать, вполне

всеми ожидаемо, машина с навигатором обескураженно остановилась. Дальше проезда не было, а куда надо ехать, было непонятно.

Некто из нас:

– Да, навигатор, видимо, какую-то древнюю дорогу показал, а она сейчас не существует. Надо ехать как-то по-другому, а он (навигатор) других дорог не показывает.

– Спаси, Господи, очень хотелось бы сказать, что это неожиданно.

Поехали обратно, не зная куда. Наконец, выехали на дорогу, кого-то встречали в тумане, и он куда-то показывал, а это не было нужным направлением. Останавливали очень редкие (просто две за всё время) затерявшиеся в тумане машины, спрашивали, разворачивались и ехали обратно. Потом выходили с фонариками, снова искали кого-нибудь. Часть дороги до какого-то поворота проводила мимолётная легковушка. И т. д., и т. п.

Воистину, Господь не хочет смерти грешника, и мы выбрались вопреки всем навигаторам. Короче говоря, задержались прилично, приехали чуть живые от усталости и голода. Батюшка с семьёй ждали, и мы сразу за стол. Руки мыли.

Забежала совершенно расстроенная соседка, рассказывая, что им перечислили за уголь по одной тысяче гривен на карточки, а банки по карточкам расчёты не производят, банкоматы не работают. Просто впрямую обманули людей – «кинули». Это при том, что материальное положение людей самое катастрофическое. Сегодня утром, когда мы блуждали в поисках части, вдруг увидели лежащую на дороге старушку. Машины впереди проехали по инерции, и мы чуть не проскочили. Резко тормозим, подбегаем:

– Бабушка, дорогая, что с тобой?

– Да запнулась и упала, а подняться сил нет. Ну не могу и всё тут.

Поднимаем. Приятная, аккуратная старушка, на лице давно застывшее выражение горя.

— Пенсий нет несколько месяцев, продукты закончились, сил нет уже никаких.

Делимся, конечно, всем, чем можем. Кто к ним в деревушку повезёт какую гуманитарку?

И таких старушек мы видели как минимум ещё двух. Одна буквально шатается от голода, вторая — в разорванном старом пальто, опирается на палку, отломанную от дерева, под мышкой буханка хлеба, вся в грязи — падала несколько раз. У них общее выражение горя на лице. Это выражение стало чертами их лиц. Ну откуда им ждать помошь? Уехать у них нет способа, а близкие — у одних погибли, у других уехали, у кого-то просто никого уже не осталось — старость. Этим бабушкам труднее всего, за что они страдают? Что они могут сделать? Как себя защитить? И это наши матери. Война — вот из-за этих бабушек — всегда будет непростительна.

Беседуем обо всём этом с отцом Алексеем и снова о бомбёжках, сбитых самолётах, минах-растяжках. Вспомнили слова Толи о добityх «укроповских» раненых, батюшка сразу:

— Та мы тоже раз, когда к нам пленных привезли, разбирали «КамАЗ» с трофеями, находим штык-ножи, их собрали с поля боя, они были брошены отступающим правым сектором, много ножей и все в запёкшейся крови. Наших они точно не резали, это только своих могли.

Оказывается, что и во время таких разговоров, могут слипаться глаза. Мы, чтобы не уснуть за столом (очередной раз), прощаемся с нашими гостеприимными хозяевами и едем в Храм на ночёвку. Завтра день апостола Андрея Первозванного, мы утром должны поехать в деревню Есауловку к отцу Иоанну — он будет служить Литургию. Так что необходимо было ещё подготовиться ко Причастию.

Четвёртый день в Новороссии. Отъезд

Утром, вычитав положенные молитвы, едем в Есауловку в храм, где служит отец Иоанн, друг отца Алексея. Саму деревню толком не рассмотрели, просто приехали затемно, а храм недалеко от выезда, так что после службы заезжать в деревню было уже не с руки. Храм достаточно большой, чисто прибранный. Все в этой церкви не новички, приход явно давний, сплочённый, смотрят на нас приветливо и с интересом. Отец Иоанн служит тихо, неспешно, с благоговением совершает Литургию. А храме все молятся, нет людей посторонних или малоцерковных, все «свои».

Очень понравился клирос, сестры поют профессионально очень красивыми голосами, в то же время не громко и очень молитвенно. Ну прямо будто в Шамординскую обитель попал. Помолились, причастились Христовых Тайн и в дорогу. Немного поговорили с отцом Иоанном, те же самые проблемы, та же беда война. Он настоятель храма, тоже супруга и двое детей, человек открытый, простой в общении, выглядит очень смиренно, прямо по-монашески. До него был настоятелем всеми любимый старец. Отец Иоанн подарил нам каравай хлеба в дорогу и сказал несколько простых слов:

– Благодарим за участие и солидарность, жалко расставаться, ну что ж... Ангела хранителя вам в дорогу, езжайте с Богом к себе, а мы останемся воевать, и будем со своими прихожанами делить все трудности войны.

Последние слова приведены дословно, они попали болью прямо в сердце. С таким смятением в душе от простых и искренних слов сельского священника военного времени мы двинулись в «Август». Сегодня день нашего отъезда из Новороссии.

В «Августе» своё течение военной жизни. Внизу, на первом этаже, – вооружённая охрана – караул, вверху, в холле, – шеренга солдат, там развод, военные спешат по делам вверх и вниз по лестнице. Возле кабинета «Бати» ожидают несколько человек, периодически заносит документы девушка с пистолетом под мышкой. Однако неотъемлемой частью жизни батальона является и молельная комната. В одном из кабинетов здания устроена нормальная походная часовня. Здесь молятся, это очевидно. Аккуратно и бережно расставлены иконочки, удобно под рукой лежат тексты молитв. Конечно, в центре икона Матери Божией «Августовская». Помолились. Вообще, надо сказать, что очень легко молится в Новороссии, подобная повсеместно благодатная молитвенность мною была прочувствована, может быть, только на Афоне, а так – лишь вблизи некоторых старцев-молитвенников.

Нас приглашают к комбату. Мы прощаемся, благодарим за такой радушный приём. Разговор снова возвращается к «Августовской» иконе Богородицы, любят здесь этот Образ. Жмём друг другу руки и трогаемся в обратный путь. Вот и эти прекрасные люди остаются воевать и делить все трудности войны со своим народом. Нашим народом. Эти мысли будут с нами теперь всегда. Обратная дорога – это уже знакомая военная дорога: разрушенный мост, пара сгоревших танков, в одном возятся военные, вытаскивают какие-то запчасти, машины то с казаками, то с ополченцами. Пустынnyй ландшафт зимнего Юга, да кое-где выпирают огромные терриконы угольных шахт.

Дорога пролегает через Новосветловку. По приезду мы проезжали её в темноте и толком не рассмотрели. Новосветловка была почти полностью разрушена при захвате её нацгвардией. Подъезжаем к прекрасному храму. Он пострадал, но не разрушен. Несколько попаданий пробили дыры в стенах и куполе, побиты осколками росписи внутри церкви. Возле хра-

ма работают двое пожилых мужчин, вовсю идёт ремонт. Подошла женщина. Зовут Анна. Она с этого прихода и находится при храме почти постоянно. Здороваемся.

– Христос посреди нас, матушка.

– И есть, и будет. Откуда, отцы?

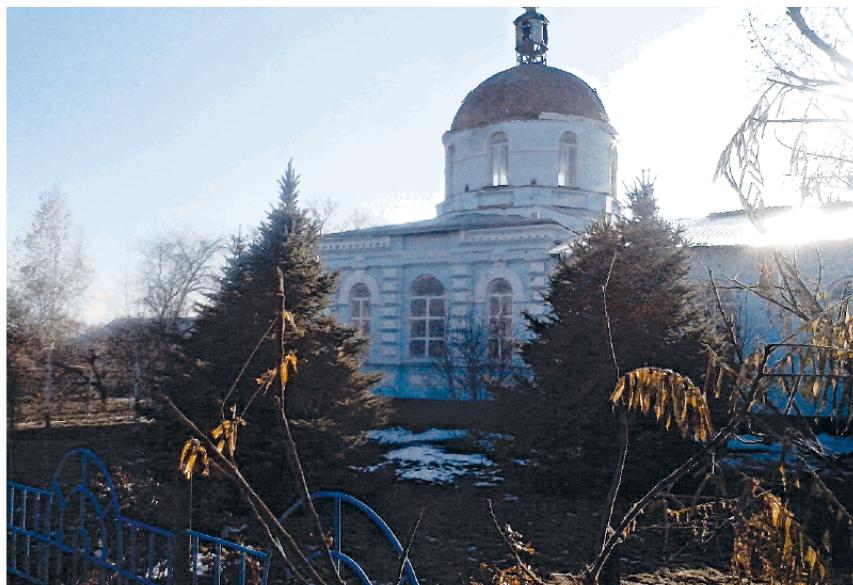
– Сторожно. Тихвинская епархия. Санкт-Петербургская митрополия. Да храм у вас мученик. Покажешь?

– Конечно. Идём. Тут все мученики, все претерпели.

Заходим в храм, и первое ощущение – это буквально со всех сторон изливающаяся, лёгкая, как пух, благодать.

– К нам все, когда заходят, первое что говорят – у вас в церкви чувствуешь себя, как на крыльях...

Да, здесь все были мучениками. Новосветловку нацигвардия бомбила «по-чёрному» и без передышки, в домашних подгребах прятаться было бессмысленно, самое безопасное место было в подвале этого храма. Мать Анна рассказывает, по её лицу катятся крупные, с горошину, слёзы. Рядом стоят ещё несколько человек, очевидцев всего.

– Господи, что мы пережили. Всё грохочет, трясётся, во-круг раненые, на улицах убитые, только высунешься из подвала – и снова бомбят. Никогда не думали, что выживем. Рвутся снаряды, летят осколки, в подвале голодные, измотанные этим кошмаром люди, перепуганные насмерть ребятишки, прямо здесь в подвале рожала женщина во время бомбёжки. Господи, какой ужас.

18 дней бомбили Новосветловку, долбили из всех видов оружия, после чего она была занята «укроповским» подразделением нацгвардии «Азов». «Азов» располагался непосредственно в храме, здесь спали, здесь ели, что нужно, брали, везде лазили, включая Святой Алтарь, что само по себе является осквернением святыни. И Анна говорит:

– Слава Богу, они нас не насиловали и не оскверняли алтари, а иногда давали продукты голодающим.

Нужно сказать, что всегда давали продукты питания совершенно беззащитным и страдающим от голода людям все захватчики, если имели надежду на то, что после захвата воспользуются захваченными территориями. Делились продуктами с местными жителями и немцы, и французы, и монголы. Однако, первое, за что благодарила Бога мать Анна, – это за то, что эти захватчики не насиловали их, совершенно ошелевших после 18-дневной бомбёжки. Это не просто так было сказано. Рядом в деревне Хрящевка стоял батальон «Айдар», там эти существа создали ад, «айдаровцы» насиловали девочек и мальчишек. Очевидцы рассказывают, как воины Ляшко («Айдар» – это его батальон) оскверняли Святые Алтари в захваченных ими храмах. Стыдно описывать их «деяния», но, вне всякого сомнения, что это прямая, откровенная форма сатанизма.

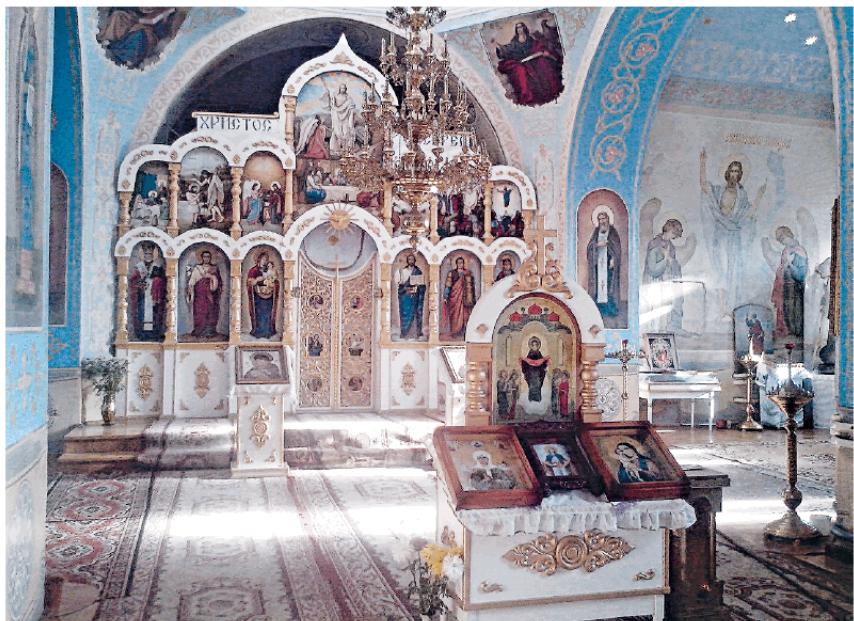
18 дней бомбили Новосветловку, и по лицам людей сознать, что никогда не сможешь прочувствовать то, что пережили это русские люди. Анна всё плачет:

– Господи, что мы пережили. А сейчас бомбят Светлый Луч – бедные люди, как же им плохо.

В голосе такая доля сострадания, что стыдно стоять рядом человеку, не испытавшему такое, не могущему понять всю тяжесть мучений, выпавших на долю людей, переживающих кошмар бомбёжки прямо сейчас. И тем более сострадающих тем людям, которые уже прошли через эти круги ада и отчётливо понимающих то, что этим ад не закончился, что возможно повторение всего, но возможно и худшее, ещё не испытанное и именно этим особенно пугающее.

Обратная дорога продолжалась. Была таможня, был переход через границу на мирную территорию. Была встреча с близкими казаками. Мы обменивались приветствиями, какими-то словами, что-то ели и снова беседовали... А перед внутренним взором стояли эти люди, крупные слёзы, как огромные градины, катятся по их щекам, звучат слова Анны и других встреченных нами людей.

Знаете, самое трудное? Не остаться в Новороссии с этими людьми, не разделить на всегда свою судьбу с ними. Если есть зло (а оно есть) и если нам должно с ним бороться (а нам должно), то это как раз то место, где это нужно сделать. И уезжая оттуда, оставляя там всех этих красивых людей на растерзание непонятно кому, начинаешь чувствовать себя предателем, предателем всего доброго, что есть в людях. И невозможно опровергнуть в себе это чувство. Просто твои глаза, уши, сама душа твоя обличат тебя, если ты был там. Твоя совесть говорит тебе: «Ты должен вернуться и помочь своим соотечественникам – или ты не русский человек». Остальным лучше не ехать, не касаться «чужого» горя и не знать того, о чём пишет сейчас грешный монах.

ПУТЬ К МИЛОСЕРДИЮ

Сборы

На этот раз в дорогу нас толкнуло самое что ни на есть чувство долга. Зима. Январь, перед Крещением. На Донбассе тяжело, и ко всем проблемам там начались бои почти по всем фронтам.

– Ну что будем делать, отец? Я тут чуть подсобрал гуманитарки...

Это наш казак.

– Да, честно говоря, не знаю. Послушай, Тарас, не можем мы бросить всё, выйти из монастырей, а на церкви повесить замки. Естественно, мы непутёвые, но всё ж таки монахи. Мы же дали обеты.

– Отец, там люди голодают, стрельба вон началась направо и налево...

– Да не говори... Опять войны. Конечно, я понимаю, что уж если ехать – то ехать сейчас. Тут надо подумать. Давай так: сразу после Богоявления – служба в Сторожне, служить будет игумен, вот я у него благословение испрошу, и поедем. Иначе всё равно никак не получится.

– А если не пустит?

– На всё Воля Божия, но наш должен пустить, всё же там у людей горе.

– Добро.

Не долго, честно говоря, нас уговаривали.

Крещение в Сторожне. Морозец, удивительной красоты погода, тихая служба в небольшом храме, на клиросе знаменное одноголосье. Спокойно, радостно, молитвенно. После при-

частия Великое освящение воды, несколько человек купались, одного из белорусских гостей крестили полным погружением, невзирая на двадцатиградусный мороз. Затем Крестный ход и праздничная трапеза.

Каждый раз удивления достойно, как наша небольшая братия умудряется наконец готовить на всех гостей и приготовить, при том, всё вкусно. В общем, после двух-трёх поздравлений говорим с игуменом о поездке, он всё знает и всё понимает.

– Давайте, отцы, Бог благословит, никуда не денешься, помочь людям мы должны, храни вас Господь.

Всё, благословение получено, быстро собираемся и на следующий день с утра – в путь. Заезжаем к игумену на подворье.

– Батюшка, собираем, у кого можем, а у вас нам и просить как-то стыдно (было бы стыдно, так и не просили бы), но может быть?..

Однако игумен, распрямившись, со словами «Хоть мы и в рваных штанах, а Донбассу в беде поможем» выложил, что смог, и мы двинулись в Питер. Там нас ждали наши близкие (кто и всегда – родители, бабушка и дядя моей крестницы), тоже собрав деньги со всей семьи. Это обычно основные наши средства. Кроме этого, казак наш собрал в храме святой Ольги пожертвования, заполнив у отца Александра полтрапезной. Всё сгрузили, получили благословение отца Александра, так же он попросит молитв батюшки Иоанна (Миронова) (хотя старца просить не надо, он всегда знает, что у нас происходит и молится за нас). После всего этого едем в милую сердцу Вырицу к нашим, тоже давно ставшим родными, отцам Кириллу и Мефодию, без них мы такие дела не делаем. Короче говоря, собирали помочь на Донбасс с теми же, с кем и всегда. Вот за что я люблю своих близких, так это за их постоянство в добре, неизменную устремлённость к любой добродетели. Основными духовными двигателями были наши вырицкие отцы, а духовная сердцевина всего – старец отец Иоанн.

В общем, всё было почти как всегда, но почти. Загружали мы тот же микроавтобус из Вырицы, да из Сторожны «УАЗик» с многострадальной «Газелькой» – и загрузили «по полной». Оставались некоторые финансовые неясности относительно дороги. Но рано утром звонит наш сосед из Сторожны. (Он никогда так рано не звонил, работает человек в какой-то серьёзной «конторе» и времени на пустые разговоры не имеет.)

– Да, доброе утро, рады слышать, как дела?

– Слава Богу, просто вот хотел узнать, как дела у нас в деревне, в монастыре?..

Это в полвосьмого-то утра. Уже интересно.

– Мы не в монастыре сейчас, а в Питере, помощь на Донбасс собираем.

– Когда выезд?

– Послезавтра утром, если Господь будет к нам милостив.

– Слушай, отец, – подъехал бы к моей работе на пару слов?
На пару – это немного.

– Хорошо, говори куда, завтра днём постараемся.

Сосед наш, надо сказать, имеет постоянное попечение о нашем монастыре и ещё о некоторых обителях. Дела таких немногих много дурного в мире истребляют. Ну, подъезжаем на другой день к нему. Тот не сразу выходит, но скорым шагом, аккуратный, подтянутый, в общем, вид самый офицерский. Приветствует. И, сверкнув на солнце подполковничими погонами, буквально повторяет мои слова.

– Конечно, отцы, если ехать, то ехать сейчас. Я тут пока выходил, собрал по отделам, что мог, – держите.

Даже на первый взгляд было понятно, что, во-первых, выходил он дальней дорогой, а во-вторых, что сегодня в «конторе» кое-кому вечером не на что будет заправиться. Ответственный человек наш сосед. Таким образом, все наши финансовые сомнения были устраниены, и даже кое-что осталось на «всякий пожарный». Слава Богу. И раз уж оказались в центре Петера – звоним в редакцию отцу Александру.

– Да, слушаю.

Добрый тихий голос батюшки.

– Батюшка, дорогой, мы в Донбасс едем, помните, вы хотели книжек на приходы передать? Так, может, передадите немного?

Тот тихо-скромно:

– Помню. Немного можно передать. А когда будете? Сегодня? Хорошо.

Ещё более скромно и тихо:

– А сколько вы возьмёте? Тонну, две, три?..

– Да нет, ну какую тонну, батюшка? У нас всё забито, килограмм 100-200, больше просто некуда.

– А что так мало? Ну ладно, приготовим, подъезжайте.

Едем на Кирилловскую, там нас ждут 10 полных коробок из-под бананов, заполненных прекрасными книгами. Батюшка сетует, что мало, и так же смиренно, как говорит, протягивает финансовую помощь, отказаться невозможно, однако с деньгами соседа наш «всякий пожарный» превышал всё же меру всякой пожарности, так что вполне можно было ещё одну «Газель» загрузить. Время позднее, однако, звоню нашему казаку:

– Здорово ночевали, казак.

– Слава Богу, отец, рад слышать.

– Слушай, а вот интересно – сколько стоит взять в аренду на несколько дней «Газель»?

Мгновенно всё понял наш казак и всю свою фонтанирующую энергию вложил в это дело. То есть не дал спать часов до двух ночи ни мне, ни своим близким, ни людям, неосторожно выставившим к этому времени объявления об аренде машин. А в половине седьмого утра разбудил меня телефонным звонком:

– Всё, нашёл машину сразу с водителем, договорился туда и обратно, машина крытая берёт пять тонн.

– Подожди, подожди, Тарас! Какие пять тонн? Мы же договаривались «Газельку» тонны на полторы-две? Я уже и так всех своих родных и близких ограбил...

– Я ещё не всех. Давай прикинем, что имеем.

Прикинули.

– Остальное (остального тонны на три-четыре) я найду, останется дорога и аренда машины.

– Хорошо. Это мы постараемся решить.

– Добро, отче. С Богом.

– С Богом.

Это был уже объединённый многими людьми гуманитарный груз. Многие, самые противоположные люди, независимо друг от друга, были в этой точке объединены в деле добра и были бы удивлены, узнав, что делают это совместно. Основная база, естественно, – Вырица, туда всё свозили, загружали, все сборы там. Конечно, наши вырицкие отцы, как всегда, разделили с нами расходы, и все затруднения были преодолены.

Дорога. День первый

Утром в день выезда – обязательный молебен. Потом окропили Крещенской водой машины и нас с братией, после чего обняли, благословили, и мы тронулись в путь. Вначале – мы в «Газельке» с вырицким микроавтобусом, потому что нам предстояло догружаться в Новгороде (там делали хорошие скидки), а наш казак загружал пятитонку на складе у братьев-грузин: те тоже жертвовали, что могли. Тата – название четвёртой машины-пятитонки, водителя звали Игорь. Они в паре с нашим послушником водителем «УАЗика» должны будут догнать нас где-то на трассе вечером. Замедляло, конечно, всё это наш отъезд, но что же делать? Господьставил нас в такие обстоятельства, которым мы не могли противиться.

Загрузившись в Новгороде, мы только к вечеру смогли добраться до Валдая и там дождались «УАЗика» с Татой. Всё пока в допустимых пределах. Едем в шестером – мы с двумя

послушниками, брат из Вырицы, водитель Таты и человек с позывным «Вар» (он из Антрацита, находился в Питере, пока было перемирие, теперь возвращается). Время, правда, потерянно, и, похоже, загрипповал наш послушник с «УАЗика». И ещё у всех тревожило сердце. Нет, в этой поездке нами двигали совершенно другие чувства. Основное – тревога за людей. Господи, как они там?

Глядя в телевизор, видя и слыша всё, тем не менее, мы не проникаемся происходящим. Наблюдая за событиями на экране, мы видим горе и слёзы людей как бы за барьером экрана. Того экрана, за которым мы видим сказки, фантастику, розыгрыши, самого различного рода вымысел, включая прямую откровенную ложь. Мы привыкли к этому. За время существования кино и телевидения мы, всё больше и больше этим телевидением пользуясь, одновременно, тем не менее, утверждались и, наконец, твёрдо внутренне утвердились в том, что там – мир вымысла, мир реально несуществующего, того, чему верить нельзя. И самое ужасное то, что нам от этого стало легче.

Это произошло не сразу и не по нашей только бесчувственности. Просто когда годами внимашь голубому экрану, скажем, во время передачи новостей, различных политических реалий, программ партий и прочего, точно зная, что это говорится от лица людей самых официальных, напрямую от правительства, однако потом узнаёшь, что это была прямая, заведомая ложь, а следующее поколение (в реальности намного раньше) выясняет, что и следующая информация оказалась ложной, либо полуправдой, что в любом случае есть лукавство – и так неизменно и без конца, из года в год, из поколения в поколение – в таком случае против воли, на уровне подсознания (просто срабатывает инстинкт сохранения разума) перестаёшь верить тому, что там говорится и показывается, как беспросветному лжецу, о котором ты точно знаешь, что он просто не может сказать правду, не способен.

И вот когда говорят и показывают из телевизора о настоящем горе, мы, тем не менее, видя и слыша это из источника за-ведомых фантазий, конечно, не способны вполне воспринять, тем более проникнуться происходящим. Наше недоверие к источнику в целом невольно распространяется и на всё, что из этого источника исходит. Это всеобщий духовный капкан, в который попалось всё человечество, и очень возможно, что последствия этого непредсказуемы. Однако оставим в стороне этот капкан, вместе с последствиями, всё это касается отношения к информации, полученной из эфира (очень точное слово). Совсем другое дело реальность. Когда ты оказываешься в зоне бедствия среди «живых» людей, слышишь их плачь, видишь слёзы, за которыми из их глаз кричит беда, тогда начинает говорить сердце.

Да, нас сделали бесчувственными, но сделать нас бессердечными ни под силу никому. Никому, если мы с Богом. Только тогда, когда мы с Богом, зло бессильно. И как содержание телепередач, независимо от качества этого содержания, наше сознание со временем научилось удалять из памяти, так, в противоположность этому, виденное и слышанное в реальности застrevает навсегда в сердце, беспрестанно тревожа совесть, которая начинает требовательно и бескомпромиссно руководить нашими поступками. И это Милость Божия к нам, людям.

Подобными мыслями и побуждениями мы, грешники, ведомы были на этот раз. Теперь мы не просто молились об Украине, как вся наша Церковь, но о конкретных людях, которые нас ждали, на нас надеялись, ради которых мы спешили, не взирая на тревожные сводки из зоны военных действий. Все наши чаяния были там, и во всём этом не было одного – не было политики. Честно, нам было всё равно, кто из правителей насколько прав (очень возможно, что никто), да Господь с ними, нас вело сострадание (громковато сказано, но не могу

найти другого слова). Однако закончился первый день нашей поездки, мы вовремя легли спать, а всё вышесказанное провожало нас в сон и встретило по пробуждении.

Дорога. День второй

С утра не едет «Газель», – слава Богу, началось, – дорога всё же. Не то чтобы совсем не едет, а как-то коварно, со скоростью не более 10-15 км: педаль газа, стоит чуть придавить, сразу сбрасывает газ и всё. Среди нас пятеро водителей, а Игорь с Таты ещё и профессиональный механик. Возились, возились все эти водители и механики, однако не идёт «Газель» быстрее 10-15 км и всё тут. Общий совет автомобильных «старцев» после долгих дебатов вынес сакральное решение: машине надо прочихаться, и она «рано или поздно» поедет. Хорошая фраза – «рано или поздно», хотя «прочихаться» не лучше. Но трогаемся и часа три ползём со скоростью тяжелобольной мухи. Однако «Газелька» наша эти пару-тройку часов почихала, почихала да и действительно поехала. Был при этом и сакральный момент. Мы вычитывали дневное правило, и как только начали молиться прп. Киприану Стороженскому, ну просто в самой середине молитвы, словно что-то в машине подтянулось, и она заработала нормально, будто ни в чём ни бывало. Вот всегда откликается прп. Киприан Стороженский, нам-то, казалось бы, пора привыкнуть, но нет – всегда радостно, как в первый раз.

Дальше дорога без перебоя до вечера. Кофе, чётки, обед, чётки, заправка, кофе, чётки. Постоянно меняющаяся за окном панорама, всё более тревожные новости из телевизора на заправках. Да разговоры по телефону с близкими – о том же. Да теперь мы едем к знакомым на Донбасс, болит за них душа у каждого из нас, каждая задержка отдаётся тревогой в сердце.

Мы тянемся, как малохольные, а там беда, и нас ждут люди. Тем не менее, к вечеру мы умудрились свернуть на Серпухов вместо Каширы, в результате двигались через Тулу и, потеряв много времени, только после 23 часов выехали на Ростовскую трассу М4 и к полуночи тормознули в первом придорожном отеле.

Одним из утешений этой дороги были ГАИшники. В прошлый раз, например, нас останавливали редко, один раз долго очень держали, придавшись к кузову, ну а в других случаях отпускали легко, но документы на груз и прочее проверяли достаточно тщательно. Теперь же все знали, что на Донбассе начались новые военные действия, и все до одного, включая гаишников, сочувствовали людям Новороссии. Было просто радостно смотреть, когда серьёзный внешне сотрудник ГАИ, с крайней строгостью и солидность остановив нашу Тату, начинал обычное:

– Откуда, что везёте?..

А когда я подбегал со словами:

– Это гуманитарка в Новороссию, – все, как один, мгновенно отвечали:

– Проезжайте!

При этом, ни один не успевал проверить все документы, просто сразу их сворачивал и отдавал, как бы не желая задерживать нас в этом деле ни на минуту. Один случай был просто трогательный. Нас остановили, а я выскочил раньше водителя, и «Проезжайте!» прозвучало до того, когда последний успел вытащить документы и как-то просительно обратился к гаишнику:

– А документы-то посмотрите?

На что тот отвечает:

– Да не надо, просто скажи – они у тебя есть?

Водитель утвердительно мотнул головой, дескать, есть.

– Всё, давайте езжайте, – демонстративно отворачиваясь, отмахнулся от нас строгий работник службы автоГИспекции.

Как-то по-другому я стал относиться к этой всеми осуждаемой службе. Показал Господь, что в беде во всех людях просыпается солидарность, как и другие хорошие качества.

День окончили обычным для такой дороги образом. Самое неприятное в этот день то, что разболелся всерьёз наш послушник Дионисий – водитель «УАЗика» и с температурой «слёг» в «Газели» (там двойное место). За руль посадили «Вара». К вечеру нашему больному, невзирая на современнейший антигриппин, хуже и хуже, двойная доза противовирусного препарата на ночь не вселяет надежды на выздоровление, не хочется оставлять его на гранище, он и выехал больным, надеясь в пути выздороветь и быть полезным. Эти невесёлые мысли мешают молиться на ночь, но заснул, по-моему, раньше, чем закончил читать вечерние молитвы. Дорога – что тут поделаешь? Прости, Господи.

Дорога. День третий

Вскочили затемно, кратко прочли утренние молитвы и выехали, как всегда, после сумасшедшей дозы кофе. Больному полегчало. Однако на Тате лопнула рессора, но ничего, поехали. Перед первой же заправкой на грузовике к рессоре прибавилось пробитое колесо, запаска есть, но если поднимать домкратом – доломаем рессору, а где ближайшая шиномонтажка никто не знает. Хотя сзади двойные колёса, однако грузовик гружен до предела, опасно ехать, но делать нечего – потянулись потихоньку где-то км 40, не больше. Опять потихоньку. Да, как-то Господь нас испытывает, и слава Богу.

Звонит человек из нашего «Августа», голос «убитый»:

– Отец, у наших потерпевших много, есть 200-ые, много 300-х. Там НАТОвцы стоят против наших. Помнишь замполита, ну с бородой который? Им мина в машину угодила, и его осколками поseklo, в больнице лежит, чудом жив остался.

«Помнишь?». Помню замполита. Это Петрович. Он старовер, один из тех, к кому в «Августе» у меня самые братские чувства. «Чудом жив остался». Это уж точно, Петрович молится, уж это мне известно... Да «Август» – это наши, именно они нас встречали и везде сопровождали прошлый раз, и именно они должны ждать нас на границе и сопровождать по Донбассу теперь. «Август» – это прямо по нам. Что там точно, пока не узнать.

Двигаемся дальше. Наконец, находим шиномонтажку. В общей сложности стоим до двух часов дня, все «на нервах». В первый раз сообщения с боевых такие тревожные.

– Отче, давай дальше до упора – едем без обеда.

Это братия подходят, значит, сделали наконец-то Тату и едем. Вообще-то у нас и так по дорожному уставу завтрак сразу после утренних молитв, а обед – по темноте, чтобы светлое время суток было на дорогу.

– Хорошо, не останавливаемся, пока не дотянем до границы.

Ну что ж, посмотрим, как Господь благословит, до границы 700 км. Дорога, дорога, пасмурно, моросящие, туманно, руки сами тянутся к чёткам. Все молчаливы, сосредоточены, у всех одно на уме: «Как там?». Время от времени звоним, отвечают скучно – все на боевых, везде бои, везде потери, наши держатся. Помоги им, Господи. Скорей бы граница, на границе нас ждут удивительные по теплоте и искренности люди – Валерий Михайлович и его супруга Надежда. Они казаки. Это взрослые люди, и в них вполне сохранилась та чистота казачества, та честность, искренность, простота, гостеприимство и доброжелательность, какие были у моих предков – сибирских казаков, наших отцов и дедов, которых я хорошо и живо помню, бесконечно люблю, и узнаю сразу этот дух казачества и ни с чем его не перепутаю. К таким людям всегда будет тянуть.

Через пару часов звонок из Новороссии. Оказывается, прошлой ночью накрыли градами наш «Август». Господи помилуй, так вот откуда потери. Каким-то образом наш танковый корпус оказался без прикрытия и понёс большие потери. Однако общий итог всех военных действий – армия Новороссии загнала под Дебальцево в окружение крупные военные подразделения армии Киева, выход из котла остался один, и там с этого времени основные бои. Информация пока сырая, выясним всё позже. Не знаешь радоваться или грустить в этой гражданской войне. Надо спешить, быстро пьём кофе, заправляемся и едем, как можем, быстро. Чем, кажется, можем мы помочь всем? Однако, на уме у всех одно – там беда у наших, надо спешить, хоть что-то сделать, просто побывать рядом во время бедствия, просто хоть как-то разделить трудность этой страшной войны, хоть на короткое время.

Правительство Украины снова начало наступление. Зачем? Понадеялись на НАТОвские войска? Но никогда американцы не могли воевать, никогда у них не будет хорошей армии, для этого нужна, если хотите, древняя воинская культура, опыт отстаивать родную землю – чувство, пока неведомое американцам и живущее в нас, во всех поколениях множестве веков. Мы – Русские, а не индейцы, которых вначале перессорили между собой, потом перебили и загнали в резервации. Мы Русские растеряли наивность ещё до того, когда нас называли Скифами более трёх тысяч лет назад, и уже Скифов победить не могли. И вся история наша – эта история борьбы за свою Родину. История побед в этих войнах. И ещё мы не знаем что такое «легко».

Поздно ночью добираемся до Донецка Ростовского. Нас там ждали до поздней ночи наши казаки – Михалыч и Надежда. Рады, встречают, обдают теплом, кормят, укладывают спать. Заставляем послушника-водителя «УАЗика» измерить температуру – 38,5. Это было заметно, выглядел он крайне болезненно и очевидно, что сидеть за рулём в предстоящих событиях этот

брат будет точно не в состоянии. Кем заменить, когда документы на машину оформлены на него? Тем не менее, в таком состоянии его придётся оставить на границе у Михалыча, который с невозмутимой готовностью встречает такую новость.

– Конечно, оставляйте, присмотрим.

Только тот, кто знает Михалыча, то, каким тоном он говорит подобное, сейчас улыбнётся, вполне оценив эти простые слова в устах казака. Все молимся, спим.

Донбасс. День первый. Таможня

С утра, помолившись, сразу выезжаем на таможню (ну естественно, что без завтрака, не отличающегося от обеда, нас из дома не выпустили). Едем тремя машинами, Тату оставляем во дворе у хозяев. На границе всё строже, чем в прошлый раз – очереди, погранцы, камуфляж, автоматы, все напряжены. Общее движение гораздо медленней – народа и машин намного больше, а погранцов и таможенников (они не отличаются по виду, все в камуфляже и вооружены) похоже меньше, чем во время перемирия.

– А чего вас так мало, при таком-то скоплении?

– Все на боевых.

Слова эти бросили коротко, не прерывая работы, прозвучало, как само собой разумеющееся для всех.

Да, отдалённую канонаду слышно даже здесь, слышатся как отдельные взрывы, такие отдалённые буханья, так и общий глухой прерывистый шум дальней бомбёжки. Никто на это не обращает внимания, это часть жизни местных людей – это война. Ждём часов до двух дня, пока пропустят встречающего нас бойца из «Августа». Наконец, его пропустили. Это наш «старый» друг Толя. Он нас сопровождал прошлый раз и оставил в нас добрые братские чувства.

– Толян, дорогой, здорово!

Улыбка Толи:

– Здорово, отцы.

Все обнимают Толика, лица светятся. Однако выясняется, что грузовики «протащить» через границу не получится, в лучшем случае микроавтобус, а так только легковые, причём, невзирая на сопровождение, тщательный досмотр, то есть наш переход через границу одним днём не ограничится никак.

– Наши вокруг Дебальцево загнали нациков в котёл и перекрывают выход, те пытаются прорваться, где возможно, кроме этого уже вылавливали диверсионные укроповские группы в разных местах, поэтому проверки везде по границе, как людей, так и грузов.

Кроме всего, для грузовиков нужны специальные документы, которых у нас, естественно, нет. Делать нечего, мы выгрузили из «Газели» всё, что вошло в микроавтобус Анатолия и тронулись к таможне на трёх машинах: кроме машины из «Августа» ещё наш «УАЗик» и микроавтобус из Вырицы. Перед таможней тоже нужно ждать, не в общей, конечно, очереди, мимо неё нас Толик провёл со своими документами, однако на таможне стоим, проверяют всех, и мы не одни. Тут же выясняется, что «УАЗ» пройти не сможет, так как через границу за рулём может проехать только тот человек, на которого конкретно выписана доверенность. Доверенность выписана на болящего брата, а тот в «лётке». Хорошенькое дело. Как быть? Вызываем больного. Его с температурой Михалыч везёт на границу, чтобы перевезти «УАЗик» и вернуться пешком через пост, а на стороне Новороссии за руль сядет наш трудник с «Газели», которая осталась на российской стороне.

Толя, тем временем, рассказывает, что произошло с «Августом».

– Расстреляли, как в тире, просто ПГУРСами из окопов, больше половины танков и бэтээров несколько, семь танковых экипажей сгорело заживо с машинами, молодые мальчишки... Должна была пехота поддержать и не вышла вовремя на позиции, даже говорить не хочется.

Господи, помилуй, как же так? А вот так. Танки без поддержки пехоты в наше время очень уязвимы, ну просто мишени, при том, что сами по себе очень хорошие машины для войны. Наши танкисты из батальона «Август» вышли на позиции, рассчитывая взаимодействовать со штурмовыми силами пехоты, а последние на позиции не вывел очень известный в интернете командир. В результате трагедия.

Не будем касаться тех наверняка очень уважительных причин, по которым пехота не вышла на позиции (она не выходила трое суток), не обеспечив прикрытия танкового корпуса, и того, почему комбат (его сняли) не отвёл танки (уж, наверное, было поздно), важно другое. Среди того кошмарса, который происходил на поле боя, молодой парень направил свой горящий танк в окопы противника, из которых расстреливали его батальон, ворвался в эти окопы, под огнём передавил там всех, в это время его машину добили из птурса, он раненный выбрался из танка, собрал планшеты с укроповских офицеров в окопах и три дня еле живой полз до своих. И дополз и всё передал. Его имя, по-моему, Алексей. Тут, что называется, комментарии излишни.

А вообще бои идут по всем фронтам, особенно жарко вокруг Дебальцево, где укропы попали в котёл, лютуют, но вырваться не могут, наши воюют лучше, и котёл скоро захлопнется. Примерно так заканчивает свой рассказ наш сопровождающий.

К этому времени подоспал наш больной брат. Выглядел он, как раненый: бледный, с температурой, чуть покачивается и при этом улыбается. Он спокойно и с готовностью принимает наш план. Конечно, он понимает, что на обратном пути к нему пограничники будут иметь ряд вопросов, так что обрат-

ный переход лёгким не будет точно, однако он доволен своим участием в этом деле. Этих пограничников ожидает удивление, наш брат врать не умеет и скажет им всё как есть, и, как потом выяснится, продержат его порядочно, до Михалыча он доберётся уже потемку, а ночью его на «скорой» увезут в больницу, где он и будет до самого отъезда.

Но это будет после и будет по другую сторону границы, а пока нас начинают досматривать таможенники, не особо, надо сказать, придираются: вид людей в монашеской одежде делает многих добрее. Потом снова ждём, затем досматривают погранцы, – и мы на стороне Луганской области. Дальше мы со своим сопровождающим без задержки проезжаем таможню и погранцов Новороссии, ну а там уже Анатолий забрал своё оружие, разгрузку, вооружился и стал таким же, как все окружающие нас люди. Болящий послушник меняется местами с водителем «Газели» и возвращается пешком обратно на границу. Уже темнеет, минуем длиннюю очередь машин со стороны Новороссии (люди стоят по 12 часов) и едем по Изварино. Наконец-то мы здесь.

Вначале в «Август». Там неожиданно пусто, начкар и ещё несколько человек на карауле.

– Слушай, а где все?

Удивление на лице начальника караула:

– Как где? Все на боевых.

На лицах ребят не то что бы тревога, но как бы огорчение, смешанное с неопределенностью. Комбата сняли, замещает его один из замов, который тоже где-то на боевых. Обращаюсь к начкару:

– Добрый вечер. Ну как вы здесь? Держитесь? Трудно?

Тот узнаёт:

– Здрассте, батюшка. Да держимся, трудно, вы же слышали, как наших накрыли, ребят жалко. А теперь выбить оттуда нациков целая проблема, они ж настроили укреплений за время этого перемирия, вот и колотимся.

Толя в это время собрал бойцов, и те быстро стали разгружать гуманитарку прямо в кабинет комбата. Поздно, и нам ещё ехать больше часа до отца Алексея. Опять мы приезжаем ночью, неудобно: там ребятишки, матушку опять беспокоить. Но с этим священником бесполезно спорить, он ничего не хочет слышать, ждут. Едем. В отдалении, но везде вокруг непрерывно слышатся взрывы, бомбёжка, причём время-то позднее. Да, в военное время здесь всё по-другому. Блокпосты все как бы ощетинились, строгие настороженные глаза за резким лучом фонарика и дулом автомата, но с нами вооружённое сопровождение, проверяют документы, пропускают. Подъезжаем к дому священника часа в два ночи, батюшка ждёт на улице. Ну, слава Богу, добрались.

Хозяева рады, стол накрыт, нам постелили, как и в прошлый раз, в большой общей комнате – «заледетской спальне». Матушка с малым в ванной. Господи, помилуй, опять двадцать пять: нет возможности уговорить отпустить нас куда-нибудь переночевать, мы на самом деле прекрасно высыпаемся в машинах. Спорить бесполезно, матушка с самым честным видом доказывает, что вообще любит спать с маленьkim в ванной, там, дескать, тепло, хорошо, спокойно, вроде отдельной комнаты. Они искренни, это решает вопрос, а потом мы были на правах друзей, которых ждали и готовились к встрече, наш более усердный отказ мог обидеть этих добрых людей. Ко всему этому с нами из «солидарности» оставался ночевать наш друг «Вар», они с отцом Алексеем дружат с раннего детства. И ещё мы очень устали за этот день, шёл третий час ночи, и хотя была очень вкусная трапеза («Ешьте, ешьте, ничего не знаю – матушка старалась»), была беседа, в голове же однородно стучало: «Спать, спать, спать».

Донбасс. День второй

С утра, сразу после утренних молитв и скорого чая, вступаем в длительные телефонные разговоры, переговоры, договоры о возможности переправить пятитонник. Наконец, нам пообещали его переправить одновременно из двух источников, но оба обещали «коридор» после 20 часов вечера. Едем в середине дня на двух машинах, с нами Анатолий и машина отцов из Вырицы. Стороженский «УАЗик» оставили за ненадобностью, так как оставшееся в «Газельке» со вчерашнего дня входило к Анатолию на «Август». «Ной» же взяли на подстраховку, и тот оставляем на стороне Новороссии с оружием Толи и нашим трудником. А Тату же – пятитонничек Игорька – должны перевезти «точно».

Конечно, по дороге пробили на ухабах колесо на машине «Августа» так, что корд вылез, благо запаска нашлась, шиномонтажек-то поблизости не наблюдалось. Пока переправились через границу, потом перегрузили всё из «Газели», время подошло к 20-ти часам. Спокойно едем к таможне, вопрос о переезде через границу решён, Тата там стоит с утра. Первое, что выясняем, – это то, что все договорённости по поводу переезда границы «не стопроцентны». Снова звоним всем, кто гарантировал точный переезд, однако все как один гарантировать перестали. За секунду до того, как «справедливая» волна возмущения подкатила к горлу, тихо и спокойно заговорила совесть: «Это зона военных действий, территория людского бедствия, и мы не имеем даже морального права претендовать на какие бы то ни было гарантии, на войне нет гарантий, ни для кого».

Мгновенно этим успокоившись, не пытаясь больше перетащить Тату целиком, ищем легковые машины для перегрузки и находим. Это друг отца Алексея, тоже Алексей (мне как-то по жизни везёт с Алексеями), у него «Газель», только микро-

автобус, который он по-военному усилил и укрепил так, что без проблем берет три тонны. Соответственно, если брать машину Толика и наши, то хватало вполне. Успокоившись на этом, впихиваем в «Августовскую» машину, что возможно было впихнуть из Таты, машина проседает почти до асфальта, и мы ползком трогаемся к таможне.

Там нас ожидало новое известие. Оказалось, что гуманитарный конвой, о котором говорили по телеку на всех за правках все эти дни, только что подошёл и заходит сегодня же через Изварино в 24:00. Слава Богу за всё, однако, вокруг уже перекрывают подходы к таможне, с правой стороны палатки пограничников украинской армии, с левой – машины ОБСЕ, по центру – погранцы Новороссии. Мы чудом успеваем прокочить перед самым конвоем.

Прокочить – это все проверки, досмотры и прочее уже привычное при переезде границы.

– Вы же вчера переходили туда, а сегодня утром переходили оттуда, в чём дело?

– Да, и завтра будем переходить и туда, и обратно. Непускают же грузовики наши с гуманитаркой, вот на фургончики перегружаем и перевозим. А что делать? Проверяйте.

– Понятно. Ничем, отцы, помочь не можем, поймите и нас. Из котла прорываются дивгруппы нациков, помочь им могут провезти только отсюда, поэтому проверяем всех. Здесь что – продукты? А это что за книги? Ага, видим, проходите. Ну вы и нагрузили. Она же не пройдёт по кочкам!

– Да нам только через границу, там перегрузим.

Военная обстановка в самом деле очень сложная. Все, кто только возможно на передовых и эти люди на границе, не спят ночами. Мы могли поехать в Ростов и там документально оформить гуманитарную помощь, но это долгий процесс, поэтому мы рискнули поехать напрямую, очень хорошо понимая, что, невзирая ни на какие обещания, всё может оказаться

ся так, как оказалось. И всё равно это было быстрей. Ничего, монахам всегда полезно потрудиться, а в таких случаях ещё и радостно.

За границей Толян забирает своё вооружение, часть груза перекладываем в «Ной» и по ночи возвращаемся. Еду в машине с Анатолием.

– А что, Толя, в первом бою трудно было?

– Да ты знаешь, отец, я шахтёр, мы и так никогда не знаем, поднимемся наверх после смены или нет.

– Ну, работа, Толян, – это одно, а здесь как?

– Не знаю, как сказать, но я даже не испугался в первый раз. Мы шли под прикрытием дорожной насыпи к террикону, там вверху наши пулемётчики. Вдруг заходит укроповский вертолёт. Мы попадали, а тот завис прямо над нами и начинает разворачиваться, чтобы ударить по нашей пулемётной точке, и низко так завис. Мы лежим, вжавшись в землю, а тот, словно издеваясь, не спешит, обстоятельно так принаршивается по нашим ударить, будто нас нет. И как-то само собой мы, несколько человек, не выдержали, резко перевернулись на спину и открыли по нему огонь, остальные сразу поддержали: ну обнаглел укроп! У нас были АК 7,62, и мы все 40 человек били по нему без передышки, пока вертолёт не вошёл в крен и не стал подать. Командира нашего потом прозвали «Вертолёт», из-за этого.

Это было в бою под Бирюково, реальный и всем известный случай. Я знал, что Толя был участником этого боя, просто стеснялся спросить раньше. А вообще, надо сказать, что на войне «сплошь и рядом» происходят далеко не менее удивительные события. Но едем дальше.

– А ранило тебя когда?

– То в другом бою, в Красном Партизане. Как там всех не перебили, до сих пор удивляюсь. Короче, идём колонной: танк, бэтээр, миномёты, на машинах пары «ЗУшек» (это зе-

нитные установки, такие сдвоенные скорострельные пушки, очень «хорошая» штука), да машина с бэка (боекомплект). Идём спокойно к блокпосту, не переживаем ни о чём. Разведка доложила, что блокпост пустой, всё чисто. То есть разведчики посмотрели – никого нет поблизости от поста, доложили, что видели, и ушли, а укропы сразу после них этот блок пост занимают. У них два бэтээра, танк, пушки, миномёты, несколько пулемётчиков, и они удобно расположились, там готовые прикрытия, как на всех блокпостах, сам же видел. Ну и всё: мы выходим, как ни в чём ни бывало, а те по нам прямой наводкой. Танк наш и бэтээр сожгли сразу, две машины разбили и перевернули, все наши рассыпались по сторонам, кто из чего может начали отстреливаться. Мы с ребятами каким-то чудом две своих «ЗУшки» стащили с машины к «зелёнке» (лесополосе), и с двух сторон открыли огонь по укропам. В это время остальные наши в себя пришли, у кого ручные миномёты, у кого гранаты, у кого что. Да... Вот «жара» была, отбили этот блокпост, там же меня ранило в руку и ногу.

Так не поверишь, отец, я даже не понял, что ранен, пока всё не закончилось. Как-то в горячке не почувствовал, а потом смотрю – рукав полный крови и штанина такая же. Что делать? Садимся в машину, и ребята везут меня в госпиталь, здесь же в Красном Партизане. Бомбят, хирург нервничает, из ноги пулю вытащил, а из руки осколок никак не может вытащить, разрезал чуть не до самой кости плечо, пальцем там ковыряет, а вытащить никак не может, анестезии нет. Ну что ты будешь делать? Хоть кричи. Начинают бомбить сам госпиталь, все уходят, и я там один остаюсь. Прибегают ребята, говорят, что укропы окружают, надо срочно уходить. Говорю хирургу: «Зашивай быстро». Ну тот уже толком не соображает, вот-вот саму операционную раздолбят, вокруг всё рушится. Короче, берёт и быстро, прямо без всякого дренажа, как есть,

зашивает руку. Ребята меня подхватывают, и мы выбегаем на улицу. Укропы в это время занимают окружающие улицы, мы еле-еле добегаем до машины, благо она рядом, автоматы дулами на боковые зеркала положили, открываем огонь с двух сторон и по газам. Прорвались. Так ещё воевали пять дней под Луганском, потом я уже стал сознание терять. Ну и всё. Всех нас трехсотых (300 – раненый, 200 – убитый) собрали и отвезли в Перевальский госпиталь, там осколок-то из руки и вытащили.

– А Перевальск что – не бомбили?

– Да почему не бомбили? Бомбили и артиллерией, и авиацией. Сколько там наши «СУшек» укроповских сбили?! Бомбили... Сейчас-то вон – бомбят каждый день под Перевальском, да и по всему фронту...

Едем молча. Город, откуда Толик, сейчас тоже бомбят, там его дом, его родные. 30 тысяч долларов дают укропы за голову этого шахтёра. При этом все родовые корни Анатolia из Западной Украины. Вот так – 21 век, люди платят деньги за голову человека, и не какие-то бандиты киллерам, нет, – правительство Украины любому желающему за голову русского человека.

Наконец, доезжаем часам к двум ночи к отцу Алексею, что-то скидываем с машины Толи, тот сразу прощается, человеку ехать ещё больше часа, а утром опять на «О» (граница). Ну а нас усаживают «ужинать», одновременно созваниваемся с Алексеем, тем, у которого «Газель»-фургончик, договариваемся о встрече утром на границе и, уже по привычному кратко помолившись, падаем, как убитые. Исходя из того, что я не помню момента соприкосновения тела с матрацем, упали, возможно, с грохотом – бедные хозяева. Старший мальчик приболел и в общей комнате спит с отцом и хранившими незнакомцами, а малой спит с матушкой в ванной. Вот такие вот военные будни в семье священника.

Донбасс. День третий

С утра еле-еле продираем глаза. Как-то помолившись, начинаем собираться. Вообще-то, надо сказать, что фразы вроде этой – «как-то помолившись» – отражают внешнее положение дела, но не соответствуют внутренней духовной сути происходящего. Во-первых, там даже краткая молитва – это искренняя и глубокая молитва, я как-то уже говорил, что в Новороссии очень легко молиться, с подобным мне приходилось сталкиваться лишь на Афоне. Так что в течение всего, казалось бы, крайне суетного дня молитва никогда не угасает вполне, здесь всё окружающее принуждает к молитве, внутри твёрдая убеждённость, что без Бога здесь не может быть благополучного исхода, и ты, раз уж оказался здесь, самое малое, что обязан делать, – это молиться за всех живущих здесь людей. Знаете, как будто Ангел говорит всё время на ухо: «Молись! Молись!», иначе выразить невозможно. Я, во всяком случае, не могу.

Однако вернёмся в дом отца Алексея. Матушка нас корчит, мы одновременно созываемся со всеми участниками нашего предприятия. Вроде бы на этот раз возможно всё остальное перевезти одной поездкой. Выезжаем пораньше и все встречаемся на границе. Мы на «Ное» и «УАЗике», Толя на своём микроавтобусе и наш новый друг Алексей на своей усиленной «Газели». Алексей казак (кубанка на голове, нагайка на торпеде, автомат у колена), он тоже местный и повоевал, как следует, а ещё он паропланерист, чем завоевал наше особенное расположение – ну какой монах не мечтает полетать?

Все встречаемся на границе. Как всегда, оставляем оружие и «разгрузки» («разгрузка» – это такая жилетка с карманами для автоматных рожков, гранат и прочего) казаков на Луганской границе и проходим нашу таможню.

– Да, это опять мы. Да, будем вечером проходить снова с грузом. Да, это будут продукты и тёплые вещи, всё увидите и

проверите. А, кстати, раз уж мы так сдружились с вами за эти дни, то позвольте нам провезти на обратном пути хоть гильзы какие-нибудь на память? Нельзя? Ну ладно, не очень-то и хотелось таскаться с этим ржавым железом.

Не нужно нам было этого говорить, и вполне мы оценим последствия такой неосторожной полуслучки на обратном пути из Новороссии. Кстати, очень интересные диалоги приходится слышать на границе. Вот, например, пограничники уговаривают земляков не уезжать (очереди огромные, везде бомбят, люди очень устали):

– Ну вот куда вы едете, зачем? Там (показывает на российскую сторону) всё то же самое, ну единственное только, что там не бомбят.

Представляете? Ничего себе – «единственное»? Да из-за чего же ещё они уезжают? И никто ничего необычного не замечает: одни не понимают причины отъезда, другие вяло оправдываются, чувствуя себя виноватыми. Они все уже не считают постоянно слышимую бомбёжку чем-то сверхъестественным, просто они устали от постоянной нужды, от неизвестности, в том числе устали бояться.

Наконец-то мы на российской стороне, перегружать надо тонн пять, а нас не рота и время уже середина дня. Кроме всего, как обычно, пробили колесо на Толиной машине и окончательно угробили диск на другом колесе – дороги войны. Рутинная беготня. Слава Богу, мы умудрились втащить машину на нашу сторону, здесь шиномонтажки работают, здесь есть наш Михалыч, который всё это время был в самой гуще всех событий, да кроме этого ещё возится с нашим болящим братом в больнице. Мы позвонили ему заранее:

– Михалыч, дорогой, машина без колёс. Сможем что-нибудь придумать?

– Конечно. Приезжайте.

Нет, невозможно передать интонацию в тексте. А без этого ответ Михалыча непонятен. Только тот, кто с ним знаком, меня поймёт и, прочитав это, радостно улыбнётся. Конечно, всё было готово, даже колёса для Толиной иномарки подготовил наш казак, а его добродетельная супруга Надежда подготовила на всех обед. Пока переставили колёса, пообедали, незаметно стало темнеть. Неохота уезжать от Михалыча, а надо. Что ж, пора было заняться своим прямым делом – физическим трудом, уже привычным для нас. Ведь за фразами «загрузили», «перегрузили» всегда стояла конкретная прямая физическая работа, а грузчиков здесь не существует, поэтому всё не так быстро, как хотелось бы. Любому монаху знаком физический труд, в том числе и труд простых грузчиков, а это за последние дни – одна из основных причин нашей усталости. Наконец, закончилась перегрузка, всё вошло, всё распределили, разложили по адресатам, но на границу в итоге подъезжаем после 22-х.

Там опять движение. Оказывается, сегодня возвращается с разгрузки гуманитарный конвой, они проходят границу в 24 часа. У нас пока досмотры, проверки – дотягиваем до полуночи. Ну что ж, в этот раз не успели проскочить, придётся ждать, пока пройдут машины конвоя, это не быстро. Ждём. В это время узнаём из телефонного звонка, что из Дебальцево прорвалась какая-то группа «нациков», они обстреляли два наших блокпоста, причём один – из миномётов, и движутся в сторону Луганска и границы. Не понятно, кто это – диверсанты или просто прорвалась какая-то группа военных из котла. Ну что ж, тут, судя по всему, это ожидают.

Всё нормально. Белые «КамАЗы» прошли быстро, и мы где-то около часа ночи переехали границу. Уф, всё. Это последний наш переход за эту поездку, переправлено всё, осталось развезти. На самом деле, помочь, особенно нашей МЧС, – большое дело. Но одно дело привезти и разгрузить по шта-

бам и на складах, а другое – дать людям поесть, одеть тёплую одежду, вложить в руки хоть какие-то копейки. Нет, никто ничего из начальства, хоть военного, хоть гражданского (есть ли такое в Новороссии?), не будет задерживать, либо как-то медлить с помощью. Однако надо исходить из существующих реалий. А реалии эти таковы: военные действия по всей границе Украины и Новороссии, и все на боевых, все – это значит некому развозить эти продукты, вещи и медикаменты. На передовую, конечно, везут из штабов самое необходимое, на остальное – ну просто нет реальной возможности, нет и негде взять.

Это же война. И вы знаете, забегая вперёд, скажу, что мы второй раз в Донбассе, но прошлый раз это было затишье, люди приходили в себя после бомбёжек, как-то восстанавливались и, по нашему мнению, именно поэтому мы видели только местных людей. Теперь же военные действия в разгаре, значит – совсем другое дело. И, естественно, мы предполагали увидеть огромные скопления российской техники, вообще русские войска, «тайком» одерживающие все победы, какие-нибудь полки немыслимых, с кинжалами в зубах, суперчеченцев, ну а уж нашего-то спецназа, само собой, – повсеместно и в достатке полном. Однако, как говорят в Одессе, «таки нет». Нет. Это неправдоподобно, но факт.

Подавляющее большинство солдат, с которыми мы встречались, – это местные жители. Совершенно однородные диалоги:

– Ты откуда?

– Из Луганска (Антрацита, Перевальска, Алчевска, Станичного, Дебальцева и так повсеместно – станица такая-то, с шахты такой-то и прочее).

Такое же положение и в Донецкой стороне. Есть наша техника, но – там пара танков, там три-четыре, там – пара бэтээров, там – три-четыре гаубицы. Притом, что мы подружились

как раз с солдатами из танкового корпуса, выше мы рассказывали, как был разбит этот корпус. Разбит, но не исчез, и геройски воюет. Помните мальчишку, который в горящем танке переломил весь ход событий? Это местный парень, и это они побеждают. Конечно, с нашей помощью. Однако, мы свидетельствуем, что личный геройизм местных людей намного выше, чем нам здесь представляется, и очевидно, что именно это является основным стимулом для оказания Донбассу Россией военной поддержки. Вот последняя как раз меньше, чем мы себе воображаем.

Есть наши спецы, но единицы. Казаков да – тех много. Но все они также либо донцы, либо кубанцы, то есть, строго говоря, тоже местные. Ну где-то там немного «афганцев», там немного десантники, добровольцев, ветеранов. Но количественное соотношение вообще укропов и ополченцев не сопоставимо, тех в разы больше. Встретил одного мальчишку лет 15-ти из Петербурга – в «горке» (военная униформа), «разгрузка», гранаты, автомат, на одной руке – георгиевская ленточка, на другой – церковная лента с молитвой, видны первые слова 90-го псалма: «Живый в помощи Вышняго...». В общем, вид самый задорный. Отвечает как-то радостно:

– Я?! Конечно, верующий! Конечно, православный! В одиннадцатом классе учусь. Ну да, типа прогуливаю. Как что сказали? Я же убежал, они так в журнале и записали: «Убежал воевать на Донбасс»...

Может кто-нибудь это прокомментировать? Помоги ему, Господи!

Ну ладно, как-то я далеко вперёд забежал. Это всё же «путевые заметки», надо, чтоб они такими и остались. Возвращаемся в ночь третьего дня на Донбассе. Едем по ночным дорогам войны, никогда не думал, что буду по ним скучать. Темнота, в отдалении постоянно грохочет, уже различаем – вот миномёты отработали, а это гаубицы, ну «Грады» ни с чем

не спутаешь. Где-то на окраине мыслительного пространства крадущиеся по дорогам диверсанты, по сторонам выплывают строения, есть разрушенные, но много и целых, света в домах нет почти нигде. Едем колонной. Я с Толиком.

– А что, Толь, – приходилось убивать человека вблизи?
– Близко нет, а вдалеке в боях убивал.
– Ну вдалеке это, наверное, ещё ни чего?
– Да нет, отец, душа потом болит...

Да, разговоры на войне дело деликатное. Там если возникает доверие, то быстро, и люди часто открывают сокровенное, огласке как бы не подлежащее, просто может быть озвучиваю душевный порыв, такое, о чём и хотелось бы написать, но рука не поднимается. Есть у каждого сокровенный внутренний мир, пусть он сокровенным и останется. Говорим с Анатолием о военном быте, о «житейском» на войне. Война – это не только бои и стрельба. С ним, например, в «общаге» живёт сынишка 12 лет, мать далеко, так получилось, и мальчик с ним. И таких родителей – не один, не два, а матери вообще почти все с детьми в одиночку: у кого-то погибли отцы, у кого-то они всё время на войне, часто одна присматривает за несколькими детьми, как, например, в эти дни у нашего друга.

Решили расстаться на перекрёстке. Нам в сторону Антрацита, а Анатолию – в другую. Сопроводит нас Алексей-казак, иначе Толик до утра не доберётся до дома. Утром нам в Перевальск и в Стаханов. Там очень напряжённо, и хочется скорее дотянуться до некоторых людей. Есть туда кое-какие личные послания, да и общая помощь, поедем с ним вдвоём, братья пока помогут отцу Алексею разобраться с грузом на приходах.

Доезжаем до перекрёстка, я пересаживаюсь к Алексею-казаку идвигаемся в сторону дома отца Алексея. (Одни Алексеи, надо как-то не запутаться. Мы с ним сразу договорились – на «ты», так что вполне допустимо называть его, скажем, просто Лёша.)

Мчимся в темноте по страшным ухабам в загруженной до-верху «Газели» Лёши. Он, как мы говорили, парапланерист, то есть человек берёт монокрыло (ну все знают в наше время, что это такое – подобие парашюта, только узкого и рас-тянутого в стороны), разбегается, прыгает с обрыва и парит в воздухе на этом крыле. Может долго парить, передвигаясь на воздушных потоках, то есть практически летает – давняя моя мечта. Естественно, оказавшись вдвоём в кабине, он был об-речён оказаться моим учителем полётов, к тому же у него, как у профессионала, был и двойной параплан.

– Не передать, отец, как я люблю летать. Лучший отдых на свете. Приедешь, полетаем – сам поймёшь.

– Слушай, Лёш, давай попробуем, как только погода будет подходящая?

– Ну нет, отец, до конца войны никак невозможно. Да ты что – пристрелят сразу, если не укропы, так наши.

Конечно, он прав. Документы в воздухе проверять никто не будет. За всё время этой поездки он единственный человек, с которым основные разговоры были не о войне, хотя он, как и «Вар», воевал с самого начала войны. И хотя бомбёжки в гро-хочущей по ухабам «Газели» почти не слышно, выныриваю-щие из темноты блокпосты быстро возвращали в реальность. За эти дни нас все на блокпостах этих дорог знали в лицо, однако знали в лицо уже и мы их. Говорят, что блокпост – вроде не очень опасное место, но, во-первых, нападают на них достаточно часто, пост у них очень в нынешней ситуации от-ветственный и, как оказалось, трудный. Стоят люди разных возрастов, чаще молодые, всегда на чеку, обязательно с ору-жием, все шутки здесь в сторону. Ну, едем один день – стоят ребята, утром – снова они же, они же и вечером, они же ночью и на другой день и на третий – они же. Причём мы же ездили утром и днём, а возвращались всегда ночью. Господи, поми-луй, да когда же эти ребята спят?

– Да почему их не меняет никто?

– Все на боевых, людей мало, стоят неделями, потом их на боевые, а оттуда – сюда…

Добираемся наконец-то до наших хозяев. Матушка приготовила, что смогла (когда человек успевает – непонятно: двое ребятишек, муж, ночи не спят). Лёша тоже остаётся ночевать, ну куда ехать – скоро утро. За ночной трапезой обсуждаем с отцом Алексеем возможность проехать по передовым послужить молебны. У нас с собой частички мощей ап. Андрея Первозванного, вмч. Георгия Победоносца, свтт. Николая и малюсенькая, чудом доставшаяся мне, частичка св. благ. вел. кн. Александра Невского. Хочется провезти эти святыни по тяжёлым местам. Решили, что каждый попробует договориться, с кем сможет. Строго говоря, на разговоры не было сил, а завершение дня было привычное, то есть ничем, кроме более позднего времени, не отличающееся от предыдущего.

Донбасс. День четвертый

С утра Толик занят в батальоне, а мы часам к десяти утра разгрузили «Газель», позавтракали и поехали к «Августу». Там тоже полный микроавтобус как адресной помощи, так и собранных нами комплектов для удобной раздачи любому нуждающемуся. Брат на «Ное» довозит меня до «Августа» и возвращается к отцу Алексею, а мы с Толей едем в Перевальск и другие районы вокруг Дебальцевского котла. Едем, по пути, проезжая через деревни, останавливаем местных жителей.

– Помощь нужна?

– Нет, спасибо, мы справимся. Кто нуждается? Вот в том доме детишки больные, там трудно, давайте поможем отнести. Ещё кому? Вон там, через два дома, тоже бедствуют. Да нет, нам точно не надо, спасибо.

Показывают, у кого большая, чем у них, нужда, помогают донести, себе не берут, хотя тоже явно нуждаются. И так повсеместно.

Оказалось, что сзади едет Олег, тот самый, который сопровождал нас вместе с Толиком в прошлой поездке, про него упоминалось в тех заметках. Он теперь командир танковой бригады в «Августе», этот на убой ребят не пошлёт, скорее с погонами рас простится. Уже, говорят, был инцидент, когда хотели с полупустыми баками его машины на боевые отправить, да не дал Олежка и всё тут. И никуда не делись, пока не заправили все баки до полного, он своих ребят на передок не пустил. Вот догоняет нас машина Олега, обнимаемся. Очень радостно хоть коротко увидеться. Обычные: «Как ты?» – «Да нормально, а как ты?» – «Да хорошо. Вы где стоите?» – «Там-то».

– Слушай, как там наш старовер, ваш замполит? Его же ранило, мне сказали, в госпитале лежит, надо бы навестить.

– Да где там – выписался уже, на передовую собирается, его не остановишь.

– Ну как держитесь? Нацки прорываются?

– Да бывает. Недавно колонну свою сопровождаю, моя машина последняя идёт, вдруг смотрю – трассеры впереди, и пули свистят. Водиле кричу: «По газам, обстрел!». Прямо перед капотом пулемётная очередь, еле проскочили, а кто стрелял – непонятно.

Однако, какая бы ни была приятная встреча, нужно было спешить Олегу, да и у нас времени в обрез. Прощаемся, договариваемся ещё увидеться, но в этой поездке не получится. Разъезжаемся.

Наконец, мы у Перевальска. Здесь бомбёжка слышна гораздо сильнее – аж земля дрожит. Близко передовая. Народа тоже немногого, уже знакомое – «все на боевых», караул у штаба, зенитки на крышах соседних пятиэтажек, люди сосредоточены, всё на фоне грохота артиллерии. Мы заранее созвонились

с «самым главным человеком в Перевальске» – это работник штаба казачка Лена. Подъезжаем к штабу, и она вышла на встречу. Приятная девушка – «отец, как увидишь, сразу поймёшь, что это она». В штаб не заходим, война – зачем людям мешать? Лена зовёт пить чай, но, конечно, некогда. Общаемся на улице, в это время бойцы переносят наши небольшие пожертвования в штаб, кое-что из вещей удаётся раздать тут же, хотя это нелегко. «Куда берёте? Люди везут на передовую, вы здесь обойдётесь», – это Лена, ей не жалко, но она очень хорошо знает, что такое передовая.

Однако, безусловно, помогать мы должны всем, кому эта помощь понадобится, здесь везде зона бедствия. А Ленка, по-моему, даже канонаду перестала замечать, тоже на войне с первых дней и всё время в Перевальске в штабе. Сам Перевальск бомбили часто, передовая здесь близко. Она доверенное лицо атамана Козицына, тот пока в отъезде, все ждут, когда вернётся, казаки любят атамана. Ну ладно, как бы ни хотелось остаться, но прощаемся с Леной. Вот ещё одна Елена в нашем помяннике. Помоги ей, Господи. Будем молиться за неё и за тех, о ком она попросила.

Едем «на штаб к Узбеку». Это боевой командир, «Узбек» – его позывной. Мы с ним никогда не виделись (и так за эту поездку и не увидимся), но много слышали и знаем, что у него на позициях сейчас «жара», то есть непрерывные и ожесточённые бои. По пути видим, как работает наша артиллерия, те огрызаются, мимо идут военные грузовики, с боков проезжаем пару установок «Град», те расчехляются и готовятся к «работе», канонада по мере нашего продвижения всё сильнее, уже позади периодически «отрабатывающие» пушки, позади «Грады», мимо проносятся легковые машины с вооружёнными солдатами. И вот с высотки видно место, куда бьёт артиллерия и откуда «отвечают» укропы. Сбоку встречаем поломанную иномарку, колесо вдребезги, пара легковушек стоит рядом –

помогают. Останавливаются и мы. Со стороны передовой несётся запылённая, «видавшая виды» Нива, тоже тормозит.

– О! Отец, ты откуда здесь? – это тот самый мальчишка из 11-го класса, о котором мы говорили выше.

Тут же девушка какая-то, тоже с передовой едет, чуть повернула голову и восхищённо: «Вот красавцы!» – это она о «Градах», которые начали «работать». Звук, похожий на сплошные порывы дождя с ветром, будто пропущен через мощный усилитель. Впереди внизу взрывы видно визуально. Вот пошёл вверх столб чёрного дыма. «Это технику какую-то сбили, танк или бэтээр», – тут же поясняет Анатолий. Одновременно отрабатывают и гаубицы, как с нашей стороны, так и оттуда, очень упорно отбиваются укропы. «Понагнали техники и боеприпасов за это перемирие», – поясняет мне школьник, поправляя автомат. Мимо несутся легковые, из окон торчат стволы, на секунду притормаживают: «Помощь нужна?» – и несутся дальше. Увидев бородатое лицо в монашеской одежде – улыбнутся.

– Вот наши 120-е миномёты заработали, а это свистят укроповские мины, – поясняет школьник. – Отец, можно с тобой сфотографироваться?

– Если в Интернет выставлять не будешь, то можно.

– Почему?

– Да не люблю я этот Интернет и всё. Мы приехали с вами побывать рядышком, а не с Интернетом.

Толик вступает в разговор:

– Я не пойму: по Узбеку что ли работают? Где Узбек?

Девчонка машет рукой:

– Узбек дальше, ещё километра полтора и поворот налево. Вы туда вряд ли проедете, там только что миномёты укроповские отрабатывали, вот машина проскочила узбековских ребят.

В какой-то неуловимый момент исчезли прохожие, проезжие, знакомые, незнакомые, но все стали единодушными

участниками одного растянувшегося на много километров боя. Наконец, иномарку поставили на колёса и все разъезжаются по своим делам. Война идёт полным ходом, всё грохочет, мы проезжаем нужное расстояние и сворачиваем. По бокам из каких-то ям, не поймёшь, – то ли дым, то ли пар.

– Что это, Толян?

– От мин воронки. Недавно «отработали» укропы, ещё дымятся. Ну, вроде подъезжаем.

Не думал, что из воронок такой дым. Въезжаем в расположение наших на передовой. Впереди – остатки какой-то деревенской улицы, сбоку – микроавтобус вдребезги и пробоина огромная от снаряда, но это не сегодняшнее попадание, а вот ворота сбоку похоже только-только разлетелись: половина одной воротины висит на петле, на дороге гора в щепки разбитых ящиков от снарядов – хорошо пустые. Вдоль дороги несколько танков и два бэтээра, вокруг движение танкистов, что-то оттаскивают, освобождают проход для машин.

– Куда, куда? Проезжайте, мы здесь перестраиваться будем, – это нам кричат, Толик хотел прижаться к обочине.

– Узбек где?

– Впереди на зачистке.

– А туда подойти можно? – это говорю я, как самый умный. Хотя видно, что впереди и дороги-то нет, там уже близко «работает» стрелковое оружие, звонко с оттяжкой бьют автоматы, слева заработал пулемёт.

– Да ты с ума сопшёл, отец! Ну как ты подойдёшь? Пристрелят сразу же, либо свои, либо укропы, там разбираться некогда. Нет, даже речи не может быть.

Это была минутная слабость, я хорошо понимал, что здесь мешать нельзя, просто грех. Да война захватывающее действие. Разгружаем, что привезли, несколько бойцов помогают перенести продукты и вещи в дом – молодые ребята, все местные. Один постарше, лет 45. Они только что были под обстрелом

миномётов. Пока собираешь помошь, пока везёшь, кажется – вроде бы приличное количество, но когда привез и раздаёшь, то мысль в голове одна, – Господи, как же мало мы привезли, а людям здесь трудно. Артиллерия работает с двух сторон, трясётся земля одновременно с визжащим грохотом и разрывами. Впереди непрерывная автоматная стрельба, время от времени вступает пулемёт. Да, там «жара». Бойцы ропщут:

– Попробуй теперь выбей их оттуда, после этого перемирия. Укрепились, навезли оружия, нагнали техники, причём новейшей. Сегодня наши сбили баллистическую ракету укроповскую.

Честно говоря, как-то малоперспективно выглядит использование подобного вооружения при современной противоракетной технике. Какое-то время ещё находимся в расположении, никак не хочется уезжать от ребят. Их здесь всего несколько, все впереди. Там плотный автоматный огонь, и снова заработал пулемёт. Толик торопит – надо ехать, время идёт быстро, а ехать прилично – дороги «сам знаешь». Прощаемся с бойцами и едем. Завтра нам предстоит узнать, что сразу после нашего отъезда их снова накрыло миномётами – «все дома поразбивало». А сейчас едем этими же дорогами обратно, впереди «отрабатывают» «Грады». Уже сумерки, и от раскинувшегося по вечернему небу сияния летящих реактивных снарядов захватывает дух. Едем. Грохот постепенно затихает, потом снова нарастает – дорога идёт вокруг Дебальцевского котла, нам нужно на другую его сторону, в Стаханов, там тоже штаб казаков. Атаман там Паша Дрёмов – боевой командир, воюет с первых дней, это его прозвали «вертолёт».

Подъезжаем. Грохот всё ближе. Казалось бы, к вечеру должно стихать, но нет – обстрелы усиливаются с обеих сторон. Грохот гаубиц перемежается длинными шумовыми волнами «Градов». На блокпостах по паре человек, у штаба также несколько казаков на карауле, привычное – «все на боевых».

- Паша где? Ему тут почта.
- Как где? Где все – на передовой.
- Жарко там?
- Да, жара. Подготовились нацики.
- Двухсотые есть?
- Есть.

Ответы короткие.

Люди на посту:

- Пашу ждать? Будет он, нет?
- Да никто не знает. Пока не стихнет, вряд ли.

Темнее и темнее, грохот отдаётся по земле. Одинокий яркий фонарь вырывает большим кругом широкую мощёную дорожку со скамейкой и караульным перед штабом, ворота с частью забора по бокам. К дверям штаба то и дело на скорости подлетают заляпанные доверху грязью различные внедорожники с людьми, увешанными оружием. Резко тормозят. Кто-то вбегает и выбегает из штаба, а уже через мгновение машины срываются и уносятся в темноту. Канонада усиливается. Такое ощущение, что бомбёжка приближается – напряжение в каждом кубическом сантиметре пространства. Как нам быть? Ждать – чего? Гуманитарка в этом момент как-то потеряла актуальность, при этом оставить её некому, однако и обратно везти ни то, ни сё. На боевые не пустят, да и не знаем где.

Вдруг из очередной машины выходит офицер в белом маскировочном комбинезоне и с приятной улыбкой подходит к нам:

- Вы священник?
- Да нет, простой монах.

Улыбка расширилась, стала как-то ещё добре:

- Я тоже монах.

И, глядя на мою вытянувшуюся физиономию, сразу поясняет:

- Позывной – «Монах».

А жаль, мгновенно в голове закрутились мысли вроде того: «Если так открыто признаётся, что монах, значит – есть благословение, а если можно этому монаху, то может и мне местечко найдётся...». Да... Слаб человек, слаб... Но говорю:

– Ну вот, встретились два монаха, слава Богу. А почему «Монах»?

– Я любил в молодости в монастырях помолиться, даже жил в одном год-другой. Потом женился, дом, семья, детки. Я здесь командир сапёрной службы.

Он майор, сапёрная служба одна из самых тяжелейших и опасных на войне, при всей кажущейся прозаичности самого понятия – сапёр.

– «Монах», а где Паша?

Было понятно, что мы уже не увидим этого атамана. Да и не знаком я с этим Пашей, как и с Узбеком, но много слышал о них от тех, кто воевал с ними. Им конкретно мы везли кое-что, они были теми, до кого хотелось дотянуться.

– Дрёмов на боевых, там сейчас очень жарко, только в моей службе трое 300-х и один 200-й. Вчера, например, в атаку впереди ходили все офицеры, Паша первый на пожарной машине, еле отбили. Это далеко, дорог туда нет. Мотаюсь туда-сюда на «Урале». Положение тяжёлое, укропы озверели со всем. А вы что хотели?

– Привезли кое-что из продуктов, да так... На Пашу как бы собирали.

– Давайте ко мне в кабинет, я передам, идём.

Ну, слава Богу. Перетаскиваем продукты в кабинет и разговариваем с «Монахом», как-то оба рады этой встрече. Говорим о самом для него дорогом – о его семье. Показывает фото красавицы жены и деток, он их бесконечно любит, это чувствуется не только в голосе, но и в повороте головы, когда он говорит о них. Он из России и человек далеко не бедству-

ющий. В разговоре родилось убеждение, что именно эта бесконечная любовь к семье привела его сюда, воевать с чужим горем. Непостижимо, однако, достойно восхищения.

– Да у каждого, кроме этой основной, есть ещё и своя личная война…

Такими словами оканчивает нашу беседу «Монах». Говорим о нашем желании послужить молебны на передовых, он мгновенно понимает наше стремление, целиком его поддерживает:

– Без молитвы на войне нельзя – но сейчас просто невозможно, там очень жестокий бой, нереально пока…

Обещает поговорить с начальством, как станет чуть потишее, провезти нас с ним на передовую отслужить молебен, поддержать бойцов. Привожу ему последний аргумент:

– У меня с собой частички мощей апостола Андрея Первозванного, великомученика Георгия Победоносца, святителя Николая Чудотворца и святого великого князя Александра Невского.

Такой аргумент ему вполне понятен. Вообще очень приятно было встретить человека грамотного в церковном отношении и сведущего в Священном Писании.

И тут же покоряет нас заботой о своих бойцах:

– Слушай, а 47 размер обуви есть? А найти не сможете? У меня один с таким размером, ну измучился человек, зима же, и не можем никак обувь подобрать.

– Найдём.

– Добро, завтра созваниваемся.

Всё, ему надо бежать, но надежда уже есть. Конечно, не завтра, но, может быть, через день, а завтра мы бы остальное развезли. Темно, вокруг всё грохочет, едем домой. Брат из Вырицы ждёт меня на «Ное» на одном из поворотов, я пересаживаюсь к нему, Толику необходимо ехать, там какие-то проблемы. Слава Богу, что мы успели измозолить глаза всем

бойцам на блокпостах, нас узнают, улыбаются и почти везде, не останавливая, пропускают. Как всегда, возвращаемся поздно ночью, как всегда, дорогу находим не сразу, как всегда, замученные, но «исполненные долга». Наконец, далеко впереди, в конце еле угадываемой в темноте улицы, одинокий свет в доме отца Алексея. Как всегда, батюшка нас ждёт, всё, как всегда, в Донбассе.

Завтра отцу Алексею нужно с утра везти детей в больницу, это в местных условиях проблемно. Потом развозить гуманитарку, которая оставлена на приходы и детсады – люди ждут. И у нас будут дела. Решаем завтра ехать к Донецку, есть у нас там кое-какие адресаты, передают люди своим близким кто что может, довезти это до бедствующих людей – святое дело. Всё складывается благополучно, ещё бы договориться завтра с «Монахом» о молебне на передовой с той стороны котла, а с другой стороны поможет кто-нибудь другой, Толя, например… Эти мысли путаются в голове во время вечерней молитвы, они же сопровождают нас в сон.

Донбасс. День пятый

Сегодня Толик в батальоне. Там этой ночью у его боевого товарища разбомбили дом родителей в Углегорске, и они их вывозят. А вчера ночью после нас Толя вывозил на «о» семью друга. К тому же у нас сегодня, так сказать, мирная миссия, нужно отвезти адресную помощь в район Донецка. Разные люди, когда узнают, что мы едем в Новороссию, передают с нами своим родным и близким какие-нибудь, часто наскоро собранные, «передачки». И вы знаете, подобные поручения – самые приятные, как-то особенно радостно дотянуться до людей в беде, приехать к ним, постучаться и сказать:

– Здрасте, помните таких-то (людей, которые живут за несколько тысяч километров), ну вот, они вам тут передали кое-что, возьмите, пожалуйста. Да во Славу Божию помолитесь о нас, грешных.

И они обязательно помолятся, и мы ощутим это. Радость этих, всегда очень нуждающихся людей, обязательно больше оказанной им помощи, это одно с лихвой «окупает» все затраты и заботы. А чувство благодарности и смущение, которое они испытывают в тот момент, не даёт задерживаться – уходишь, чтобы просто не разреветься. В который уже раз убеждаешься, что МИЛОСЕРДИЕ большие пользы приносит тем, кто оказывает его, намного больше.

Границ нам больше пересекать не надо, и там нас легко сможет сопровождать наш друг «Вар». Так что с нами «Вар», он знает все дороги. Интересный позывной. «Вар» подревнееврейски означает «сын», причём он этот позывной не придумывал, такое прозвище ему дали в юности по неизвестной никому причине, а имя его – Валерий. В общем, с утра забираем в Антраците этого самого Валерия и едем, вначале по магазинам и аптекам. Дело в том, что «своё» мы уже раздали, либо остались посылки по конкретным адресатам, а в процессе общения обнаружились срочные непредусмотренные нужды, вроде ботинок 47 размера, каких-то ещё бытовых необходимостей, ну и, конечно, лекарств. Последнее здесь проблема: во-первых, очень дорого и дефицитно, но если и окажется в наличии, то в лучшем случае один-два экземпляра. Соответственно, облезжать пришлось все аптеки, какие смогли найти.

Это Милость Божия, что деньги какие-то остались, как раз из тех – «на всякий пожарный», вот тебе этот «пожарный» случай – тут как тут. И опять же по Милости Божией всё сразу находилось:

– У вас ботинки зимние 47-го размера есть?

– Как раз одни есть.

Звоним «Монаху»:

– На связи.

– Слушай, кроме башмаков, что-нибудь нужно?

– Ну да, монах. Тут медики наши кое-что спросили, я эсэмской сброшу, хорошо? Ну, с Богом. На связи.

Нам, надо сказать, очень понравилась фраза «На связи», в русском языке «связь» – слово глубокое. И тоже всё нашлось как-то сразу, так ещё и денег хватило (что поудивительнее будет).

И так повсюду. Если мало было в наличии, тут же оказывалось где-нибудь рядом то, что нужно. И тоже «случайно». Или вот характерный случай с иконочками, книжками и ленточками с молитвой. Знаете, есть такие ленточки, на них написан 90-й псалом и молитва «Да воскреснет Бог...». Эти ленточки пользуются заслуженным интересом у солдат, молитву не каждый знает наизусть, а тут взял и прочёл. Молитва эта заклинательная и совершенно точно от зла ограждает. Ну а про 90-й псалом всем известно, даже учёные медики провели исследования и выяснили, что, когда человек читает «Живый в помощи Вышняго...», начинают исчезать психические патологии, а насчёт духовных – любой монах или священник может засвидетельствовать, я думаю, не один случай.

На войне потребность у людей в заступлении Божиим намного больше, солдаты просто инстинктивно взывают к Богу, часто внутренне, тем не менее, постоянно – на войне смерть близко всегда. И людям это известно. Им не нужно ничего рассказывать, они все просто испытали Помощь Божию на практике. Например, наш Анатолий единственный раз забыл положить в карман иконочки и ленту с молитвой и именно в этот день его ранило. О гораздо более интересных случаях вам расскажет любой участник войны.

С этими ленточками и иконочками и у нас не так просто складывалось. Мы ещё перед отъездом из Вырицы накупили в их церковной лавке иконок, молитвословов и забрали все имеющиеся там ленточки, причём ленточки нам уже пожертвовали продавцы от себя. Лента ещё чем удобнее? Скажем, молитвослов или молитва – на картонке, промокнут, легко рвутся, за ними надо лезть в карман, что неудобно, когда ты в «разгрузке» или бронежилете, а ленту бойцы часто наматывают на руку, то есть она всегда на руке, быстро размотал и прочёл. Да и спокойней как-то, всегда на глазах слова молитвы. Короче говоря, все ленточки в церковной лавке мы забрали, нам их упаковали в пакет, а мы этот пакет потеряли и спохватились уже в Донбассе. Вначале думали, что при разгрузках-перегрузках положили с другими вещами. Смотрим – нет. Всё перерыли, перепроверили, заново пересмотрели весь груз – нет! Господи, помилуй, ну что ж такое? Даже перед сестрами из лавки неудобно теперь будет, мы им расписывали, что везём священникам в Антрацит, те будут раздавать всем нуждающимся, да и сами развезём по Донбассу. Ну что мы им теперь скажем, когда приедем? «Простите, а вот ленточки и иконочки ваши мы, где-то по пути обронили» – так что ли? Короче, огорчение было такое, что доводило до уныния. А перегружали мы на границе, как вы помните, три дня, и все эти дни мы честно-благородно заново всё пересматривали. Кроме всего, ситуация усугубилась тем, что здесь достать всё это было проблемно.

Все три дня этих перевозок-перегрузок мы пребывали в крайнем расстройстве. Потеря, сравнимая с тем «малым золотником», просто угнетала. Однако, переходя туда и сюда границу, мы в период этих скорбных перегрузок сдружились с таможенниками. И вот когда мы забирали последний груз, один из них подходит:

– Отец, послушай: тут какая-то делегация священников была месяца полтора назад, и они коробку свою забыли. Куда

девать, не знаем. Может, возьмёшь себе? Глядишь, где-нибудь там и пригодится.

Не хотелось связываться с какими-то чужими коробками, да неудобно перед таможней:

– Ну, давай глянем, что там у вас.

Перед нами на стол бухается здоровенная коробка, только открываем её, и на глаза сразу попадают дорогие сердцу слова: «Живый в помощи вышняго...». Господи, помилуй, всё «на ряду» – стопки ленточек, стопки иконок и молитвословов, только раза в четыре больше, чем мы потеряли. Да, ленточки другого цвета, зато одного (наши были разноцветные), и материал на них более прочный. Слава Тебе, Господи! Не передать то облегчение, которое мы так внезапно получили. Коробка эта сопровождала нас до последнего дня, и все желающие (а таких «было и было») получали заветные ленточки и иконочки с молитвословами.

Но вернёмся к текущим событиям. Закупили все, на что хватило наших ресурсов, и двинулись в сторону Донецка. Казалось, Новороссия однородна, однако отличие всё же было. Например, в Донецкой области лучшие дороги, а на блокпостах все в гражданской одежде, как ополченцы, и больше пожилых людей. Сильнее бомбят. Если в Луганской области есть места, например, Антрацит, где еле-еле слышно взрывы, то в Донецке грохочет повсюду. Положение в Донецкой республике кажется более тяжёлым, может быть, из-за этой как раз канонады. Но, тем не менее, добрались до нужных мест, дотянулись до людей, которым везли весточки от близких, кратко порадовались с ними и тронулись в обратный путь.

Наш «Вар» воевал в этих местах, попадал здесь в окружение и сейчас очень живо рассказывал, как они выходили из окружения, показывая места, где попадали под обстрелы, где им удалось прорваться сквозь заросли и вырваться из-под обстрела, где они лежали, затаившись, затем отстреливались

и снова прорывались, и снова попадали под обстрел. Да, тогда Новороссия была на краю гибели, однако они устояли. Конечно, с нашей (России) помощью, однако благодаря личному героизму жителей Донбасса, этого не отнимешь. Не было бы этого героя, и от помощи России толку бы не было никакого, ведь армию России туда не введёшь (как бы ни хотелось).

Глубоко во второй половине дня мы въезжаем в Луганскую область и прямиком (а это более сотни километров) мчимся на нашем «УАЗике», подпрыгивая, как кенгуру, на кочках, в сторону Стаханова, на другую сторону Дебальцевского котла. Постепенно пространство вокруг начало затягивать туманом. Подъезжаем поближе, звоню «Монаху», тот сразу снимает трубку:

- На связи.
- «Монах», ты? Это монах.
- Я. Здравствуй, монах. Как ты?
- Слушай, мы тут к тебе с башмаками 47-го размера, ну и так на пару слов. Ты где?
- Еду сейчас на передовую, везу снаряды.
- Ну как у вас там?
- Боя идут непрерывно, ночью было очень тяжко, только 200-х 40 человек.
- Ничего себе! И как?
- Да отбились, но очень упорно огрызаются, хорошо они укреплены, не теряли времени даром во время перемирия. Теперь мы теряем лучших ребят.

Поговорили. С «Монахом» беседовать не скучно никогда, однако, сейчас не время, скоро он отключится, надо ехать и нам. Договариваемся на завтра о встрече после обеда.

– Позвони поближе к середине дня, я постараюсь упросить начальство и взять вас с собой на передовую под свою ответственность. Конечно, надо там отслужить молебен. По-

смотрите заодно на наше житьё-бытьё. А башмаки и прочее оставьте в штабе. Скажете дневальному, он у меня в кабинете положит. На связи.

— Добро.

Подъезжаем к штабу. Та же, что и вчера, обстановка, только машин поменьше, просто время более позднее, все уже на передовой безвыездно. Передаём дневальному посыпочку, говорим кому, тот принимает и сообщает, между прочим, что передали воздушную тревогу. Входит какой-то молодой офицер и, улыбаясь, говорит солдату, что вроде бы на нас летит «точка У». Это вообще-то баллистическая ракета, и непонятно, кто из них пошупил, или оба не шутят, но тоже улыбаемся, дескать, нам хоть «У», хоть «МУ». Однако дело сделано, время позднее и надо ехать. . Собирают и эту «У», не успеет отработать.

Кроме всего, мы сегодня дадим отдохнуть нашему отцу Алексею, а матушка с малым хоть отдохнут от ванной. Это «Вар», в манере, не допускающей возражения, приглашает нас к себе в гости на ужин с ночевкой. Он всю жизнь прожил в Антраците, благополучная семья, взрослая дочь-студентка, прекрасная жена, сам он молодой пенсионер, живут в хорошей трёхкомнатной квартире. Время позднее. Мы из Стахановата выехали — уже поздно было, а завтра предстоит тяжёлый день, так что если к отцу Алексею ехать, это мы только к утру спать ляжем. Ну к чему мучить людей без конца? Да, честно говоря, и нам самим хотелось посидеть, поговорить с Валерием, познакомиться с его семьёй, мы как-то сдружились с «Варом».

Заезжаем, наконец, в Антрацит. Город времени народного бедствия ночью. Мы как-то описывали его, и сейчас — те же одинокие ларьки, вырванные из темноты тусклым светильником, те же редкие прохожие и полупустые магазины, закрытые после 16-17 часов, дома с редким светом в окнах. Почти ничего не изменилось со временем нашего последнего

приезда. Хотя нет, изменилось. Люди стали как-то увереннее себя чувствовать в таких условиях, но не в положительном смысле, а стали привыкать, как бы теряя надежду, что всё наладится...

Подъезжаем к дому Валерия. Первое, что бросается в глаза, – объявление на подъезде: «Во время артобстрелов и авианалётах всем жителям спускаться в бомбоубежище» (и адрес убежища, это под соседним магазином). Но поднимаемся в дом, и поздним вечером нас, уставших, ждёт с любовью приготовленный обед и вообще самый радушный прием. Долго разговариваем. Пока Валерий воевал, его жена (её зовут Светлана) пережила в Антраците все бомбёжки. Мы не представляем себе, что такое война в твоём родном городе, том самом, где ты всегда жил и живёшь, где твоя семья и твоя родня, близкие. Что значит находиться без света и средств к существованию, под бомбами в подвале, в голоде и постоянной тревоге о муже, который в это время совсем недалеко отсюда отстреливается от таких же русских людей, которые вдруг начали прыгать на площадях и называть себя украми, не понимая, за что те хотят его убить, при этом, даже не зная, в подвале ли его жена сейчас, или нет уже никакого подвала, как и десятков беззащитных женщин и детей, там скрывающихся.

Во время разговора звонит батюшка и сообщает, что тоже договорился о молебне на передовой, только на утро и с другой стороны Дебальцевского котла. То есть мы успеваем в два места. Это больше, чем мы заслуживали. Ну что ж, Господь милостив к нам, надо молиться в таких местах, вместе с теми, кто воюет, чтобы Господь прекратил это испытание. Однако если испытание послано, уж наверно для того, чтоб мы его достойно преодолели, стали выше зла.

В таком духовном состоянии мы окончили сегодняшний, пятый по счёту, день нашего пребывания на Донбассе. Особенно рано подскакивать нам не надо, отец Алексей утром

заедет в Есауловку за отцом Иоанном, и они вместе приедут за нами. С нашим сопровождением на завтрашний день мы встречаемся утром, здесь же в Антраците. Молимся и укладываемся спать в зале, наконец-то, никому не мешая.

Донбасс. День шестой

После утренних молитв, под строгим надзором хозяев, как следует, завтракаем, внизу нас уже ждут отец Алексей с отцом Иоанном. На соседней улице штаб казаков, которые нам сегодня выделяют сопровождение и пускают на свои передовые позиции. Подъехали, входим. Штаб как штаб: внизу – начальник караула, на втором этаже – дневальный, всё как положено. На кухне чистят картошку и драят пол. Порядочек везде. В комнатах чисто, обстановка – спартанская. На весь штаб несколько человек, как и везде сейчас по Донбассу. Сопровождающий нас боец как раз из России – доброволец. Наконец-то поближе рассмотрим русского солдата в Новороссии, хотя, конечно, здесь, вне всякого сомнения, все люди русские.

Позывной его мы называть не будем, он служит в действующей армии, а во времена гражданских войн излишняя информация может очень навредить. Как говорили в моём детстве, «болтун находка для шпиона». Это молодой симпатичный парень, имеющий военный опыт, очень деликатный, внимательный, вежливый и ответственный. Едем в место военных действий, к Дебальцевскому котлу. Те же дороги в ухабах, блокпосты, на которых, увидев нас, улыбаются и почти не останавливают, да и мы уже запомнили этих бесменных ребят. Кому-то передаём ленты с молитвой и 90-м псалмом, иконочки, кому-то вчера пообещали крестик, а с собой уже не было, и сегодня выполняем обещание, кому отвечаем на во-

прос, либо записываем имена для поминания в монастыре. И так же, чем ближе к передовой, тем сильнее грохот от артобстрелов.

Подъезжаем к большому шахтёрскому посёлку (много трёх- и пятиэтажных домов), здесь расположение воюющей части. Бомбят где-то совсем рядом и с обеих сторон, грохот отдаётся по земле так, что всё вздрагивает. Проезжаем несколько противотанковых орудий – стоят на боевых позициях. Перед переездом – несколько самоходок, на рельсах – наш подбитый танк, за переездом по сторонам – два танка в глубокой траншее по башню – тоже на боевой позиции. По краям дорог машины с боеприпасами. Грохот канонады перекрывает знакомый шум грозовой, с длинными перекатами, волны «Градов». Укры пытаются прорваться, наши сдерживают.

– Где прорываются?

– Да пытаются по всей линии котла, но вот сегодня здесь особенно прут. Сдержим.

– А вдруг прорвутся, сможете отбить?

– Надо сдержать. Если прорвутся, они нас просто сметут, их больше раз в пять, это как минимум.

Говорим с казаком. Он донец, местный, говорит спокойно, не боится, просто констатирует факт. Вокруг все заняты своим делом. У дверей штаба быстро меняющиеся легковые машины, битком набитые военными, все в полном вооружении, кто-то быстро подходит, кто-то побегает, в общем активное движение. Отец Алексей пошёл договариваться, чтобы нас провезли на передовую линию отслужить молебен. Мы осматриваемся.

Да, страшное лицо у войны. Несмотря на то, что от грохота трясётся земля, невдалеке проходят пара пенсионеров, какая-то женщина средних лет – это жители посёлка. У людей потемневшие лица. Хорошо видно, что люди приличные и точно не пьющие. На лице горькая отрешённость от всего, идут

согнувшись как-то. На войне везде трудно, особенно мирным жителям. Там, где обстрелы подальше, люди держатся и не падают духом, а вот в районах бомбёжки людям очень трудно морально. Давит не только и не столько страх, но постоянная неизвестность, ничего хорошего точно не предвещающая, тяжёлая военная неизвестность. В любую минуту возможно, однако, неизвестно где, как, когда, кого убьёт. И люди, особенно, кто постарше, идут по-настоящему согнувшись от этой тяжести, с застывшей скорбью на потухших лицах. Поверьте, страшное зрелище – эти невинные, беззащитные, совершенно безответные старики и старухи, оказавшиеся под ударами современного оружия.

Страшнее этого только дети в этих же условиях, и мы видим их во дворах пятиэтажек. Прямо перед нами в соседнем дворе, напротив дверей подъезда, стоят трое детей лет десяти, мальчик и две девочки, от грохота близких взрывов подрагивает земля, а они просто сгрудились и стоят. На фоне всего этого военного движения и бомбёжки по-настоящему жутко смотреть на этих детей. Господи, помилуй всех этих людей. Хочется схватить этих ребятишек и быстро увезти подальше оттуда – «куда глаза глядят», но не возьмёшь и не отвезёшь, у них здесь родители.

Выходит наш священник, с ним трое командиров, ополченец и двое казаков. Приветствуют, дают краткие указания, и мы едем дальше. С нами впереди на «Ниве» двое военных, оба местные, взрослые, лет пятьдесят одному, под шестьдесят – другому. Им туда же, и они заодно нас сопроводят. На дороге всё дышит боем, танки, бэтээры, впереди машина тащит пушку, на скорости обогнал нас миномётный расчёт. Мимо идут со снарядами машины – одна, другая, обратно едут пустые грузовики. Грохот, всё подрагивает, «отрабатывают» «Грады», перекрывая всё это шелестом апокалиптической грозы. Изредка какие-то редкие реплики проезжающих, и всё это как бы в од-

ном некотором захватившем всех ритме. Мы тоже становимся частью окружающего действия. Наш батюшка даёт реплику:

– Попшёл адреналин.

Казалось бы, неуместная в данный момент фраза, однако достаточно верно оценивающая общее состояние всех окружающих. Подобное состояние имело место и весьма. И именно это единственное, как бы ни казалось странным, облегчает жизнь военных. В бою солдаты, захваченные этой военной страстью, самые трудные моменты переживают, словно в горячке, проскакивая их в сознании. А вот гражданские люди всю войну просто выпивают по ложечке, как те дети у подъезда, проводя в ужасе сутки за сутками.

Отъезжаем прилично вглубь котла. Снова противотанковые пушки, несколько танков и расположение танкистов, потом большое поле, речушка в зарослях, мост – и выезжаем на горку, попадая в кучку оставшихся от деревни домишек, частью повреждённых, частью разрушенных. На то, что это бывшая деревня, указывают заброшенные огороды с остатками загородок. Здесь позиции миномётчиков. Это передовая. Впереди сквозь канонаду слышится «работа» стрелкового оружия, бьют АКМы, время от времени вклиниваются длинные пулемётные очереди.

Сразу собираются бойцы. Медлить некогда. Смахиваем с пня грязь, ставим крест, кладём Евангелие, ко кресту прислоняем мощевик, там частички мощей ап. Андрея Первозванного, вмч. Георгия Победоносца, свтт. Николая Чудотворца и св. вел. кн. Александра Невского. Едва накинув фелонь, отец Алексей, повернувшись в сторону взрывов, «даёт» возглас:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

– Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе. Царю Небесный...

Служим молебен. Бойцы стоят сосредоточенно, совсем рядом рвутся снаряды, никто не шелохнётся. Когда звучат

слова заключительной молитвы, все должны быть на коленях. Под ногами зимняя грязь со снегом. Ни на секунду ни один боец не смущался, все одним движением оказываются на коленях вместе с нами. Молитва длинная. Опустив голову, молятся все. По окончании один священник идет с крестом, все прикладываются, другой следом окропляет святой водой, и за этим я с мощами святых обхожу бойцов, каждый прикладывается с благословением. Господи, кому-то лет шестьдесят, кому около сорока, местные шахтёры, но половина молодёжи, из молодых человека три из России. У одного из взрослых двое сыновей воюют сейчас впереди,

там, где работает пулемёт, просит помолиться. Помоги им, Господи.

Едва последний приложился к мощам, раздаётся протяжный крик командира:

– К бою!

Начинают работать миномётчики, тут же на крыше полуразрушенной небольшой избушки сидит корректировщик и даёт координаты для наводки миномётов. Вокруг гора ящиков из-под мин, тут же стоят и полные. Мы тихонько прилепились позади ящиков с минами. Громко и кратко обмениваются координатами командир с корректировщиками, тут же следует команда заряжающим, реплика нам:

– Осторожно, отцы, сейчас грязь полетит во все стороны.

И тут же сзади наш послушник:

– Уши, отец, уши.

Одновременно воздушный удар, вспышка пламени, вздрогнула земля и шарахнуло. Тут же резко выключились ушиные перепонки и – звон. Похоже, уши всё же не закрыл толком. Из-под миномёта грязь комками во все стороны. Ладно,

следующий раз закрою уши получше. За спиной стон брата, который предупреждал меня насчёт ушей, сам-то он уши не закрыл. Крик командира:

– Дубль ушёл, лови через 30 секунд!

Вдалеке два взрыва подряд – это наши. Сверху выкрикивают координаты, тут же команда направляющим, те что-то подкручивают и снова:

– Готовы?! Первый, второй, третий, заряжай!

И корректировщику:

– Тройка пошла, лови!

Три взрыва подряд, звон в ушах, хоть и закрыл, но с непривычки всё равно глухнешь.

– Ничего себе удары! Я думал миномёт бьёт как-то потише...

– Это стодвадцатые, – поясняет наш Лёха-казак – как будто эти слова что-то могут мне объяснить, однако понимающие мычу в ответ, дескать, ну тогда понятно...

Снова сверху выкрикивают координаты, снова наводящие что-то там подкручивают, заряжают. Затем снова крик командира, за спиной знакомое: «Отец, уши закрой» – и снова пламя, воздушный удар, вздрогивает земля одновременно со звуком выстрела, грязь комками во все стороны, глухота и звон, за спиной снова длинный стон брата, снимающего на телефон. Не понимаю, он что – специально: мне говорит, а сам уши не закрывает? На дороге сработала сигнализация на нашем микроавтобусе. Мимо в сторону стрельбы понеслась «Нива» с бойцами, обвешанными оружием. Прорычал грузовик с боекомплектом. Снова крик корректировщиков, и снова бьют наши миномёты. Один, который ближе к нам, от детонации выскакивает из своего места, и его быстро заново окапывают и устанавливают, снова заряжают и снова бьют миномётчики.

Вдруг вверху длинный протяжный визг.

— Ага, оборотка пошла.

И сразу за словами Лёши взрыв и всплеск земли в огороде через дорогу.

— Перелёт, — констатирует наш парапланерист, не очень-то, по-видимому, переживая. Подходит один из командиров миномётчиков:

— Отец, вам надо ехать. Пошла ответка. Сейчас перелёт. Как раз в ту сторону. Пока подождите. Они откорректируют и будут бить в другое место. Как только через 30 секунд не будет дубля, сразу езжайте. Значит, стрельба прекратилась, а они корректируют и огонь перенесут.

— Добро. Я всем скажу.

Иду, зову брата, который из Вырицы. Он тоже снимает и не может оторваться от боя, захваченный общим возбуждением. Он вообще бы остался здесь, вполне его понимаю. Но подходят отцы Алексей и Иоанн, с ними Лёха-казак, который вдруг начинает считать:

— Раз, два, три... двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Всё, отцы, быстро едем, они сейчас откорректируют и перенесут огонь сюда.

Смотри-ка ты! Как будто слышал наш разговор с миномётчиком. Одно слово — военный человек. Ну ладно, не удалось мне блеснуть знанием, не успел. Однако надо спешить, все быстро в машину и по газам. «Нива» казаков-миномётчиков впереди.

— Вывезем из района обстрела, потом обратно — надо спешить.

Спешим. Выезжаем назад и едем по дороге через поле. Справа на земле всплеск, комки земли во все стороны, что-то просвистело и — воронка, следом второй. Такие же взрывы и воронки с другой стороны. Интересно, из-за шума машины и общей канонады звук взрыва почти не слышен, как будто

просто глубокие всплески на земле. Но вот впереди резко затормозила «Нива».

– Впереди тоже обстрел, не проехать.

– Ну дают укропы! Еще больший перелёт. Да ладно, пойдём вон в овражке пока постоим. Сейчас они откорректируют и перенесут огонь назад (назад – это на батарею, откуда мы едем), потом и проскочим…

Да, что тут скажешь? Идём в овраг. Благо, он под боком оказался. Посидели в овражке минут двадцать. Миномётный обстрел вокруг закончился и бомбёжка перенеслась в другое место. Это, строго говоря, не был серьёзный обстрел, так – пристрелка. В общем, даже испугаться толком не успели, не говоря о нас, даже машину ни одну не пробило. Интересно, что когда сквозь обстрел прорывались, один брат так дал по газам, пытаясь спасти своих спутников, что наш сопровождающий, который с ним ехал, потом говорит:

– Отец, чуть не разбились. Ну представь, во время миномётного обстрела разбиться о берёзу – обидно, слушай.

Едем обратной дорогой. Притормозили у позиций противотанковых орудий. «Нива» развернулась и поехала на боевые.

– Отцы, здесь уже не обстреливают, нам надо к своим, там бой, давайте, с Богом…

К нам подходит солдат, интересуется, откуда мы. Это командир корректировщиков, он корректирует огонь своих отсюда. Мы говорим, что тоже едем от миномётчиков, только от других, с передка. Разговорились. Оказалось, что этот ополченец был перед войной на Афоне, ездил к старцу отцу Рафаилу, тот даже благословил их знамя. Теперь он в составе армии ЛНР, а знамя это хранит на груди, с ним он выходил из окружения. Бережно вытаскивает и показывает его нам. Знамя прострелено в нескольких местах пулями. Говорят, был во время перемирия в Питере, ходил на Смоленку к блаженной

Ксении Петербургской. Радостно было слышать это. Мы как раз перед отъездом были у матушки Ксении, и мне подарили небольшую иконочку, копию иконы, написанной с прижизненного портрета св. бл. Ксении Петербургской. Дарим эту иконку солдату и трогаемся в путь.

Едем дальше дорогами войны. Нам на другую сторону Дебальцевского котла, к «Монаху». Проезжаем по знакомой уже дуге артобстрелов. Напряжение не спадает, бьют с обеих сторон с остервенением, грохочет как артиллерия, так и миномёты, и, конечно, покрывается всё это волнами громового шороха «Градов». Вокруг всё начинает затягивать быстро густеющим туманом. Проезжаем Перевальск и созваниваемся с «Монахом». Слышим уже знакомое:

- На связи.
- Ты где, Павел? В штабе?
- В бомбоубежище. У нас объявили воздушную тревогу.
- Хорошо, мы едем к штабу, оттуда позвоним, добро?
- Давайте, я тоже подъеду, по-моему, сбили эту «Сушку».

Подъезжаем к штабу. Там группа каких-то корреспондентов, с какого-то телеканала, ждут также «Монаха». Да, неприятно, не любим мы незнакомых корреспондентов, нахлебались от них всего. Неизвестно, что они снимут и как отснятое прокомментируют. В этом отношении у нас, во всяком случае, опыт негативный в большинстве случаев, хотя, конечно, бывает всякое. Наконец, подъезжает наш командир сапёрной службы. Встречаемся уже как друзья, отводим в сторону и с грустным лицом показываем на телевизионщиков. Мы противники военного пиара и не для выставки в Интернет сюда приехали, нам дело надо сделать. Заходим, разговаривая, во двор штаба.

Разговор прерывает громкоговоритель – снова объявляют воздушную тревогу. Монах:

- Ещё одна «Сушка». Идём в убежище?

— Да нет, ну куда бежать? Туман такой, нас всё равно не видно. Давайте посмотрим, если что — успеем забежать в убежище.

— Ну, вы хоть к стенке встаньте, под прикрытие.

Но говорит он, просто соблюдая правила безопасности, сам же явно не боится. Когда объявляли военную тревогу, как-то сразу вспомнились фильмы о войне, рёв нескончаемого потока самолётов, раскаты грома от множества выстрелов и беспощадный визг осколков. Как-то поневоле все внутренне затаились: что же будет? Однако, было тихо.

Погода, надо сказать, в самом деле была не лётная, туман сгустился в молочко, но вот, наконец, где-то далеко вверху послышался гул самолёта.

— Да на какой же высоте он летит?

— На шести тысячах.

— Ничего себе! Да плюс туман. Куда же он надеется попасть?

— Зато безопаснее. А потом попадает техника, а не стрелок. Тот просто наводит, как, кстати, и с нашей стороны. Например, предыдущая «Сушка» даже отработать не успела — её сбили сразу на подлёте. Сейчас туман усилился, посмотрим.

Гул ближе. Слышим выстрел и вдалеке взрыв, снова выстрел и снова взрыв.

— Вот гад, два раза отработал, — это «Вар» комментирует. Однако не успел он договорить — и почти подряд два сухих громких щелчка, после второго звук от самолёта изменился на заунывное «У-у-у-у-у», затихающее и уходящее, пока всё не смолкло где-то в глубине тумана. Если и был взрыв от самолёта, то вдалеке, его невозможно было бы выделить из грохота общей канонады. Ну вот, и этого сбили. Да, в этой войне авиация бесперспективна. «Монах» везёт нас в расположение части, слава Богу, без теледрузей. Там пока грузят машину боеприпасами и лесом, нас поят чаем и показывают музей части. Это оружейный музей, для любителей очень интересный.

Но вот машина загружена боеприпасами и лесом для сапёрных работ, можно ехать. Однако все (а нас, надо сказать, большая компания) ехать не смогут, только двое в машине и двое в кузове, на дровах и на ящиках со снарядами. Наш провожатый успокаивает:

– Не переживай, отец, если попадут, то мучиться точно не будем.

Вот умеет человек утешить. Едем мы с отцом Алексеем в машине и брат из Вырицы с бойцом из казачьего подразделения в кузове. Первое – это выключаем телефоны и вытаскиваем батарейки.

– Там место такое – прорвались вовнутрь и держим оборону, как аппендицит в глубине «котла». Укропы вокруг. Радиосигнал улавливают сразу, поэтому без телефонов. Там свет-то и то включать нельзя, ехать будем без фар.

Мы приехали во второй половине дня. Пока погрузка, то-сё, и вроде сумерки начались, но видно было ещё вполне

прилично. Едем. По словам нашего сапёра, то место, где мы были утром, в смысле опасности просто «отдыхает» по сравнению с тем, в которое едем теперь. Честно говоря, бойцы, приехавшие оттуда, тоже как-то удивлённо на нас смотрели, когда узнавали, куда мы едем. Но спокойствие «Монаха» передалось и нам. Потом, мы же говорили раньше, что он умеет как-то утешить, ну просто дар у человека. Вот и сейчас:

– Если начнут обстреливать, – это он сидящим в кузове на ящиках с боеприпасами, – то сразу прыгайте и бегите подальше от машины.

Надо сказать, что человеку, сидящему в серединке в кабине, в таком случае выход только через лобовое стекло, а это военный «УРАЛ». Хотя, возможно, в случае обстрела и это окажется вариантом. Но приятно было узнать, что в принципе шанс был, гипотетический, конечно, шанс, но и то утешительно. Я же говорю – талант у человека, вот может приободрить, умеет. Дорога, говорит, будет плохая, потом очень плохая, а потом ещё хуже. Отъезжаем далеко вглубь котла. Мы всё-таки думали, что это будет ближе. Дорога и в самом деле – грязь,

почти под самые рессоры. Колея от танков. Как «УРАЛ»-то здесь проходит? Удивительно.

Однако, про дороги наш «Монах» всё же чуть приукрасил. В самом деле, вначале были очень плохие дороги, а потом вообще дорог не стало. Просто как бы распаханные гусеницами танков направления движения. Постоянно моросит, а почва – суглинок либо глина. Наконец, застреваем так, что не можем проехать никак. Однако наш сапёр снова и снова пытается заехать на бугор, машина всё время скатывается в колею и барахтается на месте, почти лёжа на боку.

– Слушай, а если мы перевернёмся, и ящики со снарядами разобьются, они от этого взорвутся?

– Да нет, такое уже было сколько раз.

Однако въехать не удается никак. Удивляет спокойная настойчивость этого командира сапёров.

– Заедем всё равно.

Тем не менее, заехать не получалось никак. Вылезаем и пытаемся приволочь какие-то камни с болота поблизости и набросать их в колею, но это «слону дробина». Наконец, мимо проезжает бэтээр. «Монах» останавливает его, и мы пересаживаемся к ним на броню, едем дальше с ними. Доезжаем до какой-то развилки этих широченных полос разбитой танковыми траками грязи и выходим. Ребятам в другую сторону.

– А вам куда, отцы?

Говорим куда.

– Да нет, мы туда не можем, нам нужно срочно в другую сторону, а туда, куда вы сказали, сейчас, по-моему, вообще проехать не сможете.

Но пока остановились, пока говорили, вдали показался наш «УРАЛ». Слава Богу, проехал всё же наш сапёр, как и говорил, а мы не верили. Бронемашина пошла в сторону, а мы, пересев на грузовик, тронулись дальше. Всё-таки военный «УРАЛ» – это машина! Дорога чуть улучшилась (но в при-

вычном смысле дорогой это назвать всё же было нельзя). По бокам привычные два-три танка, пара бронетранспортёров, да две три пушки по краю дорог. Впереди показывается какой-то посёлок. Бомбёжка со всех сторон. Едем по улице, и опять поражают местные жители. Какой-то пенсионер вышел из ворот и, не обращая внимания или вопреки грохоту орудий, бьёт с какой-то решимостью штыковой лопатой по земле, разбивая наледь возле ворот. Вот проходят рядышком один за другим супружеская пара средних лет. Никуда не глядя, идут, согнувшись, как под тяжестью. Я даже специально посмотрел, не несут ли чего-нибудь тяжёлого в руках. Нет, руки пустые.

Сворачиваем за угол. Там другая улица, и первое, что вырывается из сумерек, – голубенькая курточка и розовая детская шапочка. Это девочка лет восьми просто неподвижно стоит напротив ворот дома. Словно ей дома страшно, а на улице идти некуда. Везде грохот, и стоит ребёнок на месте в безысходности. Господи, помилуй, как же страшно смотреть на этих детей войны, кто может оправдаться перед ними и чем?!

Что такое этот «правый сектор» и эти «бандеровцы»? Какое чёрное сердце нужно иметь, чтобы видеть такое и воевать? А они видят прекрасно всё это и продолжают уничтожать людей. Только здесь мы вполне стали понимать, что такое эта война, только глядя на этих людей, страдающих из-за других, точнее даже не знающих, за что они страдают. И мы бессильны, мы спешим, потому что везём снаряды на передовую. Господи, безысходность, какая же безысходность. Поверьте, в такие моменты душе физически больно.

Едем уже в темноте. Наконец, доезжаем до места назначения. Недалеко «работают» миномёты. Это укроповские. По бокам, совсем рядом, как справа, так и слева – лесополоса, там периодически автоматные очереди – «обрабатывают зелёнку». Впереди тоже рядом артобстрел. Темно. Строгая маскировка. Все средства связи здесь запрещены, впрочем, какие-то спе-

циальные рации время от времени включают. Слышим крик в радио какого-то казака:

— Узбек! Если это ты, то бей дальше и правее!

Мы проходим в темноте в избушку, к танкистам. Внутри свет, окна строго затемнены, на полу солома, укрытая куртками ребят, в середине стол. Бойцы поднимаются, кто отдыхал, остальные подходят к нам. Вместе освобождаем стол для молебна, так же кладём Евангелие, крест и мощевик.

— Ребята, вы танкисты? Ну, давайте помолимся.

— Отче, — возглас, и тишину, как аккуратный нож масло, разрезает нетромкое:

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Служим молебен, коленопреклонённо молимся. На всех сходит благодатный покой. Кто молился когда-нибудь, знает эту радость. Все прикладываются ко кресту и мощам святых, всех кропят Крещенской водой. Интересно было смотреть на фотографии этого молебна. В самой избушке было светло, од-

нако несколько фото оказались затемнены. На них светилась фелонь священника, а на одной – в полумраке яркое свечение вокруг креста. Можно по-разному относиться к фотографии, однако мы были там и свидетельствуем явно ощущимую благодатность происходящего. Потом, когда мы уже были в Питере, звонил «Монах» и говорил, что после этого молебна у них не было ни одного не то что убитого, но даже и раненного. Такое на войне «сплошь и рядом». Из опыта многих известно, что Господь Милостив к защитникам Отечества.

Помолившись, мы с удовольствием попили чайку с танкистами. Однако долго сидеть неудобно, ребятам (самого разного возраста) надо отдыхать. На вопрос «Откуда?» знакомый ответ: «Из Инакиева, из Переяславска, Алчевска, Углегорска и т. д.». Из России есть кто-нибудь? Один есть.

– А как же вы? Танк всё же техника сложная...

– Да вот так, переучивались. Кто из трактористов, кто в армии служил танкистом, кто как.

– Понятно. Ладно, нам надо идти. Ну, с Богом...

– С Богом.

Выходим. Однако нашего сапёра нигде нет. Спрашиваем, где он может быть, – нам советуют подождать в соседней, трудноразличимой в темноте, избушке. Идём туда. Во дворе в темноте стоит небольшой отряд военных. Человек восемь направляются на выход. Из темноты только торчащие отовсюду стволы. В глаза бросается ручной пулемёт и свисающие с него ленты с патронами в руках одного из бойцов. Пропускают нас в избушку, сами выходят и сразу растворяются в темноте – казаки. В избушке свет, окна так же затемнены. Нас усаживают за стол и пытаются накормить, но есть мы точно не хотим. Мы торопимся, в городе нас ждут отец Иоанн, наш водитель из монастыря и Лёша-казак. Но наша спешка как-то ни на кого не производит никакого впечатления. Где наш сапёр никто не знает, и похоже не очень-то пытаются узнать.

Дело в том, что машины его нигде нет, а куда уезжает – он никому не докладывает. На улице мелкий дождь. Нас успокаивают:

– Ну он же знает, что вы здесь. Так что, когда нужно, заберёт.

– А вы что – икону привезли? – это один из командиров спрашивает.

– Да нет, просто помолиться приехали и частички мощей святых привезли, – перечисляю святых, чьи частички мощей у нас с собой.

– Ух ты! А можно приложиться?

– Ну, конечно, – вытаскиваю мощевик, он прикладывается с чувством, и как бы вдыхая от мощевика.

Проводит нас в соседнюю комнату, показывает на солому в углу комнаты, накрытую плащ-палаткой:

– Отцы, мой совет – ложитесь отдохните. Неизвестно, что когда будет.

– Мы не можем, нам надо спешить, нас люди ждут.

Казак смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

– Ты же монах, а значит должен знать, что на войне торопиться нельзя.

Это парень лет тридцати пяти, приятной наружности, лицо серьёзного человека, для которого передовая – место знакомое и естественное, лицо войны. Делать нечего, спать мы, конечно, не легли, но сели пить чай. Через полчасика появляется, «как свет в окошке», наш «Монах», улыбается. Ну, слава Богу, скоро поедем. Нас переводят в другую избушку, туда, где сапёры и «птурщики» (это стрелки из ПГУРСов, противотанковых ракетных ручных установок, таких, как миномёты ручные, только мощных и посложнее). Снова нужно подождать, пока наш сапёр что-то где-то там разгрузит. Ну, ждём.

Через минуту двадцать заходит наш сапёрный командир:

– Надо подождать ещё минут сорок, – и, глядя на наши безрадостно вытянутые лица, поясняет, – ребят надо с первой линии забрать. Они там несколько дней сидят, им смена пришла, а они сменятся только через сорок минут. Заберём их заодно и отвезём в часть, устали парни.

Снова пьём чай и разговариваем с бойцами, кто-то расспрашивает важное для него, кто-то рассказывает что-то сокровенное. Как-то уютно. На улице всё это время так же бомбят, так же время от времени с боков автоматными очередями «обрабатывают зелёнку». Выходим на крыльце. Там в темноте слышим канонаду, автоматную стрельбу впереди и рассказы бойцов. Вот в воздухе засвистело. Это ответный минный удар укропов по нашим позициям, но в сторону. Стоим на улице. Тихо рассказывают, как когда свистят мины, когда нужно бежать и куда, как отбивались вчера и позавчера. Прошлую ночь их позиции накрыли плотно, сейчас просто наши поддерживают артогнём сбоку (похоже, Узбек), и не дают укропам со средоточиться. Кстати, «Сушка» вторая, сегодня бомбила эти позиции, а «точка У» – баллистическая ракета – в самом деле была, её правда сбили наши на подлёте.

Вот засвистело совсем близко, и нас просят зайти внутрь, потом в блиндаж (во дворе выкопано подземелье и укрыто ка-

менными плитами). Но от блиндажа мы отказались, как-то неудобно, лучше вместе со всеми, здесь, в избушке. Взрывы от мин перемещаются постепенно назад. Заходит один из солдат, улыбается:

– А хорошо, что вы не поехали сразу. Сейчас как раз эту дорогу бомбят. Вас бы в аккурат накрыло.

«В аккурат», видите ли. Однако прав оказался тот казак: на войне торопиться нельзя. Дверь приоткрывается и заходит человек. Увидев нас, немного смущается.

– Простите, пожалуйста, я тут возьму ружьишко.

И выволакивает из соседней комнаты всем знакомое по старым военным фильмам противотанковое ружьё времён Отечественной войны. Оно на самом деле очень большое такое, массивное. Человек с ружьём так же тихо и деликатно исчезает за дверью. На наши вопросительные взгляды отвечают, что на самом деле это удобная для войны штука – пробивает любую броню, и солдатик (он, кстати, очень крупный, наверное, это ему нужен был 47-й размер обуви) очень это ружьё любит. А сейчас пошёл с ним на позиции. Очень радушки к нам бойцы, а ведь это время их отдыха, скоро их сменят уставшие с передовой. Через какое-то время дверь снова открывается и заходит смена с первой линии, те, кого мы ждали. Ну, слава Тебе, Боже. Совсем молодые ребята, насквозь промокшие – на улице дождь, и вообще погода эти дни сырая и холодная.

Как раз перестали бомбить в той стороне, куда нам ехать. Ещё немного времени собираемся, слушаем инструктаж: если нужно просто остановиться, то стучат из кузова по кабине размеренно, если опасность, то по-другому. Дело в том, что машина на этих дорогах ревёт так, что не слышно выстрелов стрелкового оружия снаружи. Если обстрел, то одни бойцы открывают ответный огонь, остальные высакивают и стреляют с другой позиции. Если обстреливают с обеих сторон, то просто несёмся на всех парах, а ребята отстреливаются в обе

стороны одновременно. Ну, всем всё, наконец, ясно, и едем обратной дорогой. По совершенной темноте, без фар, однако, за стёклами всё как-то различимо, вышла луна.

Состояние как бы душевной размягчённости. На войне возникает такая особая братская близость, всех тянет на откровенность, полное доверие друг к другу. Потом этого всем, кто был на войне, будет не хватать. Подпрыгивая огромной машиной на ухабах и отчаянно газуя в непролазной грязи, мы с «Монахом» поём громким дуэтом «Эх, дорожка фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая...». Потом вдруг останавливаемся, и Монах задумчиво изрекает:

– О, свернули не туда. Мы ж в тылу у укропов, так можно и нарваться.

– «О»? А ты знаешь, куда ехать?

– Да конечно, мы не успели далеко отъехать.

В самом деле, проезжаем с полкилометра назад – и мы на нужной дороге. Вот из темноты, с боков дороги, торчат стволы наших пушек. Честно говоря, вид самих стволов – покоя, мягко говоря, не принёс, и спокойно вздохнули, только когда разглядели казачков из пушечного расчёта. Интересно, как этот майор заметил, что мы проехали мимо, ведь ночь и ландшафт совершенно однообразный. Добираемся всё же до поворота на город, а ещё минут через 15 включаем фары. Ну, это уж совсем комфорт. Наконец, мы в воинской части. Наши заждались, переживали, не знали, что и думать, и всякое такое. Все устали. Прощаемся, обменываемся телефонами и пожеланиями. «Монах» садится в свою «Ауди» (он на ней приехал на войну) и едет в штаб. А там – к себе, в скромную, как монашеская келья, маленькую комнату, которая находится в штабе же, за стенкой его кабинета. Мы будем «На связи».

Ну что – всё познаётся в сравнении. Едем домой, и те дороги, о которых мы говорили «ухаб на ухабе», теперь оказались вполне приличными, просто-таки хорошими дорогами.

Разрывы снарядов постепенно отдаляются. Все под впечатлением сегодняшнего дня, «ушли» внутрь себя. Блокпост. Нас тормозят – ребята встревожены, их всего двое.

– Отцы, осторожно. Впереди на дороге недавно работал пулемёт. Что там такое – непонятно. Наши поехали, но пока не вернулись. Можете здесь подождать.

– Да поедем. Если что, отобъёмся. Мы же с оружием.

– Ну, смотрите сами. Только аккуратнее.

Едем. Через пару минут видим встречную машину на аварийке. Это наши с блокпоста. Никого они не нашли, и кто там стрелял – непонятно. Какая-то, видимо, мелкая группа прорвалаась, хотя гадать бессмысленно. Зато появилось одно радостное известие: утром нас ждёт наш Анатолий. Он созвонился с Олегом – командиром танкистов, тот разрешил приехать к ним. Они сейчас на передовой, в той части котла, которая за Перевальском. Впереди показался блокпост Антрацита, значит, скоро будем дома. Приезжаем неизвестно во сколько, даже на часы ни один не смог посмотреть. Просто вошли в дверь и, без всякого перехода, – уже утро, просыпаемся.

Донбасс. День седьмой (последний в этой поездке)

Решили сегодня же, сразу с позиций танкистов, выдвигаться на «О». Мы уже очень долго отсутствуем в монастыре, надо заниматься своим прямым делом, скоро Великий пост. Прощаемся с отцом Алексеем и матушкой, целуем ребятишек, все нам уже как родные. Но в путь. Встречаемся с Толей и движемся на Перевальск. Канонада особенно остервенелая. На дороге возбуждение большее, чем обычно. Несутся на большой скорости грузовики с боеприпасами, обгоняют с боков легковые с бойцами, идут танки колонной машин шесть, бронетехника, тянут пушки, проскаивают, обгоняя миномётные

расчёты. Подъезжаем к блокпосту у поворота от Перевальска к передовой. На посту все новые, взрослые.

– Подождите. Там, похоже, прорыв.

Звоним Олегу:

– Что там у тебя, Олег?

– Отцы, ехать дальше нельзя, идёт бой, давайте назад.

Ну, что тут будешь делать? В танковом бою мы точно помочь не сможем ничем, а вот навредить сможем, если поедем без разрешения. Разворачиваемся и едем назад. Через пару часов выясняем, что атаку укропов наши отбили, бой идёт, но стоят прочно. Ну, слава Богу! Что ж – настало время нам возвращаться. Мы знали, что это время наступит, и двинулись на «О». Толя провёл нас, как всегда, через таможню, на нашей стороне нас узнали, но долго и тщательно обыскивали. Затем мы попали в объятия к Михалычу. На утро выехали, наш болящий брат остался с «Газелью» в больнице.

А дальше мы ехали назад в монастырь. Дорога обратно была непростая. Мы несколько дней простояли с поломкой «УАЗика» в Богоодицке, где встретили много прекрасных людей, и они помогли нам. А наш болящий брат покинул больницу, догнал нас и так далее. Всё обычное и не очень важное. Мы ехали в тишине, по России, домой, а люди, ставшие нам близкими, остались воевать и переносить тяготы войны со своим народом – с нашим народом. Как они там? Помоги им, Господи! И сделай так, чтобы война эта окончилась и не перешла на остальную Россию. Чем для нас была эта поездка? Оказались ли мы достойными дел МИЛОСЕРДИЯ? Наверное, нет. Может быть, пока нет. Пусть это будет началом нашего пути к Состраданию, пути к Милосерию и станет частью нашего пути к Богу. Надо молиться, чтобы не было войны на нашей Родине, однако не как мы хотим, но как Бог.

Наверное, нужно добавить одну небольшую деталь. Мы выше упоминали про ленточки с псалмом «Живый в помощи Вышняго...», молитвой Кресту и всем остальным, что мы за-

купали в Вырице для приходов Антрацита и вообще людей Донбасса, как мы потеряли всё это, а потом удивительным образом нам таможенники подарили всё это же, только в большем количестве. Коробка с ленточками, иконами, молитвословами и крестиками всё время сопровождала нас на наших дорогах по Донбассу. Однако, когда мы выезжали, оставили её в машине у Анатolia с твёрдым его обещанием передать всё, что осталось, отцам Алексею и Иоанну, а те раздадут Антрацитовским отцам. Всё же мы и для них, в том числе, брали всё это.

Так вот, на другой день после нашего отъезда случилось происшествие, в результате которого у Анатolia пропала на два дня машина. А когда машину вернули, содержимого в ней не оказалось. Не было там и нашей коробки. Таким образом, на Антрацит и приходы наших отцов ничего мы из этого не передали. Прошло время. Пошла вторая неделя Великого поста. Мне необходимо было ехать в Питер по делам обители. Конечно, вырываюсь к своим в Вырицу, а когда выхожу из часовни прп. Серафима, из ларька выбегает матушка – и ко мне:

– Отец, отец, ни тебя, слuchаем, Варлаам зовут? Я из иконной лавки. Помнишь, вы у нас ленточки для Антрацита покупали?

– Меня... Помню...

Так... Попался. Я честно-благородно собрался поблагодарить этих матушек и рассказать, как мы эти самые их ленточки и всё остальное, что у них взяли, добросовестно довезли и благополучно раздали, – в общем, навратить с три короба, и раскрыл уже для этого рот, однако та не даёт мне этого рта раскрыть:

– Да как вы же в спешке их у нас в лавке и забыли!

– В лавке забыли?! Да ты что, мать?! А мы там всё перерыли на восемь рядов. Так вот, слушай, там такая история произошла...

И рассказываю ей, как нам всё это вернулось на таможне и прочее, умалчиваю лишь о том, что в Антрацитовскую область, отцам у нас не получилось оставить (зачем расстраивать женщину?), и заканчиваю рассказ великодушным:

– Так что, мать, пусть всё, что мы у вас оставили, и останется вам в пожертвование.

– А мы отдали всё.

– Как отдали? А куда?

– Да ты понимаешь, с неделю назад приехали казаки какие-то, мы спрашиваем: «Откуда вы?». Те говорят: «Из Антрацита». Ну мы им и отдали. Думаем, вы же туда хотели отвезти, а они пообещали там всё раздать по приходам...

На этом, собственно, можно и закончить эти путевые заметки. А со всеми нашими из Донбасса мы – «на связи».

Зима. 2014 г.
Монах Варлаам

Раздел 3 **По-разному о радостном**

Часть 1 **Тишина в «Крестах»**

1

Времени около четырёх часов утра, в «Крестах» тихо-тихо... Немыслимая какая-то тишина, ни одного звука в тюрьме, ниоткуда. В одной из камер на корточках сидит инок и пишет письмо своему духовнику, он только что отчитал утреню, часы и изобразительные, теперь хотелось побывать в этой тишине. Ни в одном скиту не бывает так тихо, там либо звуки природы, насекомых, ветра и чего-то подобного, либо другого, но не так. Очень любил этот час и дорожил этим временем в тюрьме инок, однако просто посидеть, помолиться, как всегда, сегодня не получится, надо написать батюшке.

На полу у ног лежала кошка Мусыка, очень умная и красивая, гордость всей камеры. А прославилась эта Мусыка удивительным образом. В камере нас было десять человек, это на шесть-то коеч (шконок), однако, у очень многих условия были и похуже, чем у нас. У нас был красный угол с иконами, мы молились по-настоящему и, надо сказать, любили помолиться. А стояло тогда в камере на молитве у нас уже восемь человек. Один был мусульманин, а один молился отдельно, шутили – катакомбная церковь.

Дак вот, настало время Мусыке рожать, ну, родила, всё честь по чести, отметили это дело, а котят с мамашей разместили в

коробке под койкой.³⁸ Пришло время молитвы – стоим, молимся, и в какой-то момент Муся, спокойно, не торопясь, стала зубами вытаскивать своих слепых котят из коробки и раскладывать их рядышком, прямо перед нами под иконами, одного за другим в ряд, а когда разложила их всех, то сама улеглась тут же, чуть выше, над головами деток, касаясь их животом³⁹.

Муська вела себя как ни в чём не бывало, будто это обычное дело, хотя ничего подобного она никогда не делала. У нас почему-то холодок пробежал по спине. Однако молитву прерывать нельзя, читался как раз акафист святителю Николаю, причём один из арестантов читал его наизусть. Другой сиделец не выдерживает:

– Отец, что происходит, не может же она, в самом деле, понимать, что мы молимся?

– Не знаю, Костян, окончим молиться, спросим у неё.

Меньше часа у нас правила не было, кошка с приплодом, не шлохнувшись, пролежала всё время, а после заключительных молитв так же спокойно, без спешки перетащила котят обратно в коробку. Пощумели, порадовались, покричали по тюрьме, никто не поверил, а на следующую молитву этим же днём наша Муся деловито и спокойно повторила то же самое в том же порядке, а сама глаза прикрыла, как от удовольствия.

– Отец, это она молится вместе с нами и котят сразу приучает, – говорит катакомбник, катакомбники всегда знают всё.

– Ну, во-первых, только с нами, что-то к тебе, катакомбнику, она ребятишек своих не поволокла. А если серьёзно, то не знаю, мистика какая-то, ну, не может кошка молиться, поймите.

«Может – не может» стало основной дискуссией как наших, так и соседних камер, там редко кто молился, однако, в

³⁸ Я умышленно избегаю, где возможно, тюремного жаргона, ни к чему это.

³⁹ Здесь и далее я буду упоминать только те случаи, когда было много очевидцев. Скажем, чудес – нормальных чудес – было очень много, однако упоминать возможно только те, которые происходили при многих свидетелях.

вопросах богословия, конечно же, все были «осведомлены по полной» и в молитвенных способностях Муське отказывать не желали ни за что. Мы как-то вяло отбивались:

– Нет, ну, безусловно, всякое дыхание хвалит Господа, однако, здесь нечто другое, может роды как-то утончили её природу, и она инстинктивно стала ощущать благодать, заключённую в словах молитв и Священного Писания, не знаю, ну вас, всяко бывает.

Надо сказать, не хотелось спорить, кто пришёл в монашество, пройдя все ступени, хорошо помнил, что подобные темы – распространённый и достаточно часто обсуждаемый «теологумен» в паломницких келиях. Для нас же поведение кошки было удивительно, и мы просто наблюдали, не объясняя себе (кто знает, что она ещё выкинет).

Между тем наша кошечка твёрдо придерживалась своего неведомого правила, до тех пор, пока у котят не стали открываться глаза, потом прекратила, может быть, потому что ребятня стала расползаться. То есть, почти всю неделю это животное спокойно и сосредоточенно раскладывало котят и ложилось само перед каждым правилом между нами и иконами, практически у наших ног, расстояния в камерах, знаете ли, невелики. За это время убедились уже все.

Многие из тех, кого вызывали из камер на допрос или к адвокату, в баню и прочее, под разным предлогом подбегали, во время молитвы, к окошечку в двери камеры (кормушке) и радостно наблюдали; смотрели и конвоиры, и корпусные, и баландёры, а однажды «маски» ворвались с обыском и замерли на пороге, в тот раз. мы сами быстро убрали Муську с приплодом.

Сейчас эта знаменитость, замерев, прищурив глаза и чуть подрагивая ухом, лежала в ногах инока, будто слыша его мысли, а тот в самом деле, когда уходил в воспоминания, как бы молча рассказывал всё Муське, а иногда рассуждая как бы со стороны.

2

Так, опять отвлёкся помыслами, надо дописать письмо батюшке, Господь заключил в этой тишине таинственное свойство, пишешь ты или думаешь, принуждать к молитве. То есть вдруг ловишь себя на том, что внутри ожила и движется сама собой молитва. Трудно передать эту радость, и тогда думалось, что так теперь будет всегда, да вот нет. Очень редко Господь будет даровать иношу такую молитву после тюрьмы, очень редко. Тогда же невольно вырывалось:

– Благодарю Тебя, Господи, как хорошо, что Ты привёл меня сюда.

Никогда ёщё Господь не был так близко от инока. Только здесь опытно, на деле узнал он, что значат на самом деле слова Писания: *Где умножается грех – там преизобилует Благодать*. Только ёщё один раз Господь так приблизится к нему, когда он уже в мантийном постриге, с другим именем, будет в реанимации с инфарктом. И за оба эти раза, как за тюрьму в иночестве, так и за реанимацию в мантии, всю жизнь не-престанно инок будет благодарить Бога. А тогда в «Крестах» сокамерники будут просто дивиться, когда он каждое утро благодарили Бога за эту тюрьму, некоторые даже почти начали верить в искренность такой благодарности, да вот причины не понимали.

Тишина. Письмо зависло на середине, только одно – Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного... и как радостно от одного этого...

А как не хотел он ехать в тюрьму тогда, прекрасно понимая, что ничего не изменить, что значит есть на то воля Свыше, тем не менее, спрашивал:

– Куда?! За что??!!

Позор этих съёмок и показ по телевизору. Потом раскрасневшееся от ненависти лицо оперативника, наполненные злобой до краёв глаза, по краям рта тонкая белая пена:

– Почему?! Почему?! Если ты никого не убил, не взял чужих денег и никого не сдал, почему же тогда ты ушёл в монахи, ну зачем??!

Господи, какая грязь в голове этого человека:

– Понимаете, если вы это спрашиваете, вы не способны понять ответа.

– Что!!! Да я тебя!

И именно в этот момент пришло успокоение.

– Да делайте, что хотите, однако вы просто знаете лично, что я не виновен в том, в чём вы меня обвиняете, и будете вынуждены узнать, что никаких денег я не брал, на убийство никогда не был способен, что также вам известно. А насчёт сдать – вы же меня знали до монастыря лет десять, да вы были тогда ещё юношей, так скажите мне, когда-нибудь кому-нибудь из вас я что-то говорил в своей жизни о других?

– И главное, того человека, которого вы ищете нет в живых, перед вами монах, служитель Бога. Однако и тот, другой, ни в чём не виновен перед законом и никогда не позволил бы себе уйти в монастырь в бега. А в двух словах ответ на ваш вопрос звучит так: «Призовёт Господь, пойдёте и вы, просто встанете и пойдёте».

Последнее почему-то вызвало у него негодование. Но это не последователь, тот по милости Божией будет серьёзным человеком. Иноч же теперь со всей отчётливостью понял – всё. Это искус – началось испытание, привёл к этому Господь, и в этом испытании он не должен ни в чём отступить от заповедей Христовых, от образа монашеского, ни в чём, и тогда Имя Иисусово проведёт его через любые преграды. Тогда он и услышал в сердце без его воли зазвучавшее – Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного. Это было знакомо, но здесь не ожидал. И стало радостно. Да, ну и пусть этот оперативник не понимает, ну и что, он пы-

тается сделать свою работу и делает её так, как его научили. Конечно, он не верит. А я бы поверил на его месте? Да не факт.

3

Да что ж такое, нет надо во что бы то ни стало дописать письмо духовнику и с баландёрами (те, кто развозит обед – баланду) передать на волю. Законным порядком отправлял несколько раз, однако ответа не было.

Тишина – Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного...

Тишина спасительная, утешающая. Многие арестанты на самом деле пользуются этим временем, молча, открыв глаза, лежат, не шелохнувшись, на койках и уходят в воспоминания родных, детей, родителей, кому что дорого. И не у одного стекает, оставляя на щеке мокрую полосу, тихая слеза, и никто этого не увидит, последнее здесь особенно дорого. Но что-то помыслы и воспоминания сегодня одолевают не на шутку, и молчаливое повествование Муське продолжилось.

– Да... потом завезли в «Кресты», там всё по порядку, сначала «собачник», такая общая камера для вновь прибывших (как будто Муська этого не знает), потом баня, фотограф, и распределяют по «Крестам» кого – куда.

Тут-то и произошла первая из многих заковыка. Подбегает ко мне один из хозобслужи:

– О! Кто это у нас тут? Монаах? Короче, быстро к парикмахеру, там бреешься, голову тоже бреешь наголо и потом в баню. Быстро!!

Очень хотелось заговорить с представителем этого контингента на их языке, но нельзя – я инок.

– Послушай, рабочий!

– Я тебе не рабочий! – с каким-то подлизгиванием, перебивая, заорал человек из хозобслужи.

– Ты рабочий, а я монах, пойми, просто прошу, монахам нельзя бриться, а уж тем более наголо. Я во всяком случае этого не сделаю точно.

– Что!!!! Да кто тебя, чучело бородатое, будет спрашивать? Скрутим по рукам и ногам и обреем сами, да ещё клочками, Давай быстро, а то пожалеешь, отвечаю, обреем по-любому.

Я как-то всем существом почувствовал, если отступлю сейчас – буду отступник, лучше смерть.

– Значит так (...) (не удержался и назвал его настоящим его именем (только ещё один раз заругается матом инок в тюрьме, но непроизвольно)), только мёртвого вы меня обреете, но и с собой я заберу вас несколько.

Вытаращенные глаза, перекошенные чернозубые рты, какие-то крики, уж не помню, и человека четыре, все как один, неуклюжие и толстощёкие в смешных, торчащих на макушках, маленьких шапочках «а ля Швейк», с одинаковыми бесстыжими и безжалостными глазками, окружили меня, однако, рывком назад я прижался к стене. Основным фактором было то, что я очень хорошо знал подобных типов и совершенно их не боялся. Ну что ж, началось. По-моему, пара-тройка человек добавилась, но они только мешали друг другу.

Надо отдать должное, в тюрьме мгновенно чувствуют ситуацию, и уже через несколько минут этой схватки их старший опёрт:

– Нет, бесполезно, здесь что-то не то, зовите «масок», пусть сами с ним разбираются, а то этот придурок тут наделает дел. И пояснил всё известной матерной фразой, по смыслу перевода означающей: «Зачем это нам нужно».

Тем временем какая-то вялая возня продолжалась, кто-то что-то кричал, пытаясь ухватиться за меня, а я, в таком же ключе отбиваясь, молился, чтобы не заругаться матом, и сам себе удивлялся – вроде можно же в такой момент и о другом чём помолиться, так нет, как перемкнуло с этим матом. Их вроде

становилось меньше, борьба явно шла на затухание, и вдруг кривляющийся и пытающийся меня как-то ухватить, вцепиться полукруг одновременно разомкнулся.

Впереди прямо на меня бежали человек пять омоновцев, в масках, с дубинками в руках, с наручниками и паралитиками на разгрузках⁴⁰, всё «честь по чести».

– Господи, да что ж такое, опять маски, опять дубинки, но если Ты привёл меня сюда и мне должно претерпеть, пусть так и будет, однако властям сопротивляться нельзя.

И как-то сами собой сложились за спиной руки, я наклонил голову и двинулся на «масок».

– Господи, на всё воля Твоя.

Но вместо удара дубинкой и грамотно проведённого «болевого» вдруг услышал громкую команду:

– Всем стоять, не трогать его.

Открыл глаза, оказывается, они были у меня закрыты, а сам я уже чуть не упёрся головой в грудь командира «масок».

– Ты кто?

– Монах.

– Это как? Не пьёшь, не куришь?

Надо сказать, странный вопрос в той ситуации, но отвечаю:

– Не пью, не курю.

– А что дерёшься с хозобслугой?

– Они сами напали, хотели насильно обрить наголо, а монахам нельзя.

– Что, серьёзно? И ты поэтому такой обросший и с бородой?

– Ну да.

– Так, расслабились все, и принести мне его дело.

Дело принесли быстро, и омоновец стал его внимательно читать. Инок замер: там было много из его домонашеско-

⁴⁰

Это такие жилетки, в которых военные размещают всё необходимое.

го прошлого, и представлено оно было крайне отрицательно, поэтому реакции можно было ждать какой угодно. Командир закончил читать и на удивление, без злобы, но очень долго и внимательно смотрел на меня.

— ... Да ...

Потом, помолчав щёё, подумал, и как бы собравшись, начал командным тоном:

— Так, вы что тут беспредельничаете? Он три года в монастыре, у него официальный постриг, все документы от монастыря, все на месте. Человек отрёкся от мира. А вот посадят его вряд ли, хотя сейчас чего только не бывает. И никто его ни брить, ни стричь не будет до суда, если до этого дойдёт.

— Ну, давай, монах, удачи тебе.

— С Богом, командир.

Уже утром через пару дней, выходя от адвоката, я встретился с этим командиром, он был так же командиром шмонщиков (тех, кто обыскивает).

— О, монах, айда сюда.

И очень тщательно меня обыскал, имеется в виду, заставил снять обувь, вытащить стельки, проверил носки, просмотрел всё тело, подмышки, под коленками, просмотрел все швы на одежде, равно и воротник, и скуфью, и пояс. И так он меня лично обыскивал месяца полтора, окружающие арестанты удивлённо спрашивали:

— Отец, ты что, террорист?

— Да нет, просто обыкновенный диверсант, нас тут группа, задержали за попытку незаконного перехода в Царство Небесное. Статья, сами понимаете, подрасстрельная, но, вроде, по жизненному обещают. В газетах же писали, совсем, я смотрю, в «Крестах» прессу читать перестали.

Даже видавший виды командир посмотрел на меня с удивлением и, по-моему, с сожалением.

Однако арестанты понимают как надо:

- Отец, а как законно туда попасть, знаешь?
- Знаю, как об этом учит наша Церковь, – и это надёжный путь, многие им прошли в Вечность.
- Если напишем, ответишь, отец?
- Отвечу, пишите без матов и человеческим языком, о таком нельзя на жаргоне.
- Годится, какая хата?
- Такая-то.

И поверь, что переписываясь так, особенно радовала заинтересованность этих, часто молодых, ребят, то, как они докапывались до истины, высматривая самую неожиданную мелочь, которая, конечно же, мелочью не была. Так что мне пришлось от катихизиса и Закона Божиего до толкований святителя Филарета и прочую литературу у себя собрать, благоскоро представился случай; но об этом чуть позже.

А однажды этот командр масок, каким-то ему одному понятным образом усвоив себе, что я точно не буду нарушать закона, перестал меня обыскивать совершенно. Опять же невольно ставя в неловкое положение. То есть всех обыскивают, а меня нет, просто отодвигая в сторону. Арестанты опять косятся:

- Что, отец, монахов не обыскивают?
- Конечно, нет, это у мирских, если пошёл к адвокату, то обыскивают арестанта, а у монахов обыскивают, наоборот, адвокатов, давно, уже, наверно, с полгода как.

Командр уже руками отодвигает:

- Отходи, отец, не мешай.

Инок улыбнулся, да хороший человек, этот командр. И вообще много очень было хороших людей и событий. Надо сказать, что все, описывая подобные места, пишут только плохое; да, тюрьма – это родной дом страстей и скорбей, вообще любого горя, но нужно не задерживать в себе плохое в таких местах, слишком уж его здесь много, и слишком угодно злу, что бы мы оставляли его в себе, слишком. И помнил инок, что

на это была воля Божия (точнее, это в случае каждого человека, просто инокам это уже ясно), и как-то не поднимается рука писать плохое. А уж если честно, то с Богом нигде не страшно, но вот вполне понятно это становится только в каких-то, ну, очень скорбных обстояниях.

И какая радость, когда неотвратимо накатывающееся это самое плохое – чистое зло, мастерски задуманное и спланированное умными и обученными на это людьми, – по молитвам близких и немощным, казалось бы, молитвенным путегам твоих же сокамерников вдруг превращается в хорошее – в добро, да ещё какое. Или просто радостные встречи, которые оказываются на поверку крылом Ангела Хранителя, которое дал тебе увидеть и почувствовать Господь. Что может стоить подобное?

5

– Так, Муська, ты слушаешь?

Беззвучный вопрос, но, слава Богу, что и остался без ответа, а то в тюрьме всякое бывает.

Первое время не выводили в церковь, а в монастыре у нас тогда четыре службы в день было по уставу, ну благочинный так распределил богослужебный круг, надо сказать, очень удобно, особенно для новоначальных, каким я и был. А тут, ни с того, ни с сего – тюрьма, первые месяца полтора особенно было тяжко, по камерам таскают, где непонятно кто, и в церковь не выводят, хоть помирай. Причём, на каждой проверке утром я говорю, что мне, просто по чину, необходимо в церковь, но говорят:

– Мы передаём священнику, он тебя не вызывает, а сами не можем, – даже списки показывали, но в списках на посещение церкви меня вправду не было.

Это было самое трудное время, но только потому, что было без храма.

Как-то открывается камера:

– Такой-то (это я), на свиданку.

Ну, «опять двадцать пять», все прекрасно знают, что свидание мне пока не положено, соответственно – какая-то очередная провокация. Первое время мне постоянно устраивали «случайные встречи»; то есть вызывают куда-нибудь, ведут не пойми как и в одном из коридоров в это время «случайно» проводят кого-то из бывших знакомых или друзей, мы сталкиваемся, а они наблюдают. Когда же убеждатся, что результат противоположный, чем они предполагали, просто отводили обратно в камеру. И так раз за разом, однако, кто ж тут будет жаловаться, хоть пройдёшься, прогуляешься лишний раз, в тюрьме это утешение. Чаще всего вызывали на рентген, и если бы каждый раз, когда на этот рентген вызывали, мне бы его делали, то я неизбежно умер бы от облучения.

А тут ведут в комнату свиданий, ну, думаю, значит там, в коридоре, кто-нибудь, интересно – кто теперь? Однако, нет, в «предбаннике» никого из знакомых, заводят прямо в помещение для свиданий. Ряд стульев с перегородками, глухие стёкла, под ними полки с чёрными телефонными трубками. И вдруг, вижу, за одним стеклом просто светящееся от широченной улыбки лицо нашего тогдашнего игумена, которого очень люблю, подлетаю, хватаю трубку:

– Батюшка, дорогой, но как?!

Из трубы чуть искажённый голос игумена, но это его радостный голос:

– Да, там, ну...

Батюшка не мог справиться с улыбкой, он не просто светился, он окружающее делал светлее.

– Три дня хожу по всем инстанциям, поднял, там, ну, всех знакомых, был у твоего следователя, начальника УГРО, начальника ФСБ, а с утра, там, ну, у начальника тюрьмы, он разрешил. Всё просмотрел, ты ни в чём не виноват, так что, не переживай.

– Да я, отец Иларион, и не переживаю, просто…

Батюшка перебивает:

– Так, чётки где?

– Да вот, на руке, не расстаюсь.

– Скуфья на месте, ну, тогда всё в порядке, – и вдруг с радостным воодушевлением: – Не бойся, малое стадо, тысячи монахов прошли через «Кресты», и многие из них здесь погибли.

Я рассмеялся, батюшка в своём духе. В самом деле, все их подозрения в случае игумена были несерёзны, я же был на его глазах круглосуточно, адреса моего никто не знал, не благословляли сообщать, а выезжать тогда из монастыря в мир не разрешали. Я помню, 30 сентября мы поехали в Александро-Свирский монастырь на престольный праздник, и наместник спрашивает у меня:

– Отец, ты когда, последний раз монастырь покидал?

– Да год назад, отче, на этот же «престол» в Свирский с Вами же и ездили.

Наместник задумчиво пожевал губами:

– Да… что-то ты зачастил.

Мы вспомнили это с игуменом и посмеялись, он рассказал все новости в обители, рассказал про моего духовника, писем не получали, а потом спросил:

– Ты почему от церкви отказываешься? Он что, ну, местный священник, еретик?

– Да нет, отче, почему – не знаю, но говорят, он меня не вызывает в церковь, я пропущусь уже полтора месяца каждый день и без толку, сил уже нет никаких без храма, без Причастия.

– Вот недоразумение, там ну, а мне он говорит, я его вызываю, а он отказывается идти в храм⁴¹.

– Да нет, отче, я сам списки видел, не было меня в них.

⁴¹ Тогдашний священник в «Крестах», отец Григорий, перепутал меня с одним сидящим за что-то иеромонахом, который в самом деле отказывался ходить в храм, хотя его каждый раз вызывали. Какое-то там искушение было.

– Ну, с этим разберёмся, – потом, понизив голос, получше прижался к трубке:

– А Причастие я тебе принёс. Можно как-нибудь просунуть тебе? Я у одних трудников спрашивал, говорят, можно как-то.

– Батюшка, тут не просунешь, но дело ещё в том, что нас сейчас прослушивают, ну, минимум две службы, и что они вообразят, неясно.

Батюшка, снижая голос до шёпота и предельно прижавшись трубке:

– Так, я же тихо.

Святой человек. Пришлось кратко в телефон разъяснить, что такое Причастие, и его не обыскивали.

– Батюшка, мне тут книги нужны, кое-какие, толкования Священного Писания и прочее, пришлёт?

– Конечно, там, ну, какие хочешь, сей, сей, может, на это и здесь.

– Спаси Господи, хотелось бы с той стороны решётки сесть...

Но сколько сил, сколько тепла передал тогда мне этот игумен, знаем только я и Бог. А с посещением храма вопрос решить они не смогли, а решил его один простой арестант Дмитрий, тот самый, который наизусть читал акафист святителю Николаю (по-простому решил, по-арестантски). И в храм я с тех пор до освобождения ходил каждое Воскресение. С Димкой мы дружим и по сей день. Да и с книгами помогали как-то все, кто мог.

Кошка вдруг поднялась, выгнула спину, потом, наоборот, прогнулась, касаясь пола втянутым животом, протягивая далеко вперёд сильные передние лапы, и, прижав уши, сладко потянулась. Далеко-далеко вверху послышалось движение, звонко, но далеко клацнул на крайней камере в замке ключ, было слышно, как отворилась дверь, и пока всё ещё издалека послышалось:

– Так, на проверочку, все вышли!

Вот и заканчивается сегодняшняя тишина. До нас проверка дойдёт никак не раньше получаса. Тихо говорю:

– Эй, катакомбная церковь, спиши?

– А....о....у....хррр...

Даже захрапел бедолага. Ещё тише, чтобы не разбудить остальных, повторяю:

– Катакомбник, проснись!

– XXPPPP... xxhrppr...

Храп усиливался, становился глубже. Да, какой крепкий сон у человека; тогда говорю почти шепотом:

– Может, нам чайку заварить?

Последнее слово заглушило громким шлепком – это босые ноги катакомбника хлопнулись об пол:

– Точно, как раз до проверки успеем, где чай?

– Где всегда, как заваришь – остальных разбудим и все попьём перед проверкой, на этих проверках тоже всякое бывает, а мне, прости, письмо духовнику дописать надо, хоть тресни.

Хочется сказать, что в таких местах, раз привёл Господь, надо жить и молиться, без фанатизма, но непрестанно, держаться мирно и просто, по-братски, незаметно утешая и поддерживаая ближних. Жить без «помпы», как все, при этом от Христа, однако же, не отступая ни на миг. Так, чтобы и с этой скорбной тропы, на которую привёл Господь, выйти на путь, ведущий в Царство Небесное, молить Творца, да даст сил преодолеть Именем Христовым все препядствия, вопреки силам зла (как бы уже поймавшим тебя), стать угодным Христу,

И это и здесь так же ничто иное, как возвращение Творцом Своего создания Себе. И нам должно двигаться к Нему, к Создателю всего, из любой точки, в которой Он же нас и разместил, а чтобы не сомневаться в этом, вспомни слова преподобного Серафима Вырицкого «От Меня это было». Вырваться, пройти, вцепившись что есть сил, за единственную

нерушимую опору, за Имя Христово, через все преграды, взяв только хорошее из самых скорбных троп, а плохое сбросить, и дойти, добрести, доползти, погибнуть на этом пути, если будет на то Его Святая Воля, не оглядываясь, не уклоняясь и не усомнившись ни на мгновение.

Этого твёрдо должны держаться и тюремные священники, не претерпевать служебные дни в тюрьме, но служить, радостно и с благоговением, не упрощать общение и не подстраиваться ни под кого. Помните: вокруг вас умные и проницательные люди, а хорошего в них не меньше, чем в ком бы то ни было, как бы они себя не вели, и то, что они в тюрьме, это личная трагедия каждого. А то, что они на службе, это твой шанс, отче, вывести их из территории зла. Сюда их, дорогой батюшка, как и тебя, привёл Господь, и тебе должно перевести их из состояния падения на путь спасения. Не отдавать предпочтение угождающим тебе, тем более самому не впасть в угождение кому бы то ни было. Только Христос, только Евангельское Слово, только Имя Иисусово, и – ни вправо, ни влево, поверь, тогда не ошибёшься никогда, а тебя поймут все.

Как-то многое вдруг заговорило в душе инока, однако время тишины уже было исчерпано на сегодня. Камеры, тем временем, стали открываться вдалеке, одна за одной, по ряду, Муська подошла к двери и мягко, но одним ровным и уверененным движением по правильной дуге выпрыгнула точно через кормушку в коридор. Что-то звякнуло на улице, на кругу послышался лай собак. Везде началось шевеление, самая большая тюрьма в Европе – «Кресты» – просыпалась.

Сторожно. Святки. 2016 г.
Монах Варлаам

Часть 2

Оторванный лист из старого блокнота

… Захожу в старый храм – собор Петра и Павла, где меня крестили трёхмесячным младенцем; выходит настоятель, видит монашеское облачение – о, а вы откуда? – передо мной седой протоиерей, отвечаю откуда, и слышу законный вопрос:

– А к нам какими судьбами?

– Да так, родился здесь, рядышком, а вот, кстати, раньше дверь в храм была с другой стороны, там ещё ступеньки были такие высокие, вот здесь, а теперь, смотря, заделали.

– Да откуда вы знаете, это же очень давно было?

– Конечно, давно, да мы жили вот здесь рядом.

– Где, какой дом, как фамилия?

Отвечаю и сразу проваливаюсь с ним вместе в воспоминания самого раннего детства, когда бабушка нас с братом и сестрой до школы по воскресеньям водила в церковь. И вообще церковный двор был постоянным местом для наших детских игр, ворота во двор этот, конечно же, закрывались после службы, что, конечно же, нисколько не затрудняло наш путь туда, наоборот, становилось гораздо интереснее пролезать туда самыми различными способами. Только вокруг церкви был бетонированный двор, где не было пыли и грязи и можно было бегать, сколько угодно. Девчонки весь двор расчертывали классами, у сестры за ступеньками спрятана пинашка (такая банка из под леденцов, заполненная песком), её они пинали по квадратам, либо скакали на самодельных скакалках, ну а мыто по-серёзному, пытались освоить церковный забор в новых местах, играя в войнушку, либо по-честному носились по двору, как ненормальные.

И только там был блаженный Миша, за которым мы со страхом и любопытством следили и который неустанно согнал нас с церковного забора. Только там, на этом дворе, был непреступный вход в колокольню, куда если и прорывались, то до верха добежать никогда не удавалось, благодаря тому же Мише да церковным бабулькам, они все святые люди, и это серьёзно. А запах ладана? Того старого ладана, многие нынче и не знают этого запаха, а нас он от многого дурного в жизни удержал, оставшись навсегда запахом детства. И многое, многое дорогое. Но основное чувство церковного двора – это радость, которая возникала только там.

Лицо седого протоиерея разглаживается, в глазах улыбка:

– А помнишь, как на крыльце дьякона передразнивали? – Я помнил, нас там было трое мальчишек, который же из них, интересно, этот священник? Хотя, конечно, неважно. В монашестве многое становится неважным, но становится постепенно.

Неважным кажется почти всё в жизни, в самом деле, ну школа, она у всех школа, ну детство, ну отрочество, всё как у всех, кажется, и писать обо всём этом, ну, не имеет смысла, либо, по-монашески, не можешь.

И как хорошо, даже радостно как-то, что ты в монашестве не можешь писать, скажем, о любви, никак. Ни о тех вечерах, когда мальчишкой стоял под окнами любимой девчонки, не в силах отвести взгляда от этих светящихся жёлтым в ночи, занавешенных плотными гардинами окон, ни о чувстве, владевшем тогда тобой, которое, вопреки всему здравому, будет сопровождать и грустной радостью согревать сердце всю жизнь. Ни о тех песенках, что поют во всех поколениях влюблённые подростки, и при звуках мелодии одной из них во все времена твоей жизни память мгновенно и неизбежно будет возвращать тебя туда. В эти первые, ничем плотским не тронутые, самые чистые, самые искренние чувства, навсегда оставшиеся в тво-

ей жизни нетронутыми. И, безусловно, сделавшиеся частью тебя, необходимой, обязательной, дорогой, только единствен-но твоей, непременно сокровенной от всех частью.

Как забыть всё это? А та спокойная уверенность, да про-сто точное знание, что не то что расстояния, да вообще – ни-что и никогда не в силах разлучить вас. Однако, вот вокзал, пособник всех разлук, и последнее прощание, которое пред-ставлялось только началом новых, уже юношеских чувств, как бы невысказанного, неизведенного пока, но законного раз-вития событий, чего-то настоящего, таинственного, должен-ствующего обязательно свершиться. А сквозь юношескую не-утешность разлуки – одновременно начинавшееся ожидание скорой встречи.

И как-то вначале плавно, затем вдруг разом оборвался унёсший её в никуда (а оказалось – в никогда) перрон и стук колёс. Мгновенный ужас от прозвучавшего в сердце «никог-да», и тут же призванное на помощь здравое рассуждение пытается успокоить всё почувствовавшую душу – «Господи, показалось, фу-у-у ты, почутился же такое». И это останется и осмыслится с годами, как таинственный, однако, явный, от-чётливый знак, первое предчувствие неизбежного. С годами он станет узнаваемым, этот тревожный звонок. Господи! Как давно и как недавно всё это было.

И эти детские глазёнки, которые смягчили и как-то пере-трясли, что ли, основную скорбь ошибок и потерь юности. По сути, просто если бы не было этих потерь, то не было бы и этого туго закутанного в пелёнки, улыбающегося беззубым ртом детского лица, без которого уже дальнейшее продолже-ние жизни у любого родителя немыслимо.

И было потом многое, и многое (да всё) из этого многого даже предположить невозможно было бы тогда. Удивительны-ми дорогами Господь приводит порой нас в монашество. И не-которые из нас прошли их в самой, казалось бы, тёмной гуще,

и мне, например, не встретилось на своём пути ни одного плохого человека. А это были те пути, на которых, казалось бы, их – этих плохих – должно быть больше всего. Нет, плохое, делали многие, и я в том числе, однако, при ближайшем знакомстве с любым, с кем сводила меня эта жизнь, всегда внутри оказывался человек в самом хорошем смысле.

Конечно, мы не будем брать каких-нибудь там сатанистов, педофилов, гомосексуалистов и подобных извращенцев, Господь миловал меня от знакомства с такими. Однако, удивления достойно то, что эта порочная категория в абсолютном большинстве своём обитает на другой стороне жизни, той стороне, которая считается законопослушной и политически лояльной, да более того, как политически-, так и общественно-активной. Поразительно, казалось бы, должно быть наоборот, и все пытаются именно так и представить, однако, нет, дорогие мои, нет, и это непреложный факт. Вот и пойди, разберись. Но мы в этом разбираться точно не будем, раз уж Господь миловал от подобных знакомств.

Мы говорим о тех путях, которыми Господь привёл нас в монашество. Мне все годы приходится читать на лицах людей, узнающих о тебе что-то, что им не понятно, осуждение. То есть, познакомишься с каким-то братом, либо отцом, бывает, прикипиши даже сердцем сразу, а через какое-то время видишь его же, идёшь навстречу с радостью, с чистым сердцем, но в ответ тебя встречает буквально волчий взгляд. Сразу всё понимаешь, человек твой путь посчитал недостойным. Это неотъемлемая часть моей жизни. Первые лет десять, конечно, очень больно было, теперь живу с этой болью и благодарю Господа за то, что Он показывает мне настоящие лица людей. Ведь много у меня и настоящих близких, за много лет ставших родными отцами и братьев, радость общения с которыми смыкает любую злобу, я уже не говорю о старцах. Преподобный Иоанн Дамаскин, да и некоторые другие святые отцы, гово-

рят, что в монашество Господь ведёт несчётным множеством путей и нельзя ни один из них считать выше или ниже. Везде Господь провёл, на всё Его Святая Воля.

Другое дело, что писать, может, не обязательно обо всём, ну, не нужно, не поймёться, да и не может быть понято, когда правда и ложь переплетены, пребывая неизменными, когда закон на стороне преступления и преступления под охраной закона, и многое другое, в чём возможно разобраться, только если сам всё пройдёшь. А вот, когда пройдёшь, то поймёшь, что лучший рассказ об этой части жизни – это молчание. Странно? Может быть, однако тут лучше буквально следовать словам настоящего знатока жизни – поэта, я верю ему, поверьте и вы, что:

...надо оставлять пробелы в судьбе,
а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
отчёркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
и прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
ты сам не должен отличать...⁴²

Нет, в самой жизни особенно ничего не изменится, мы, люди, сделали жизнь такой, что сами запутались и по-прежнему правда – любимое облачение для лжи, а ложь порой бывает единственным средством достижения правды. Только теперь это видишь и не принимаешь, как в юности, личным вызовом к битве, но как знакомую, хорошо известную часть жизни, с которой надо не иметь соприкосновения, не терять на это время. Кто чувствовал, как бесконечно тянутся секун-

⁴² Стихотворение Б. Пастернака «Быть знаменитым не красиво».

ды, знает, как мгновенно проносятся десятилетия, те очень короткие десятилетия, несколько из которых и составляют нашу жизнь здесь.

Это здесь, на земле, а вечность, для которой мы созданы Господом? И обязательный предел, перед которым окажется всякий из живших когда-либо на земле. Как там умолить, убедить Творца? Возможно ли? Как научиться говорить языком того, в чём соборе ты был крещён? Как заговорить сердцем? Даже молитва, если она не от чистого сердца (о чём часто сложно судить), то нет уверенности в действенности такой молитвы, проведёт ли такая в Царствие Небесное? Как много слов мы узнали за свою жизнь, но совершенно разучились говорить их чистым сердцем, напрямую, как в детстве. В детстве все знают, как. А вот нам вернуть ту память, каким образом теперь? Господи, как?

Мысли эти начинают заполнять душу и достигают сердца, а удивительная, умная ткань времени, откликнувшись на этот сердечный зов, неожиданно сжимаясь, приходит на помощь, и направленный вниз взгляд вдруг вместо монашеских сапог упирается в знакомые, такие родные, потёртые детские башмаки с наполовину развязанными шнурками.

Башмаки протопали по высоким ступеням старого храма и привычно шлёпают к открытой двери, дальше знакомый с пелёнок коридор, прохладный тёмный пол, топают мальчишеские ботинки, тянутся по полу шнурки, взгляд уткнулся в стену и поднимается вверх – вот она, огромная икона Того, на чём пояске висят ключи от входа в Царствие Небесное. Вот, Он меня знает, Он послушает ребёнка, вот Ему сейчас расскажу всё...

Сторожно. Рождественский пост. 2015 г.
Монах Варлаам

«Маленькая страна, – мы есть»,¹ или – «Держи дедушку»

Один из 68 рождающихся детей в наше время имеет отклонение, называемое «аутизм». Просто каждый 68-й человек на Земле сегодня рождается с этим диагнозом, и бесстрастная статистика говорит, что соотношение увеличивается в пользу аутизма. Это значит, при нынешней статистике, 1000 рождённых с аутизмом на 68 тысяч нормальных людей. Население в 68 тысяч – это небольшой населённый пункт, так себе городишко, меньше среднего. И там 1000 человек с диагнозом аутизм – это много. Если, скажем, все выйдут гулять, то по каждой улице такого города будут прохаживаться, как минимум, десятки людей с названным отклонением.

Естественно, подобное будет тогда, когда нынешние поколения детей станут основным населением Земли, и при условии, что процент больных не будет увеличен. Однако он (процент) увеличивается, а эти поколения станут основой населения Земли через пару поколений, то есть лет через 30 – 40 уж точно, и поверьте, эти годы пролетят незаметно. Тогда, продолжая начатое рассуждение, скажем, в Санкт-Петербурге, например, (но при нынешнем количестве населения) людей с такими отклонениями будет более 200 тысяч, то есть, если они встанут рядом в полуметре друг от друга, получится «ленинка» длинной 100 километров. Страшно? На самом деле нет, чуть ниже объяснимся.

Люди, родившиеся с такими отклонениями, при существующей прогрессии, неизбежно станут значительной частью

¹ «Маленькая страна – мы есть» – это название православной христианской общины, объединяющей в себе детей с диагнозом «аутизм» и, естественно, их родителей.

жизни человечества, и все будут вынуждены с этим считаться, их нужды, пусть невольно, однако, будут общими нуждами. Мы, как минимум, должны узнать их. Для того, чтобы даже просто сосуществовать, надо хотя бы понять соседа, знакомого, брата или сестру, племянницу или внука. При этом как самих больных, так же их родителей и родных, тех, кто их не предал и не бросил.

Мы их пока толком и не видим, те, которые в интернатах, практически изолированы от общества, а те немногие счастливчики, которых не бросили их мамы, хоть и охвачены вниманием, однако, так же редко бывают на глазах окружающих. Тем не менее редких и невольных встреч с этими ребятами все стараются избежать, либо предельно сократить. А зря. Их не надо бояться, в них нет зла. (А как насчёт нас?) Да, они необычные для нас, непредсказуемые в поведении и выражении своих эмоций. Однако это далеко не безумцы, не психопаты, аутизм – не результат наследственных повреждений, и может оказаться, что они вообще не больные. Просто они другие.

Однако у этих «других» есть то, чего у нас точно нет, о чём мы давно забыли – они не умеют лгать и лукавить, никак и никогда, просто так устроены Творцом. В них нет личного зла, при этом осмелюсь сказать, что современный человек для зла открыт совершенно, и люди верующие в Бога (или хотя бы прислушивающиеся к голосу совести), вынуждены без конца бороться со злом, особенно с тем, что внутри каждого из нас. А в них этой общечеловеческой порчи нет, нет и всё. Конечно, с ними трудно их родителям (на самом деле мамам, пап просто почти нет, струсили и сбежали, остался один на сотню).

Но, скажите, легко ли тем родителям, у которых «нормальные» дети, но наркоманы или преступники, просто бесчестные и завравшиеся подростки, не говоря о противоестественных формах развращённости, что, к нашему горю, не особенная редкость. Как таким родителям приходить домой,

зная, что ты услышишь от своего ребёнка всё, кроме правды, и правды-то этой втайне бояться будешь больше остального. Как им? Любой согласится со мной, что таких детей поболее, чем один на 68, гораздо поболее. А вот справиться с ними намного труднее, и вреда от таких детей неизмеримо больше. Зло, исходящее от таких, губит либо ранит, помимо их родителей и родных, всех тех, кто с ними соприкасается. Не поэтому ли Господь посыпает нам аутизм, чтобы мы увидели, что есть люди, живущие без зла внутри и не умеющие лгать, просто не осознающие, что возможны ложь и зло в мире? Да за одно это качество мы должны за ними ухаживать.

А то, что они отличные от нас по поведению, так как же иначе? Ведь если они станут такими же, как все, они должны будут жить «наравную» с нами «нормальными» в этом повреждённом нами же мире. Мире в котором даже блаженные вынуждены лукавить с людьми, ради того только, чтобы, не жить одной с нами жизнью. Вот это, в самом деле, страшно.

Одни мои близкие монахи давно имеют попечение о бездомных и больных детях, там самые разные случаи, есть очень тяжёлые, есть там и ребятишки с аутизмом. Это «Детская миссия», мы давно дружим и часто общаемся. У них много прекрасных волонтёров, дети часто в храме, по воскресеньям причащаются; соответственно на протяжении тех лет, что существует «Миссия», мы как-то, пусть не очень часто, но неизменно пересекаемся. Мне всегда интересно и радостно наблюдать за их делами, видеть, как радуются эти малыши, как заботятся о них их совсем юные наставники либо приёмные родители, осознавать благородство этих молодых людей и уровень их самоотвержения. Знаете – просто знать, что такое в наше время есть, – уже радость. Однако поговорить как-то откровенно никогда не удавалось.

Но вот я оказался в Туле в своей семинарии и услышал, что намечена встреча со священником, окормляющим детей,

родившихся в состоянии аутизма (после этой встречи не могу заставить себя сказать – больных или, там, страдающих аутизмом, как-то язык не поворачивается), ну и, естественно, их родителей. Естественно я сразу же напросился и, едва они все появились, был тут как тут. В гостиной с прекрасной старинной мебелью и соответствующим интерьером (труды нашей Марины Александровны) стали собираться гости.

Пара изысканных дам беседовали у входа; отгибая их, в гостиную заходили подобного же вида женщины, как оказалось – мамы ребят «аутистов», всё больше молодые, часто откровенные красавицы, с ними дети, ухоженные и так же со вкусом хорошо одеты. У мам спокойные лица, приятный макияж, хорошо подобраны украшения, модно одеты все. Да, радостно удивлён, всё-таки ожидал измученных, почему-то старых и со скорбными лицами. А главное, был один ПАПА, так же с ребёнком – мальчик-подросток. Марина Александровна (изо всех сил удерживаюсь от комплиментов, монах всё же) всех рассаживает, она как бы распорядитель церемонии. Ну вот, все гости на местах, ребяташки с интересом всё оглядывают, трогают, глаза чистые, радостные.

Полтора десятка семинаристов, несколько священников, да один монах, обврот, с немытой головой и вечно нечёсаной бородой – ваш покорный слуга, вот и всё общество. Вступительное слово, оно же официальная часть, как-то сразу преобразовалось в беседу:

– Ну как вы? Как дети? Как – не лукавят? Вообще, даже по-детски? Вы научились проникать в их мир? С годами проще? Что – никогда не желают никому зла вообще?

И прочее подобное, все мои высказывания здесь насчёт детей – это не мой личный опыт, а результат вот этих кратких бесед. Нет, у мам всё же в глазах есть боль, однако, в процессе беседы понимаешь, что это боль не от трудности воспитания ребёнка с аутизмом, хотя это трудно и необычно, но взаим-

ная любовь окутывает эти труды. Боль у них в глазах от предательства самых близких и непонимания окружающих. Боль двойная, за себя и за ребёнка, не знающего, что существует предательство.

Однако сейчас вокруг были «свои», и все были радостны. Говорили что-то приятное друг другу, поздравляли с чем-то, кого-то благодарили, обязательно плакали, смотрели коротенький фильм про этих ребятишек, снова говорили. Спокойными оставались только дети, спокойными, но радостными. Одни узнавали себя на видео, другие серьёзно и внимательно слушали, были которые внешне не осознавали, в нашем понимании смысл происходящего, но сорадовались со всеми. Понимаете? Они всегда осознанно оставались в общем русле общения. Кроме того, что они другие, они разные.

Иногда дети с аутизмом напоминают расстроенный механизм, однако это, хоть и заманчивое, но неверное предположение, и если есть в нём здравое зерно, то заниматься этим должна только Православная Церковь, они вообще должны быть при Церкви. Вот послушайте, почему подобное мнение зародилось. Рассказал это мне их священник. – Идёт Литургия, и один из ребят пришёл в сопровождении своего дедушки. Всегда, когда этого паренька приводил в церковь его дедушка, парень не мог стоять спокойно ни минуты, размахивая руками и постоянно куда-то порываясь; дед его всегда держал, держал и теперь, но держал уже из последних сил.

Священник какое то время наблюдал за этим, а в один момент подходит и говорит пареньку: «А ну-ка, держи деда». Парень ни на секунду не смущился (и, думается, с благодарностью в душе), тут же, что было сил, обхватил своего дедулю и добросовестно держал его до конца службы, не дёргаясь и никуда уже не порываясь. А когда подошло время Причастия, паренёк сам спокойно подошёл, причастился и пошёл запивать, хотя раньше его всегда подводили и держали. Так-то. Паstryрь

уловил момент, прочувствовав линию духовного искривления, тут же, просто наитием, переменил вектор сиюминутного стремления паренька, и духовный «вывих» был вправлен.

Очень интересная девочка сидела впереди меня. Она вначале пускала из баночки мыльные пузыри, чуть в стороне за столом, потом перебралась на стул впереди меня, а время от времени поднималась и норовила ускользнуть то в одну, то в другую сторону. Мама ловила её, то сразу, то на «излёте», как-то разок догнала в коридоре, приводила, усаживала, и та снова без обид сидела на стуле. Вначале кажется, что просто неусидчивый ребёнок, не хочет сидеть со всеми и пытается убежать при первой же возможности. Однако, после второго же раза, внимание обращалось на то, что мама, как само собой разумеющееся, спокойно, по-простому, без раздражительности и не особенно торопясь, ловила её и усаживала, одновременно переговариваясь с кем-нибудь, и это было чем-то обычным, чем-то их личным, тем, что понимала только эта мама и её дочь. Да, они другие, и эта девчушка здесь делила радость общения так же со всеми, однако, передвигалась, время от времени просто следя неведомым нам движениям своего внутреннего мира, и её мама была ей солидарна и сочувствуна. Даже не знаю, как сказать, но это было трогательно и таинственно, однако было действием светлой стороны духовного мира людей.

Коротко говоря, каждый из этих детей был вместе со всеми здесь и одновременно находился в своём, неведомом нам, внутреннем мире. Да, за ними нужен уход, и смогут они осознать происходящее с ними или нет, неизвестно. Так устроил Господь, и это не может быть чем-то несущественным. Вначале поражает духовная чистота этих детей, потом замечаешь, что мамы эти тоже как бы омыты этим детским влиянием, они реально чище, как душевно, так и духовно. Это через некоторое время становится очень явственно. Независимо от меры воцерковлённости, они как бы бессознательно для себя уже

достойны Царствия Небесного. Такое вряд ли было бы им возможно, не будь у них этих детей.

Так что же такое эти дети? Помощь на пути в Царствие Небесное? Или сам «путь» – однако, каким же трудным тогда кажется этот путь. Или я ошибаюсь, и общение с такими детьми приносит их родителям немало радостных минут, тех, ради которых можно претерпеть остальное? Ведь родителям нужно от детей немного, на самом деле нужна просто их любовь, в ответ на родительскую. Вот здесь, вне всякого сомнения, эти дети искренне, всем существом любят своих родителей. Так, что не могут справиться со своими чувствами и ежеминутно показывают это своим поведением, обнимая, заглядывая в глаза, непрестанно соприкасаясь с любимой мамой, конечно же, не считаясь ни с какими «нормами поведения» (а зачем? ведь это любовь к матери или отцу, в этом нет дурного), как маленькие дети. И это умные, искренние чувства умных детей.

Может оказаться, эти родители имеют то, чего на сегодняшний день, к нашему горю, не имеет никто из родителей. Ну, скажем, с отроческого возраста своих детей, а многие намного раньше, испытывают, хоть частично, потерю искренности и честности своих чад. У этих же такое исключено заранее. Вопрос: лучше они или хуже – поставлен быть не может. Стоит вопрос их функциональности в нашей жизни, как бы некоторого неудобства, якобы ими причиняемого окружающим. Однако, если мы попытаемся заглянуть в суть происходящего, то вынуждены будем понять, что это не их, это наша проблема. А на лицах этих родителей отчёлливая печать «выполненного человеческого долга», это прямые взгляды тех, кто не предал, вопреки многому и многим.

Вы знаете, есть ещё одно чувство, неизбежно возникающее при общении с этими ребятами, – это чувство вины. И никто не говори ничего, просто прислушайся молча к себе, и ты почувствуешь, именно это чувство заставляет нас отводить

глаза и поэтому трудно сдержать слёзы даже мужчинам. Чувство вины, как бы не от нас, а вложенное в нас извне, свыше. Так устроил Господь: они другие, и они нужны миру. И нам должно о них иметь заботу, и наша совесть говорит нам об этом.

Однако, оставим это, ведь нас давно не прошибёшь никаким «чувством долга», и, тем не менее, это мы, ««разумные»», привели мир на край гибели, так, может, теперь воспользуемся оставшимся ещё в нас чувством самосохранения? И ухватимся за те «соломинки», которые посылает нам наш Творец и Создатель, соломинки, кстати, при ближайшем рассмотрении могут оказаться брёвнами, на которых смогут доплыть до Царства Небесного многие. Может быть, я ошибаюсь, – не знаю.

Однако и врать сам себе не могу, очевидно, что мамы этих детей непостижимым образом омыты душевной чистотой своих детей. Не могу выразить (или довести до сознания других), ощущение увиденного, но они выше других женщин, духовно выше, не замечая этого, без экзальтации, оставаясь женщинами в лучшем смысле этого слова. Все источники искренности, добра и любви у нас давно засорены как в неисправном водопроводе, у этих же ребятишек они бывают неиссякаемым ключом, словно из заповедных водопадов. Да, к этим источникам без труда не подойдёшь, да и удивительно было бы.

И уж совершенно в таком случае логично увеличение детей с аутизмом на Земле, может оно как-то пропорционально нашей всей растущей испорченности. Сейчас мы все очевидцы не контролируемой человечеством и несущей неизвестность перемены всего мира. Что сделает с нами погубленный нами мир?.. Однако Создатель наш посылает нам новые и новые средства ко спасению, а мы снова и снова отворачиваемся. И вот там, на встрече в семинарии, оглядываясь на всех в зале, было чувство, что здесь все ««нормальные»» смотрятся как-то

чуть мрачновато, что-ли, по сравнению с ребятами в состоянии аутизма; понимаете, эти последние как бы светятся.

И была радость не только от встречи с этими детьми, но и оттого, что ещё раз увидел людей, разглядевших посланное Господом средство спасения и воспользовавшихся им. Руководство семинарии, этот священник, пекущийся о детях с аутизмом (не буду называть и перечислять всех, дабы не превратить эту статью в дифирамб), все они так же плывут в волнах всё более штурмующего мира, и они разглядели эту «соломинку» и ухватились. Причём, не как тонущий в волнах, захлебывааясь, хватается за первое попавшееся, беспорядочно хлопая руками по воде, нет, – они спокойно и уверенно взялись, сцепившись как добрым рукопожатием, и спасаются не одни, ведут с собой семинаристов и всех, кто желает спастись. А главное, на самом деле, то, что они уже далеко не одиноки.

Тула. Семинария. Осень 2015 г.

Монах Варлаам

Содержание

Предисловие	3
Вместо предисловия. Мера и Подобие	7
О разном и по-разному	
Раздел 1. По-разному об истории и богословии	
Часть 1. Парафраз на тему: «Слово о законе и благодати» – произведение Илариона, митрополита Киевского (XI в.)	11
Часть 2. Размышления о пастырстве, или ночь перед хиротонией	25
Раздел 2. По-разному о современности	
Часть 1. (Начало 80-х. Мир). «Я не люблю евреев», или: «Где ты, Юрка?»	44
Часть 2. Середина 2020-х. Война (путевые заметки по Донбассу, поездка первая. Перемирие)	65
Первый день в Новороссии	67
Второй день в Новороссии	79
Третий день в Новороссии	86
Четвёртый день в Новороссии. Отъезд	103
Путь к милосердию	
Сборы	110
Дорога. День первый.	114
Дорога. День второй	117
Дорога. День третий	119
Донбасс. День первый. Таможня	122
Донбасс. День второй	127

Донбасс. День третий	132
Донбасс. День четвертый	139
Донбасс. День пятый.	148
Донбасс. День шестой.	156
Донбасс. День седьмой (последний в этой поездке)	178
Раздел 3. По-разному о радостном	
Часть 1. Тишина в «Крестах»	182
Часть 2. Оторванный лист из старого блокнота	198
«Маленькая страна – мы есть» или «Держи дедушку»	204
